

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Главная контора: Петроградъ, Нюстад-
ская, 6. Телеф. 206-32.

Московское отдѣленіе конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20,
кв. 3 (С. В. Лыцовой).

Цѣна объявленій:

Передъ текстомъ:		Позади текста:	
1 страница	65 руб.	1 страница	45 руб.
$\frac{1}{2}$ страницы	35 "	$\frac{1}{2}$ страницы	25 "
$\frac{1}{4}$ "	20 "	$\frac{1}{4}$ "	14 "
$\frac{1}{8}$ "	10 "	$\frac{1}{8}$ "	7 "

На обложкѣ:

4-я (наружная) стр.	100 руб.	3-я стр. обложки и 1-я передъ титуломъ	80 руб.
$\frac{1}{2}$ стр.	60 "	$\frac{1}{2}$ стр.	45 "
		$\frac{1}{4}$ "	25 "

Построчно: 1 строка непарели въ 1 столбецъ (въ
страницѣ 2 столбца):

На обложкѣ	1 руб.
Передъ текстомъ	70 коп.
Послѣ текста	40 "

За каждую тысячу вкладныхъ приложеній:

До 1 лота	9 руб.
" 2 лотъ	12 "
" 3 "	16 "
" 4 "	20 "

Пріемъ объявленій: въ МОСКВѢ у М. Д. Турубинера: 4-ая Твер-
ская Ямская, д. 29, кв. 45. Тел. 112-25.

Въ ПЕТРОГРАДѢ у Д. И. Марковского: Ивановская ул., д. 3.
Тел. 89-65.

3-й экз.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ПЯТЫЙ

15
МЗ.

КНИГА X

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1914

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

1. Черезъ Германію съ Станиславскимъ.

Все лѣто я читала чудесныя нѣмецкія книги по исторіи театра. Такъ много въ нихъ было не просто культурно-цѣннаго, но духовно-родного, что иногда налетала на душу особая радость—радость сознанія, что чужіе, невѣдомые люди, отдѣленные отъ насъ всѣми особенностями своей національной жизни и своей, уже далекой отъ насъ эпохи, могутъ быть намъ такъ близки,—такъ же чувствовать, такъ же думать, какъ мы... Каждый день, гуляя съ Станиславскимъ по лѣсистымъ дорожкамъ Мариенбада или сидя въ кафэ, на горѣ, откуда открывались синѣющія дали, мы дѣлились впечатлѣніями отъ прочитаннаго, разговаривали объ искусствѣ,—и жизнь, замкнутая въ волшебный кругъ, была тиха и свѣтла, какъ лѣтній полдень... Такъ трудно было очнуться отъ этихъ настроеній, отъ мыслей о должномъ и прекрасномъ, вернуться къ дѣйствительности, вчитаться въ первую тревожную телеграмму, выставленную за оконнымъ стекломъ какого-то банка и собиравшую кругомъ себя безпокойную толпу. Все было, въ сущности, очень ясно: назрѣвалъ серьезнѣйшій международный конфликтъ. Но сердце упорно не хотѣло не только принять его, но повѣрить въ его возможность. Слѣдя изо дня въ день за всѣмъ, что печаталось въ газетахъ, отдавая себѣ ясный отчетъ въ неблагородствѣ дипломатическихъ нотъ Австріи къ Сербіи (хотя Австрія въ то время была мнѣ ближе, чѣмъ никогда не виданная мною Сербія), смутно тревожась отъ этой явной несправедливости и жестокости австрійскаго правительства по отношенію къ маленькой независимой странѣ,—я все еще жила въ мірѣ искусства и надѣялась, что здѣсь, въ мірѣ дѣйствительности, какъ-нибудь уладится, обойдется безъ войны. До чего человѣкъ можетъ быть глупъ и слѣпъ!

Уже объявлена была австрийская мобилизация, и маріенбадское население съ пѣснями и плачемъ женщинъ проводило своихъ запасныхъ; затруднились пути въ сторону Россіи, куда мнѣ нужно было возвращаться около 20 іюля ст. ст.; нѣмецкія газеты изъ большихъ центровъ стали запаздывать на цѣлыя сутки. На променадѣ у цѣлебныхъ источниковъ оркестръ игралъ національные гимны Австріи и Германіи при громкихъ крикахъ нѣмецкой публики. Мѣстные листки, осторожно передавая сообщенія о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ между Австріей, Германіей и Россіей, печатали огромными буквами фантастическія сообщенія о ростѣ русской революціи, а мѣстныя власти, стараясь удержать на курортѣ начавшую развѣзжаться публику, развѣшивали огромные плакаты на разныхъ языкахъ, удостовѣряя, что пріѣзжимъ иностранцамъ обеспечена полная безопасность и возможность безпрепятственно закончить лѣченіе. Многие русскіе и поляки, смущаясь ложными извѣстіями о безпорядкахъ въ Польшѣ, о разрушеніи варшавской Цитадели и т. п., уѣзжали. Но громадное большинство, и я въ томъ числѣ, совсѣмъ не торопилось отъѣздомъ: если бы даже и война, то вѣдь все же мы живемъ въ XX вѣкѣ и т. п.

Только Станиславскій съ самаго начала насторожился какъ-то особенно сумрачно-внимательно. Въ дни, когда всѣ еще надѣялись на благоприятный исходъ дипломатическихъ переговоровъ, его огромная фантазія уже рисовала ему Европу, охваченную войной, внезапное закрытіе границъ, разрывъ всѣхъ международныхъ отношеній, необходимость возвращенія домой необычными, долгими, морскими путями. Но вопросъ объ отъѣздѣ имѣлъ для насъ нѣкоторыя осложненія: часть нашей компаніи, лѣчившейся въ Маріенбадѣ, въ томъ числѣ жена и сынъ оставшагося съ нами Качалова, уже уѣхала на итальянскую Ривьеру, и не было даже извѣстно, гдѣ именно они находятся, такъ какъ телеграфныя и почтовыя сношенія съ самаго начала австрийской мобилизации были затруднены. Въ виду необходимости для Качалова соединиться съ семьей, Алексѣевы (Станиславскій съ женою, Лилиной) рѣшили ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ сторону Италіи, на Мюнхенъ. Я попрежнему надѣялась пробраться домой черезъ Берлинъ, но Станиславскій нѣсколькими сильными словами убѣдилъ меня не разставаться съ ними. Они уѣзжали изъ Маріенбада 19 іюля ст. ст., я задержалась еще на день, обѣщала нагнать ихъ въ Мюнхенѣ, въ гостиницѣ.

19-е іюля стараго стиля было днемъ общаго, лихорадочно-поспѣшнаго общаго развѣзда изъ Маріенбада: полный перерывъ

телеграфнаго сношенія съ міромъ, объявленный вечеромъ 18-го, вызвалъ панику. На вокзалѣ творится нѣчто невообразимое. Элегантные мужчины, проталкивая свои сундуки къ таможенному барьеру, гдѣ заранѣе осматриваются отправляемые черезъ германскую границу вещи, лупятъ другъ друга картонками по головамъ. Станиславскій и Качаловъ все утро мучатся въ таможнѣ и только на полчаса передъ отъѣздомъ заѣзжаютъ въ гостиницу, гдѣ застаютъ явившагося къ нимъ изъ Франценсбада, только наканунѣ пробравшагося изъ России къ женѣ, извѣстнаго московскаго публициста Д. Онъ рассказываетъ о томъ, что творится въ связи съ мобилизаціей на русскихъ западныхъ желѣзныхъ дорогахъ и среди населенія Западнаго края; войну онъ считаетъ возможною, но объ опасностяхъ, угрожающихъ въ Германіи и Австріи русскимъ, онъ такъ же мало думаетъ, какъ и всѣ. Онъ бодръ, оживленъ, и, прощаясь, мы условливаемся встрѣтиться черезъ нѣсколько дней въ Мюнхенѣ.

Я одиноко гуляю въ Мариенбадѣ. Проводивъ друзей и уложившись, прислушиваясь къ звукамъ музыки на променадѣ, далеко разносящимся въ свѣтлыя сумерки по затихшему красивому курорту. Свѣжія газеты не пришли, новыхъ сенсационныхъ телеграммъ въ мѣстныхъ листкахъ нѣтъ. И такъ странно: въ душѣ тихая грусть, но не безпокойство,—не чуетъ сердце, что тамъ, за горизонтомъ, уже объявлена война.

Утромъ я на вокзалѣ, гдѣ суматохи и давки меньше, чѣмъ наканунѣ. Имѣя въ виду пересадку на нѣмецкой границѣ, въ Эгерѣ, при отсутствіи носильщиковъ, сдаю всѣ вещи, даже самыя драгоценныя книги и рукописи, въ багажъ. Вагонъ полонъ русскихъ—громадное большинство сворачиваетъ съ Эгера на Берлинъ. Въ Эгерѣ толкотня, давка, безпорядокъ, не добраться до газетъ, но подсѣвшія въ вагонъ нѣмки—ласковы. Ничто не указываетъ на какія-нибудь новыя событія. Однако на первой же маленькой станціи въ Германіи кондукторъ какъ-то особенно грубо и грозно велитъ всѣмъ выходить и выносить вещи. Оказывается—провѣряютъ паспорта. Это необычно. И всѣ здѣсь, на этой маленькой станціи, какъ-то особенно сумрачны. На слѣдующей станціи покупаю, какъ и всѣ, свѣжую газету, вижу сначала портретъ и некрологъ Жореса, не сразу могу читать дальше отъ тягостнаго волненія, и вдругъ глаза падаютъ на крупныя буквы: „Kriegserklärung...“ Становится душно въ купѣ. Нѣмцы, передавая изъ рукъ въ руки газету, тихо разговариваютъ. Поѣздъ мчится къ хорошо знакомому Мюнхену. Я повторяю про себя: „война“, но не могу осилить этого понятія въ примѣненіи къ данному

времени, даннымъ народамъ. Я знаю, конечно, о давнихъ воинственныхъ приготовленіяхъ Германіи; я не только знаю, но чувствую, съ тѣхъ иоръ какъ прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, что такое гордыня нѣмецкаго имперіализма, и безконечно тягостенъ мнѣ духъ этой матеріалистически-государственной культуры. Но война?... Неужели завтра же миллионныя полчища, состоящія изъ мирныхъ обывателей—такихъ вотъ, какъ окружающіе меня въ купѣ баварцы,—ринутся убивать другъ друга?... Сидящая противъ меня нѣмка грустно и ласково улыбается, передавая мнѣ бутылку шипучей воды. Она—баварка. Баварцы—добродушны и, вѣроятно, въ общемъ настроены такъ же, какъ я,—думается мнѣ.

Въ сумерки поѣздъ вползаетъ подъ стеклянную кровлю огромнаго мюнхенскаго вокзала. Выхожу на платформу и сразу, не знаю почему, чувствую небывалую холодящую отчужденность окружающей толпы, что-то тревожное и враждебное въ общей давкѣ. Пробую заговорить съ артельщикомъ о багажѣ — онъ только машетъ рукою: „гдѣ ужъ тутъ его найти! развѣ—завтра! Здѣсь Богъ знаетъ что дѣлается!“ Въ сумракѣ, среди лихорадочно бѣгущихъ черныхъ тѣней, на широчайшихъ перронахъ высятся не груды, а необозримыя высочайшія горы беспорядочно наваленныхъ другъ на друга сундуковъ и чемодановъ—точно со всего свѣта свезли ихъ сюда...

Гостиница „Roter Hahn“ недалеко, иду пѣшкомъ по одной изъ большихъ улицъ, все время чувствуя, что возбужденная толпа, рвущая изъ рукъ крикливыхъ газетчиковъ вечернія „Прибавленія“, живетъ какой-то враждебной мнѣ горячечной жизнью. Въ гостиницѣ меня съ холодной учтивостью проводятъ въ заказанную мнѣ комнату. Стучу въ сосѣдній номеръ Алексѣевыхъ. Станиславскій нездоровъ, лежитъ съ повышенной температурой въ постели. Узнаю отъ него, что Лилина и Качаловъ уже давнымъ-давно ушли встрѣчать меня на вокзалъ и вотъ не возвращаются, а въ городѣ очень тревожно: наканунѣ вечеромъ ко всѣмъ прибывшимъ русскимъ приходили „сыщики“, смотрѣли документы, спрашивали, предупреждали, что оставаться здѣсь не безопасно; совѣтовали скорѣе ѣхать на Швейцарію. Хозяинъ отеля пока-что успокаиваетъ, предлагаетъ даже остаться у него на неопредѣленно долгое время; обѣдать предлагаетъ въ особой комнатѣ во избѣжаніе столкновений. Утромъ Станиславскій былъ у баварскаго русскаго посланника, который завтра самъ выѣзжаетъ на Швейцарію, говорилъ съ его секретаремъ. Въ посольствѣ смятенъ: являются со всѣхъ сторонъ русскіе офицеры и чины

запаса, спрашиваютъ, какъ пробраться на родину, а никакихъ данныхъ для отвѣта, никакихъ указаній нѣтъ...—Мы говоримъ о томъ, что надо какъ можно скорѣе ѣхать, попытавшись получить утромъ по аккредитивамъ, у кого они есть, и размѣнять негодныя для Швейцаріи бумажки.

Въ то время, какъ мы бесѣдуемъ, съ площади, на которую выходитъ отель, доносится къ намъ на четвертый этажъ все возрастающій шумъ, гомонъ, переходящій то въ рѣзкіе, пронзительные крики и свистки, то въ нестройное, возбужденное массовое пѣніе. Поютъ патриотическія пѣсни. Попасть въ такую толпу на улицѣ—мужчинамъ велятъ снять шапки, и тогда что?... Позорно подчиниться или быть готовымъ къ тому, что избыють, растерзаютъ... Всю ночь шумѣла, ревѣла, не давая спать, эта площадь и эти перекрестныя улицы,—говоритъ Станиславскій.

Лилина и Качаловъ все не идутъ, но, можетъ быть, они внизу, въ маленькой столовой. Я спускаюсь, прохожу черезъ огромную общую столовую, полную возбужденнаго народа и пивныхъ паровъ, и встрѣчаю знакомыхъ—петербургскаго адвоката И. съ женою. Они тоже собираются ѣхать завтра на Швейцарію. Настроеніе ужасное, лица блѣдныя, глаза то вспыхиваютъ, то гаснутъ. Черезъ минуту за мной присылаютъ изъ маленькой столовой: Лилина и Качаловъ уже тамъ—мы разминулись на станціи. вмѣстѣ съ И. обсуждаемъ создавшееся положеніе.

Наконецъ, расходимся по комнатамъ. Но по потолку и стѣнамъ скользятъ, проникая съ площади, отраженія огней, шумить, реветъ и свиститъ толпа, несмотря на поздній часъ,—весь Мюнхенъ, какъ огромный кипящій, готовый взорваться котелъ. Нельзя себѣ представить, что это тотъ самый знакомый Мюнхенъ—съ картинными галлереями, съ безсмертнымъ покоящимся античнымъ фавномъ въ Глиптотекѣ, съ прекрасными издательствами. Можетъ быть, насъ не выпуститъ изъ Германіи эта ревущая толпа. И такъ далеко—Россія, близкіе, которымъ нельзя даже телеграфировать... Сонъ тяжелый все это.

Рано просыпаюсь и выхожу на узенькій балкончикъ. Маленькія человѣческія фигуры торопливо идутъ, идутъ внизу, кричатъ газетчики, собираются группы. Вдругъ опять какое-то движеніе, крики, свистки: кто-то бѣжитъ, за нимъ—погоня, быстро растетъ бѣгущая толпа, полицейскіе сажаютъ кого-то въ автомобиль и увозятъ. Что это такое? Я не понимаю. Но какое жуткое, отвратительное зрѣлище. Черезъ часъ изъ комнаты Алексѣевыхъ вижу такую же сцену: бѣжитъ, преслѣдуемая гикающей толпою, дѣвушка—полицейскіе хватаютъ ее.

— Это шпионъ-мужчина, переодѣтый женщиною, — съ нервнымъ смѣшкомъ говорить присутствующая въ комнатѣ горничная.

Хозяинъ отеля, наканунѣ убѣждавшій Станиславскаго остаться хоть на все время войны, теперь уже заявилъ ему, что лучше ѣхать. Еще бы!... Я спускаюсь въ столовую пить кофе, но съ трудомъ могу чего-нибудь добиться: кельнерши выслушиваютъ меня съ каменными лицами и не двигаются съ мѣста. Я беру кучу свѣжихъ газетъ. Въ передовицахъ — проклятія Россіи, вѣроломно начавшей войну и вынуждающей Германію къ отчаянной защитѣ... Мнѣ начинаетъ казаться, что я съ ума сошла, что я брежу. Во всѣхъ газетахъ одно и то же. Но вѣдь это же ложь: Германія сама объявила войну, достаточно было читать все то, что я читала раньше въ нѣмецкихъ же газетахъ, чтобы понять это... И вдругъ — такое единодушіе всѣхъ этихъ газетъ, сегодняшнихъ и вчерашнихъ, пришедшихъ изъ разныхъ городовъ Германіи. А вотъ отдѣльный заголовокъ: „Русскіе шпионы“. Они разсѣяны въ странѣ, — говоритъ газета, — они не только узнаютъ военные секреты Германіи, скрываясь подъ разными личинами, но взрываютъ мосты, мечутъ бомбы изъ-за угла, и правительство надѣется, что самъ народъ поможетъ выслѣдить и истребить ихъ... Я перечитываю еще и еще, потому что не вѣрю своимъ глазамъ... Да, теперь понятны эти сцены на улицахъ! Всякій русскій студентъ, всякая молоденькая художница изъ проживающихъ въ Мюнхенѣ будутъ представляться злодѣями этой толпѣ, загипнотизированной газетными проклятіями Россіи, ошалѣвшей отъ призыва къ истребленію тайныхъ враговъ. Съ населеніемъ культурнѣйшаго Мюнхена творится то же, что съ нашей темной толпой во время погрома или холернаго бунта. Недаромъ мюнхенскимъ докторамъ уже приходится дѣлать заявленія, что они изслѣдовали городскую воду, что водопроводъ не отравленъ. Недаромъ сами „сыщики“ предупреждаютъ: на улицахъ — ни слова по-русски.

Приходится выполнять этотъ совѣтъ, когда мы съ Лилиной отправляемся на вокзалъ и тщетно пытаемся разыскать въ грандіозныхъ складахъ, заваленныхъ тысячами сундуковъ, свои вещи или когда я хожу съ Качаловымъ по банкамъ и мѣняльнымъ лавкамъ, чтобы превратить въ швейцарскіе франки хоть сколько-нибудь австрійскихъ кронъ. Но какъ это унижительно — изъ страха передъ толпой говорить на чужомъ языкѣ...

Къ полудню выясняется, что въ половинѣ седьмого вечера идетъ послѣдній поѣздъ прямого сообщенія на швейцарскую границу. Багажа съ нимъ уже не берутъ, такъ что и доѣхавшіи

до Мюнхена сундукъ Лилиной нужно оставить. Но это уже мелочи, главное неясно: выпустятъ ли насъ. Неуловимое давление увеличивается съ часа на часъ, и передъ тѣмъ, какъ выбраться на вокзалъ, мы дѣлимъ поровну имѣющіеся у насъ на четверыхъ 120 швейцарскихъ франковъ на случай, если бы обстоятельства разлучили насъ, и прощаемся по-братски.

Вотъ мы уже на вокзалѣ въ сопровожденіи сердечнаго, заботливаго слугителя изъ гостиницы—единственнаго добродушнаго баварца, котораго мы видѣли въ Мюнхенѣ на этотъ разъ. Сердце щемить отъ его грустныхъ, ласковыхъ глазъ. Но безъ конца намъ приходится стоять на перронѣ въ ожиданіи, пока насъ пропустятъ къ поѣзду, и потомъ сидѣть въ поѣздѣ, который невѣроятно запаздываетъ отходомъ. Сумерки. Сѣрое облачное небо. Я смотрю на торопливо идущихъ по перрону людей,—сотни ихъ проходятъ мимо, но они теперь уже не составляютъ толпы, а всѣ озабочены личнымъ,—и я вижу, что лица у нихъ не возбужденныя, а сумрачно сосредоточенныя, и у всѣхъ такіе грустные, колючіе глаза... По другую сторону перрона отходитъ поѣздъ съ резервистами. Солдаты и офицеры спуютъ возлѣ него. Поѣздъ двинулся,—его провожаютъ долгими громкими криками, но и крики эти звучатъ, замирая, уныло и зловѣще.

Уже восьмой часъ, и нашъ поѣздъ трогается, наконецъ. Мы сидимъ въ вагонѣ третьяго класса, и публика подлѣ насъ—нехорошая: видно, что много выпито пива, и послѣ чтенія газетъ бесѣда становится возбужденной. Куда мы собственно ѣдемъ? Билеты взяты у насъ до Линдау, до пограничной станціи. Надо условиться, гдѣ мы встрѣтимся, если бы насъ разъединили.

— Въ Цюрихѣ?

— Ну хорошо, въ Цюрихѣ.

Мы не смѣемъ говорить по-русски,—перебрасываемся отрывочными нѣмецкими фразами, и это такъ тяжело, что вдругъ поражаетъ мысль: а вѣдь до этого личнаго опыта, несмотря на все, на всѣ принципы, мы не представляли себѣ, до чего это противоестественно и жестоко, что народы-завоеватели стѣсняють, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, языкъ побѣжденныхъ. Вечеръ приходитъ; въ вагонѣ—полутемно. Публика мѣняется. На одной станціи вваливается цѣлая ватага какихъ-то совсѣмъ пьяныхъ, буйныхъ молодцовъ съ цвѣтами въ петлицахъ, и настроеніе ихъ таково, что становится жутко: если обратятъ вниманіе на русскихъ, сейчасъ поднимется скандалъ, можетъ быть, потасовка. Мы сидимъ—будто дремлемъ, считая минуты и часы, которые идутъ необычайно медленно.

До Линдау, до швейцарской границы, остается часъ съ небольшимъ. Остановка—большая станція: *Immenstadt*... На платформѣ много народу... Поѣздъ уже трогается. Вдругъ какая-то суматоха у вагона, тревожный, словно полицейскій свистокъ, лязгъ цѣпей, соединяющихъ вагоны. Мы остановились, и въ вагонѣ появляется накрахмаленный германскій офицеръ.

— Изъ какой страны?—грозно обращается онъ къ Станиславскому.

— Изъ Россіи.

Офицеръ багровѣетъ, круто повертывается, выхватываетъ изъ ноженъ саблю и, взмахивая ею, кричитъ пронзительно, съ взвинченной, не то театральной, не то сладострастной свирѣпостью:

— Heraus!... Heraus!... Heraus!...

„Начинается“,—мелькаетъ въ головѣ... Мы выходимъ на платформу съ мелкимъ багажомъ въ рукахъ. „Положить вещи!... На землю!... Идите!...“ — командуетъ кто-то. Солдаты съ ружьями у плеча, безъ штыковъ, окружаютъ насъ тѣснымъ строемъ. Какой-то офицеръ, торопя выходящую изъ вагона Лилину, съ бѣшенствомъ подноситъ къ ея лицу револьверъ. Сквозь цѣпь окружающихъ насъ солдатъ видна густая, злобно глазѣющая толпа. Какіе-то возгласы, крики раздаются среди нея, поднимаются угрожающіе кулаки. Мы идемъ, вплотную окруженные конвоемъ, попарно, подъ руку. Насъ препровождаютъ въ одно изъ станціонныхъ помѣщеній, гдѣ уже собралось десятка полтора высаженных съ поѣзда людей, напуганныхъ и въ большинствѣ бѣдно одѣтыхъ. Офицеръ требуетъ чего-то у Качалова. Я слышу слово „Waffen“ и отвѣчаю: „Какое тамъ оружіе! Смѣшно... Этотъ господинъ—актеръ“. У одного изъ присутствующихъ отнимаютъ револьверъ. Толпа съ платформы лѣзетъ въ огромныя открытыя окна, напираетъ въ открытыя двери, съ трудомъ удерживаемая часовыми. Откуда-то несется, приближаясь, дикій крикъ и вопль. Кого-то вталкиваютъ съ силою въ комнату: блѣдный, дрожащій мужчина. Потомъ худенькая женщина: она почти опрокидывается, ударомъ въ спину, на столъ, стоящій посреди комнаты, начинаетъ истерически рыдать, подхваченная сильнымъ спутникомъ, въ дурнотѣ опускается на его руку, скользитъ къ полу. Съ трудомъ достаютъ ей воды. Потомъ оказалось, что это была австрійка съ мужемъ французомъ. Толпа рычитъ и гогочетъ на платформѣ, и опять слышны вопли: вталкиваютъ старую, полумертвую отъ ужаса женщину, еврейку.

— Всѣ?—спрашиваетъ офицеръ.

— Теперь всѣ.

— Затворить двери...

Начинается просмотр документов. Тихо, только изрѣдка раздается стонущій вздохъ. Мы стоимъ въ комнатѣ очень тѣсно. Толпа еще глазѣть съ платформы въ окна и стеклянныя двери съ платформы и съ какой-то внутренней лѣстницы. Оглядываясь, я встрѣчаю устремленный на меня сквозь стекло злой пристальный взглядъ: молоденькая бѣлокурая мѣщанка яростно грозитъ мнѣ кулакомъ. А лицо, косы, какъ у Гретхенъ. Мнѣ стало вдругъ по-человѣчески больно отъ ея злобы и, не отводя глазъ, я укоризненно покачала ей головой. Нѣтъ, я не ошибаюсь: взглядъ ея сталъ вдругъ испуганный, потомъ грустный,—и долго глядимъ мы такъ, сквозь стекло, другъ на друга... Можетъ быть, у нея женихъ пошелъ на войну, и она ненавидитъ русскихъ за то, что они убьютъ его. — Просмотръ документовъ конченъ. Одинъ изъ офицеровъ прочитываетъ бумагу, изъ которой видно, что насъ повезутъ куда-то и тамъ высшя власти опредѣлятъ нашу судьбу. Странно: онъ читаетъ, и лицо его блѣдно, а губы дрожатъ. Не одна я замѣтила это. Потомъ другой офицеръ съ выдѣланной крикливой четкостью и рѣзкостью интонацій возвѣщаетъ, что насъ посадятъ въ поѣздъ, при чемъ въ каждомъ вагонѣ будетъ по офицеру и по два солдата, въ каждомъ купѣ—по два резервиста. Идемъ къ поѣзду, окруженные солдатами, и садимся въ старый вагонъ третьяго класса съ наглухо отгороженными другъ отъ друга купѣ.

Насъ везутъ въ обратную сторону отъ границы. Уже почти ночь. Тихо мигаетъ маленькая свѣча въ фонарѣ. Съ нами въ купѣ—молодая дѣвушка, русскія студентки изъ Мюнхена, и два молодые баварскіе резервиста. Поѣздъ идетъ медленно. Въ окна виднѣется свѣтлѣющее отъ мѣсяца небо и чернѣютъ силуэты высокихъ холмовъ. Послѣ пережитого волненія на душѣ становится необычайно тихо. Неизвѣстно собственно, что намъ предстоитъ. „Можетъ быть, мужчинъ разстрѣляютъ“ вполголоса говоритъ мнѣ сидящій подлѣ Станиславскій. Онъ говоритъ это совсѣмъ серьезно и даже приводитъ нѣкоторыя соображенія въ доказательство этого, но голосъ его ровень и мягокъ: въ эту минуту жизнь созерцается съ какой-то безличной высоты, и ничто не кажется страшнымъ. Онъ говоритъ о томъ, что впечатлѣнія этихъ дней сдѣлали для него страшно яснымъ сознаніе неглубокости всей этой человѣческой культуры, буржуазной культуры, и необходимости совсѣмъ иной жизни, съ сокращеніемъ до минимума всѣхъ нашихъ потребностей, съ работой—настоящей художественной работой—для народа, для тѣхъ,

кто еще не поглощенъ этой буржуазной культурой... Онъ говорить о только что пережитыхъ впечатлѣнiяхъ — объ этихъ нѣмецкихъ офицерахъ, отталкивающихъ своей полу-театральной взвищенной свирѣпостью, и о злобствующей толпѣ. „Но я не могу считать людей совсѣмъ дурными—все равно, и такихъ людей... — прибавляетъ онъ:— они таковы потому, что они не знаютъ... они мучатся и мечутся, какъ во снѣ“... Мы говоримъ объ этомъ,—и оттого, что онъ говорить такія страшно близкія мнѣ вещи, на душѣ становится неизъяснимо хорошо.

— Посмотрите!—говоритъ громко молоденькій резервистъ, мирно переговаривавшійся вполголоса съ нашими спутницами-студентками.—Огоньки въ долинѣ!... Какъ красиво!...—Лицо у него такое милое и ясное. Онъ называетъ родное мѣстечко, мимо котораго мы проѣзжаемъ. Огни, разсыпанные въ глубинѣ чернѣющей долины, среди высокихъ холмовъ,—какая въ нихъ волнующая прелесть!... Черезъ полчаса городокъ Кемптенъ, гдѣ будутъ рѣшать, что съ нами дѣлать. Но теперь уже ничто не давитъ душу, и кажется даже, что черезъ огромныя пространства, отдѣляющія насъ отъ дома, долетитъ туда безъ словъ, безъ телеграфа вѣсть, что теперь уже все хорошо.

„Кемптенъ!“ Открываются двери купэ. Ночная свѣжесть ознобомъ проникаетъ въ тѣло. Насъ выстраиваютъ на платформѣ въ рядъ—среди цѣпи солдатъ, долго выравниваютъ для чего-то, заставляютъ долго чего-то ждать. Рядомъ со мною стоитъ незнакомый резервистъ съ ружьемъ у плеча и съ необычайно добродушной, круглой, розовой физиономіей. Онъ наивно заглядываетъ мнѣ въ лицо, и мы невольно улыбаемся другъ другу.

— Haben Sie nur keine Angst. — говоритъ онъ, выговаривая Angst по-баварски: Ангштъ!—Вѣдь это все изъ-за шпионовъ происходитъ, а невиннымъ людямъ развѣ сдѣлаютъ что-нибудь!...

Онъ, очевидно, искренно вѣритъ, этотъ милый молоденькій баварецъ, что его родина не осквернитъ себя мучительствомъ невинныхъ. Теперь жизнь, вѣроятно, уже убила въ немъ эту вѣру или развратила его самого. А можетъ быть, его уже нѣтъ на свѣтѣ...

Внезапное движеніе на платформѣ. Насъ выстраиваютъ парно и велятъ маршировать заодно съ конвоирующими насъ многочисленными солдатами,—глупая оперетка какая-то! Платформа пуста, уже второй часъ ночи. Опять проводятъ всѣхъ въ небольшое станціонное помѣщеніе и заставляютъ долго стоять на ногахъ, пока тщательно пересматриваются документы. По счастью, никого подозрительнаго въ нашей довольно разнородной толпѣ

не оказывается. Старшій офицеръ, некрасивый блондинъ, „адъютантъ кемптенскаго округа“, какъ онъ потомъ отрекомендовался Станиславскому, не навинчиваетъ себя на устрашающую свирѣпость; онъ простъ и дѣловитъ, а со Станиславскимъ, послѣ ознакомленія съ его документами, даже чрезвычайно почтителенъ и галантенъ. Онъ заявляетъ, что насъ отпустить утромъ съ обязательствомъ выѣхать изъ предѣловъ Германіи; вопросъ только въ томъ,—прибавляетъ онъ,—приметъ ли насъ Швейцарія. Ночь мы проведемъ подъ стражей въ буфетѣ станціи, а въ седьмомъ часу подадутъ поѣздъ.

Всѣ посвѣтлѣли, когда насъ перевели въ буфетъ. У дверей—сонная стража съ ружьями у плеча; даже женщинъ, выходящихъ въ уборную, сопровождаетъ по два солдата, но общая атмосфера, вѣроятно благодаря старшему офицеру, не суровая. Въ большой залѣ довольно много народу: насъ набралось нѣсколько десятковъ человѣкъ. Много оживленно бесѣдующихъ евреевъ, долго жившихъ въ Германіи и почти забывшихъ русскій языкъ; много учащейся молодежи; нѣсколько сумрачныхъ бѣдняковъ. Мы разсаживаемся вокругъ столиковъ. Сонныя кельнерши мало-по-малу становятся привѣтливы. „Окружной адъютантъ“ подходитъ къ Станиславскому и заранѣе сообщаетъ ему содержаніе бумаги, которую онъ сейчасъ во всеуслышаніе прочтетъ и которую мы должны будемъ подписать. Черезъ короткое время онъ, дѣйствительно, прочитываетъ ее: въ томъ случаѣ, если Швейцарія впустить насъ, мы обязуемся покинуть предѣлы Германіи въ 24 часа, если же Швейцарія въ теченіе этихъ 24 часовъ насъ не впуститъ, мы должны вернуться и отдаться германскимъ властямъ въ качествѣ военнопленныхъ, а въ случаѣ уклоненія отъ добровольной явки намъ предстоитъ заключеніе въ крѣпость на полтора года... Швейцарія не впуститъ! Мнѣ кажется это лишь формальной оговоркой, по существу нелѣпою, и, подписывая бумагу, я удивляюсь, что спутники мои вдалились въ такой пессимизмъ: серьезно обсуждаютъ, какъ выхлопотать у швейцарскаго правительства, черезъ посредство русской миссіи, скорѣйшій пропускъ черезъ швейцарскую границу, составляютъ телеграммы, которыя нужно будетъ отправить изъ Линдау. У меня сохранились эти листки—текстъ телеграммъ, съ напрасною тщательностью, какъ мнѣ казалось, выписанный рукою Станиславскаго въ ту странную ночь, въ буфетной залѣ Кемптена... Всѣ мы очень утомлены, каждый по-своему. Качаловъ задумчивъ и молчаливъ. Станиславскій блѣденъ и возбужденъ. Его узнали въ публикѣ, подходятъ, заговариваютъ; потомъ ему кажется, что онъ отвѣчалъ недостаточно внимательно,—и онъ отправляется

„отдавать визитъ“ незнакомцамъ въ тотъ или другой уголь залы. Всегда ясная и бодрая Лилина, измученная и человѣчески оскорбленная грубыми моментами этой ночи, прилегла на сдвинутыхъ деревянныхъ стульяхъ, подложивъ подъ голову пальто. Хозяйка буфета, полная женщина съ добродушнымъ круглымъ лицомъ, подсѣла къ ней, долго разговариваетъ; потомъ, когда Лилина пересѣла къ столу, приноситъ ей двѣ розы въ стаканѣ и проситъ взять ихъ съ собой. У меня сохранилась одна изъ этихъ розъ—на память о впечатлѣннѣяхъ этой ночи, въ которыхъ такъ сложно переплелось уродливо-грубое и высокое, жуткое и трогательное.

Медленно идутъ часы. Душно. Нѣтъ возможности залить палящую жажду нервной усталости. Уже синѣетъ разсвѣтъ въ окнахъ. Мѣняется наша стража... Въ седьмомъ часу, наконецъ, открываютъ двери и насъ ведутъ къ поѣзду. Въ багажномъ вагонѣ съ радостью видимъ нашъ ручной багажъ, брошенный на платформѣ въ Имменштадтѣ по грозному повелѣнью мѣстныхъ военныхъ властей. Это очень важно: въ чемоданчикѣ Станиславскаго драгоценные материалы, рукописи—давно подготавливаемая имъ книга о сценическомъ творчествѣ. Садимся опять въ старый вагонъ третьяго класса, разгороженный на отдѣльныя клѣткшки. Въ нашемъ отдѣленнѣцѣ—кромѣ насъ четверыхъ,—учащаяся молодежь. Идутъ возбужденные разговоры о томъ, что творилось въ Мюнхенѣ въ послѣднѣе дни, о томъ, какъ вдругъ перемѣнились къ русскимъ квартирохозяева, даже самые интеллигентные люди, какъ начались аресты, какъ окружала на улицѣ разъяренная толпа. Говорятъ, что толпа ворвалась наканунѣ въ русскую мюнхенскую читальню и разгромила ее, изорвала и выбросила на улицу всѣ годами накопленныя книги. Какой тяжелый, отвратительный сонъ! Можетъ быть, правда,—только сонъ?... Усталость послѣ долгой томительной ночи такъ велика, что нѣтъ силъ отличить дѣйствительности отъ странныхъ путаныхъ видѣннѣй. Дикіе окрики, сабли наголо и ружья, револьверъ у лица Лилиной, ревущая толпа на платформѣ, избитыя женщины, а въ рукахъ у насъ—начинающія увядать красная и бѣлая розы, съ ласковой улыбкой протянутыя круглолицей нѣмкой... Утренняя свѣжесть проникаетъ въ открытыя окна. Подъ бѣлесоватымъ мгlistымъ небомъ—горы все выше: чувствуется близость Швейцаріи. Скоро должно быть Боденское озеро, Линдау, но поѣздъ ползетъ медленно, подолгу стоитъ на станціяхъ. „А время идетъ... у насъ было всего 24 часа, чтобы выхлопотать пропускъ въ Швейцарію, теперь уже гораздо меньше“,—говоритъ Качаловъ, и я снова протестую противъ этого пессимизма: можно еще допустить сюр-

призъ на границѣ со стороны нѣмцевъ, но чтобы свободная, нейтральная Швейцарія не впустила изгоняемыхъ людей!...

Наконецъ, открылось озеро въ туманной пеленѣ. Какіе-то полустанки еще, и вотъ уже несомнѣнно Линдау. Поѣздъ останавливается, дверцы вагона открываются снаружи... Что это?... Сплошная цѣпь солдатъ съ ружьями на плечѣ опять окружаетъ насъ, и офицеръ кричитъ что-то, рѣзко отчеканивая слова, напряживаясь, свирѣпѣя. Я не вѣрю своимъ ушамъ. Онъ спрашиваетъ, всѣ ли понимаютъ здѣсь по-нѣмецки, и отчеканиваетъ еще разъ: „Вы задерживаетесь, какъ военноплѣнные... Выходите изъ вагоновъ и стройтесь... Смирно!... Если кто-нибудь шелохнется, въ васъ будутъ стрѣлять“... Что-то бѣшено-напряженно дрожить въ его голосѣ и лицѣ, сообщая нервное напряженіе всѣмъ окружающимъ,—и кажется, вотъ сейчасъ кто-нибудь дрогнетъ, дернется произвольно, вскрикнетъ истерически—и такъ же истерически произвольно выпалятъ солдаты. „Стройся!... Смирно!... Васъ отведутъ въ казарму“... Мы уже становимся опять въ пары, подъ руку. Изъ багажного вагона быстро выбрасываютъ и складываютъ на телѣжку наши вещи, и телѣжка уже полна. „Маршъ!...“ Вдругъ какое-то замѣшательство, остановка, кто-то подошелъ за цѣпью солдатъ, какая-то новая команда. Я не понимаю, въ чемъ дѣло, но вижу группу женщинъ, которая растетъ. Команда повторяется: „Женщины и малолѣтніе могутъ выйти и переправиться въ Швейцарію... Остальные—маршъ!...“ Я слышу все это, какъ сквозь сонъ, продолжая стоять подъ руку съ Качаловымъ. „Милая, идите! идите!—говоритъ онъ.—Вы отправите тамъ наши телеграммы, сдѣлаете что можно“... Я словно просыпаюсь: „Да, конечно... Я иду“. Нужно рѣшить все въ одно мгновеніе. Меня поспѣшно обнимаютъ, даютъ мнѣ приготовленные ночью телеграммы, быстро, уже на ходу, подъ окрики уводящей ихъ стражи, достаютъ и бросаютъ мнѣ въ сумочку какія-то деньги, потому что у меня почти не осталось своихъ... И вотъ ихъ уже увели.

2. Перепуганная Швейцарія.

Я стою на площадкѣ, подлѣ вокзала. Неподалеку плещетъ въ берегъ бѣлѣющее, мглистое Боденское озеро. Голова кружится, и опять кажется, что все это—смутный сонъ: Станиславскій, Лилина, Качаловъ—„военноплѣнные“, а я свободна, хотя еще на германской землѣ...

— Пожалуйте на пристань!—покровительственно говоритъ старикъ въ желѣзнодорожной или паровой формѣ.

Я беру свой небольшой сакъ и вмѣстѣ съ другими женщинами иду на пристань. Тамъ, въ маленькомъ, открытомъ къ озеру помѣщеніи, уже порядочно народу—женщины, которыхъ я не видѣла съ нами въ Кемптенѣ, говорятъ по-русски. Спрашиваю, откуда онѣ. Одна дама съ измученнымъ лицомъ, съ двумя дѣтьми, объясняетъ мнѣ, что онѣ выѣхали изъ Мюнхена съ тѣмъ же поѣздомъ, что и мы, но въ Имменштадтѣ почему-то отцѣпили и оставили для обслѣдованія только заднюю часть поѣзда, а передніе вагоны благополучно дошли до Линдау. Здѣсь, однако, всѣ русскіе были арестованы, объявлены военноплѣнными и отведены въ какой-то обширный пакгаузъ, гдѣ и провели подъ стражей въ невѣдѣніи своей судьбы тяжелую бессонную ночь. Полчаса тому назадъ женщинамъ и малолѣтнимъ предложили выйти. Говорятъ, это оттого, что у нихъ нѣтъ здѣсь помѣщенія для военноплѣнныхъ, всюду очень тѣсно. Измученная дама рассказываетъ мнѣ далѣе, что мужъ ея остался тамъ, и она не знаетъ, ѣхать ли ей на швейцарскій берегъ съ ближайшимъ пароходомъ, или дожидаться его здѣсь. Herr Pfarrer, который былъ съ ними ночью, увѣряетъ, что черезъ два часа всѣхъ отпустятъ.

— Какой же это Herr Pfarrer?... И почему онъ былъ съ вами?

— Католическій священникъ, баварецъ. Очень добрый... Онъ успокаивалъ насъ всѣхъ.

Подошедшія молодыя дѣвушки подтверждаютъ это. Кажется, онъ и теперь гдѣ-то здѣсь, у пристани.

Откуда-то еще католическій священникъ... Что за фантазматорія! Но я бѣгу искать его. Вижу окруженную женщинами массивную фигуру, по одеждѣ какъ будто священникъ, уже старикъ, съ очень широкимъ сытымъ, бритымъ лицомъ, не особенно привлекательнымъ. Не то онъ добродушенъ, не то себѣ на умѣ, отвѣчаетъ на вопросы нѣсколько нетерпѣливо, спѣшитъ. Я оставивъ его, спрашиваю, что онъ знаетъ о судьбѣ русскихъ военноплѣнныхъ, объясняю, что у меня тамъ друзья, артисты.

— Я надѣюсь, они будутъ освобождены... Вы можете не ѣхать съ ближайшимъ пароходомъ, подождите здѣсь, на пристани... Я хлопочу... Сейчасъ иду туда...

— Но если ихъ задержать?... Съ насъ взяли подписку—обязательство выѣхать изъ Германіи въ двадцать четыре часа... Я должна отправить телеграмму русскому консулу въ Швейцаріи...

— Швейцарскія власти ничего не могутъ сдѣлать для нихъ, пока они въ Германіи. Они—военноплѣнные...

— Но Швейцарія можетъ не впустить въ двадцать четыре часа...

Я начинаю допускать то, чего дорогой не допускала: такая путаница во всемъ, такъ все неожиданно.

Священникъ кидаетъ на ходу, удаляясь:

— Швейцаря?... Дѣло не въ Швейцаріи... Тутъ вотъ надо устроить...

Но какія гарантія, что онъ „устроитъ“? И какіе у него мотивы? Христіанскіе?... Я возвращаюсь на пристань, спрашиваю, когда идетъ пароходъ на швейцарскій берегъ. Оказывается, одинъ идетъ сейчасъ на Романсхорнъ: это ближе къ Цюриху, гдѣ я должна встрѣтиться со своими друзьями, если ихъ освободятъ; другой—черезъ два часа, на Роршахъ. Нѣкоторыя женщины колеблются, не подождать ли по совѣту священника. Я рѣшаю ѣхать немедленно, вхожу на пароходъ, но въ послѣднюю минуту соображаю, что швейцарскихъ денегъ у меня только 30 франковъ, нѣмецкихъ въ Романсхорнѣ могутъ не размѣнять, и тогда даже на телеграммы недостаточно, и до Цюриха я не доѣду. Пишу второпяхъ на всякій случай записку Станиславскому: „ищите меня на платформѣ въ Романсхорнѣ“, и отдаю ее вошедшему на палубу носильщику, описывая ему наружность Станиславскаго. Пароходъ отваливаетъ отъ берега.

Кругомъ меня толпа взволнованныхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ.

— Вы ѣхали со Станиславскимъ?—говоритъ мнѣ одна изъ нихъ.

— Да, вы узнали его?

— Боже мой, да развѣ можно его не узнать... Я чуть не заплакала отъ радости, когда увидѣла его ночью тамъ, на станціи: словно я Россію увидѣла... Сразу легче стало.

Другая, страшно растерянная, шопотомъ проситъ меня достать лимонаду для ея старой матери.

— Этотъ пароходъ нѣмецкій,—говоритъ она.—Я боюсь ихъ... Вѣдь они били ночью мою мать... по лицу били... тамъ, на платформѣ...

— Толпа?

— Да, да... Боже мой, вѣдь мама больная, лѣчиться ѣздила...

Я узнаю въ ея матери одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ имменштадтская толпа съ гиканьемъ вталкивала въ станціонное помѣщеніе. Теперь она даже не можетъ говорить и только тяжело дышитъ, глотая лимонадъ. Другая неподалеку сидитъ съ подбитымъ, опухшимъ и побагровѣвшимъ глазомъ.

Но уже близко швейцарскій берегъ. Сейчасъ, вѣроятно, можно будетъ, наконецъ, отправить телеграмму домой. Если бы она до-

шла раньше, чѣмъ они начнутъ читать тамъ сообщенія о германской грубости.

Не помня себя, бѣгу по мосткамъ на набережную. Тутъ же и вокзалъ побережной желѣзной дороги. На немъ масса солдатъ. Никогда я ихъ не видѣла столько въ Швейцаріи. Разставлены всюду, подъ ружьемъ.

— Скажите пожалуйста, Швейцарія принимаетъ иностранцевъ, прїѣзжающихъ изъ Германіи?—спрашиваю я одного изъ нихъ.

Онъ не понимаетъ моего вопроса и совѣтуетъ мнѣ обратиться къ стоящему неподалеку старику, швейцару станціи.

— Сударыня!—отвѣчаетъ мнѣ тотъ по-французски, нѣсколько даже обиженный моимъ вопросомъ,—сударыня! Швейцарія—свободная, нейтральная страна... Она никогда никому не отказывала въ пріютѣ, кромѣ уголовныхъ преступниковъ...

И въ голосѣ его звучитъ гордость.

Ну, конечно, конечно!... Какъ я могла усомниться!... Если Pfarrer правъ, черезъ нѣсколько часовъ они будутъ уже здѣсь проѣздомъ изъ Роршаха на Цюрихъ, я буду ждать ихъ здѣсь... Камень сваливается съ души, и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую внезапно такой упадокъ силъ, что мой небольшой сакъ падаетъ у меня изъ рукъ, я волоку его нѣсколько шаговъ по землѣ и, торопясь на телеграфъ, отдаю его подъ покровительство станціоннаго жандарма. Телеграфъ недалеко. Телеграммы въ Россію и Италію принимаютъ, слава Богу, хотя мобилизація все разстроила, желѣзныя дороги въ беспорядкѣ,—объясняетъ мнѣ телеграфистка, участливо выясняя, какимъ путемъ и по какому тарифу вѣрнѣе отправить телеграмму въ Россію.

— Значитъ, это правда, что и въ Швейцаріи мобилизація?

— Боже мой!... Такое бѣдствіе!... Всѣ мужчины ушли. Страшное время...

Телеграммы отправлены. Еще одно огромное облегченіе, и я чуть не падаю отъ внезапно замѣченнаго голода и жажды. Телеграфистка приноситъ мнѣ воды въ чайной чашкѣ, продолжая говорить о войнѣ и выражая сочувствіе русскимъ, выбиравшимся изъ Германіи.

Всѣ взволнованно говорятъ о войнѣ и всѣ держатъ себя необычайно, до ласковости участливо: жандармъ, передавшій на храненіе мой сакъ и отказывающійся получить отъ меня на чай; старикъ-сторожъ въ складѣ для храненія, добродушно укоряющій меня за то, что я отдаю вещи безъ квитанціи „въ такое злое время“; станціонный служитель, провожающій меня въ маленькій

уютный ресторанъ и тоже отказывающійся получить на чай; горничная въ этомъ ресторанѣ, предлагающая мнѣ воспользоваться отсутствіемъ публики и хорошенько отдохнуть, растянувшись на диванѣ. Кажется, „злое время“ сдѣлало всѣхъ добрыхъ особенно добрыми, какъ злыхъ особенно злыми.

Общая доброта и ласковость словно убаюкиваютъ меня. Но я борюсь со сномъ, не рѣшаюсь даже прилечь: нужно ждать на вокзалѣ моихъ друзей. Въ 4 часа долженъ подойти поѣздъ, съ которымъ они пріѣдутъ, если только ихъ освободятъ тамъ. И я жду, жду безъ конца, прогуливаясь по платформѣ между разставленными по ней многочисленными швейцарскими солдатами. Поѣздъ подходит. Пересаживающіеся на Цюрихъ валятъ изъ него толпою. Мелькнули знакомыя фигуры: этотъ господинъ былъ съ нами ночью въ Кемптенѣ, и тотъ тоже, кажется. Значить, и они здѣсь. Но ждать некогда, я вхожу, надѣясь отыскать ихъ дорогой, въ тотъ вагонъ, куда направились наши спутники.

— Васъ всѣхъ выпустили?—спрашиваю я ихъ.

— Да.

— И всѣ уже въ Швейцаріи?

— Да, мы пріѣхали съ парохомомъ на Роршахъ.

— Отчего же другихъ нѣтъ въ этомъ поѣздѣ?

— Вѣрно, не успѣли. Поѣздъ уже отходилъ, когда пароходъ причалилъ къ берегу. Мы бросились со всѣхъ ногъ и успѣли уѣхать.

Значить, я могу быть спокойна. Къ вечеру они будутъ въ Цюрихѣ, утромъ найду ихъ. Я ничего не понимаю больше отъ усталости. Долгимъ кажется путь.

Подѣзжаю къ Цюриху уже въ темнотѣ. Льетъ дождь, и долго я хожу подъ дождемъ, отыскивая себѣ доступное по цѣнѣ убѣжище въ переполненныхъ гостиницахъ, пока не забираюсь въ скверную каморку на чердакѣ, гдѣ и засыпаю сейчасъ же мертвымъ сномъ. Утромъ просыпаюсь подъ звуки военной музыки. Изъ моего окошечка, черезъ какія-то недостроенныя зданія, видно, какъ маршируютъ по улицѣ мирные швейцарскіе полки. Безуть пушки, походные ящики. Внизу, въ столовой гостиницы, мнѣ рассказываютъ о томъ, какая тревога охватила Швейцарію при объявленіи войны, съ какою невѣроятною быстротою произведена была мобилизація, вырвавшая изъ семей почти всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, разорившая въ одинъ день десятки тысячъ мелкихъ предпріятій. Худенькая молодая дѣвушка, дочь хозяевъ гостиницы, выселившихся изъ Германіи нѣмцевъ, страшно вол-

нуется, рассказывая мнѣ объ этомъ. Наканунѣ вечеромъ, узнавъ, что я русская, она стала суха со мною, теперь она говоритъ дружелюбно. „Правительства начинаютъ войну, а не народы“,— замѣчаетъ она какъ бы въ свое оправданіе. Къ тому же она все-таки больше швейцарка, чѣмъ нѣмка. Судьба Швейцаріи волнуетъ ее ужасно. Ей кажется, что французы должны вторгнуться въ Швейцарію въ обходъ нѣмцамъ,—и что тогда? Въ Бельгii уже идетъ бой... Несчастливая маленькая Швейцарія. Она поставила уже подъ ружье до полумилліона солдатъ: изъ нѣмецкой части ея полки посланы на французскую границу, а сюда, на сѣверъ, посланы полки изъ южныхъ кантоновъ. Швейцарія всегда предусматривала эту опасность на случай войны, готовилась къ защитѣ своего нейтралитета. Но если бы даже и удалось его сохранить, то какую цѣною!... Какое разореніе повсюду! Люди взяты въ войска, лошади взяты. Изъ здѣшняго цирка увели всѣхъ лошадей... И голодъ грозитъ. Говорятъ, Вильгельмъ обѣщаль не прекращать въ Швейцарію подвоза хлѣба и другихъ продуктовъ,—но кто знаетъ!... И потомъ—иностранцы! Швейцарія живетъ иностранцами, но вотъ англичане за эти два дня уже почти разѣхались, французы, бельгійцы и другіе тоже. А тѣ, которые бѣгутъ сюда изъ Германіи,—безъ денегъ. По аккредитивамъ не выдаютъ, размѣна нѣтъ, всѣ стали нищими. Не сегодня-завтра Италія вступить въ войну—нельзя будетъ выѣхать и на Италію. А французскія границы уже закрыты.

— Можетъ быть, временно?

— Не знаю. Мы боимся французовъ... Несчастливая Швейцарія! Она какъ островъ среди войны... И эти тысячи нищихъ иностранцевъ... Будетъ голодъ... Кто можетъ, теперь уже запасается провизіей.

За окномъ то и дѣло раздается барабанный бой, военная музыка, слышенъ мѣрный топотъ солдатъ и тяжелое громоханье перевозимыхъ орудій. Я выхожу на улицу. Швейцарскіе полки идутъ безъ конца. У солдатъ—мужественныя крестьянскія лица и грустные сосредоточенные глаза. Видъ этихъ войскъ, предназначенныхъ не для войны, а только для защиты священнаго права вѣчнаго нейтралитета, права на вѣчный миръ, до боли трогаетъ сердце. Швейцарію оставить въ покоѣ, Богъ дастъ. Благословенная страна, прообразъ будущихъ странъ Европы!... Но Бельгiя... Когда я по дорогѣ изъ Маріенбада въ Мюнхенъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ объявленіи войны, прочла извѣстіе, что въ Бельгii и другихъ маленькихъ нейтральныхъ странахъ идетъ мобилизациа, я подумала: „ну, эти-то зачѣмъ!... Какое недовѣріе къ ме-

ждународному праву“. Интеллигентская наивность! Но какъ тяжело съ ней разставаться, съ этой „наивностью“. Да и нельзя разстаться окончательно, т.-е. нельзя истребить въ себѣ вѣры, что человѣчество дорастетъ до неприкосновенности международного права, какъ постепенно доростало до другихъ организующихъ жизнь высшихъ идей... Безъ этой вѣры, твердой на жизнь и на смерть, нельзя жить, нельзя вынести того, что совершается...

Толпы народа на улицахъ осаждаютъ банки, сберегательныя кассы и колоніальныя лавки. На стѣнахъ домовъ—воззванія отъ муниципалитета, составленныя въ твердыхъ и благородныхъ выраженіяхъ: население призывается къ спокойствію, къ самообладанію, къ взаимной братской поддержкѣ во время разразившейся надъ міромъ войны. На стеклахъ магазиновъ, на толстыхъ деревьяхъ бульвара—телеграммы, извѣстія о ходѣ войны, собирающія кругомъ себя множество народа. Дождь попрежнему льетъ, какъ изъ ведра, а повсюду огромное оживленіе. Вотъ газетчики побѣждали съ какими-то новыми прибавленіями,—и улица взволновалась. „Англія объявила войну“,—выкрикиваютъ газетчики, и всѣ тѣсняются, рвутъ другъ у друга листки, долго, рассыпавшимися по мостовой группами, обсуждаютъ совершившееся... Растетъ міровой пожаръ: сегодня Англія, завтра, вѣрно, Италія. Я не могу еще учесть силы воюющихъ государствъ, не могу еще оцѣнивать значеніе событій,—только ширится взволнованная душа, безсильная обнять все воображеніемъ, чувствуетъ, что рушатся устои всей внѣшней культуры, начинается небывалая переоцѣнка—не вѣчныхъ духовныхъ цѣнностей, нѣтъ, а всѣхъ представленій о мірѣ дѣйствительности,—и все полно потрясающихъ неожиданностей.

Вотъ еще одна неожиданность: на почтѣ я не нахожу никакихъ извѣстій отъ своихъ друзей. Гдѣ они? Что съ ними?... Только подъ вечеръ получаю запоздавшую телеграмму и одновременно съ нею письмо отъ нихъ съ загадочною припискою: „Изъ Роршаха насъ, вѣроятно, повезутъ въ Бернъ“. Что значитъ — повезутъ? Значитъ, они не свободны? Въ Швейцаріи—и не свободны?... Я хожу, хожу безъ конца по улицамъ подъ дождемъ, вся мокрая, уже простуженная, заговаривая съ тѣмъ и другимъ, спрашивая разъясненія: возможно ли, чтобы Швейцарія арестовала русскихъ бѣглецовъ изъ Германіи? Никто ничего не понимаетъ. „Этого никогда еще не бывало. Но теперь—кто знаетъ. Все возможно! Швейцарія грозитъ голодъ: вы видите, люди осаждаютъ лавки съ съѣстными припасами“. На душѣ ужасно тяжело. Что

будетъ съ моими друзьями? И какъ выбраться отсюда почти безъ денегъ въ Россію, куда нужно ѣхать скорѣй, скорѣй...

Я думаю надъ этимъ, сидя вечеромъ въ столовой гостиницы, когда мнѣ сообщаютъ, что и Италія объявила войну. Я еще не привыкла къ тому, что міръ полонъ чудовищныхъ бредней, я еще способна вѣрить не только газетамъ, но и слухамъ о томъ, что, будто бы, напечатано въ газетахъ. И впервые за все это время холодный ужасъ охватываетъ меня. Значитъ, ужъ нельзя попасть въ Россію, домой?... Остаться здѣсь, какъ въ клѣткѣ, бездѣйствовать, не знать, что тамъ, не получать извѣстій о своихъ, которые со дня на день ждали меня?... Можетъ быть, даже моя телеграмма не дошла... Я чувствую непроницаемую толщу пространства, отдѣляющую меня отъ нихъ,—она давить, это кошмаръ... Что будетъ съ нами со всѣми? Что будетъ съ Россіей? Что будетъ съ міромъ?...

Любовь Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Пять стихотвореній.

1. Въ Вильно.

Опять я—бродяга бездомный,
И груди такъ вольно дышать.
Куда ты, мой духъ неуемный,
Къ какимъ изумленьямъ опять?

Но онъ,—онъ лишь хочетъ стремиться
Впередъ, до послѣдней поры,
И сердцу такъ сладостно биться
При видѣ съ Замковой Горы.

У ногъ „стародавняя Вильна“,
Сѣтъ улицъ, строеній и крышъ,
И Вилія ропщеть безсильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругомъ холмистымъ—
Тамъ буйствуетъ шумно война,
И,—кажется,—въ воздухѣ чистомъ
Побѣдная пѣсня слышна.

Внизу же, гдѣ липки такъ зыбко
Дрожатъ подъ наитіемъ дня,
Ликъ Пушкина, съ мудрой улыбкой,
Опять поглядить на меня.

Вильно.
Августъ 1914 г.

2. Все чаще.

Все чаще по улицамъ Вильно
Мелькаетъ траурный крѣпъ.
Жатва войны обильна,
Широкъ разверзнутый склепъ.

Все чаще въ темныхъ костелахъ,
Въ углу, безъ силъ склонена,
Сидитъ, въ мечтахъ невеселыхъ,
Мать, сестра иль жена.

Война, словно громъ небесный,
Потрясаетъ испуганный міръ...
Но все дремлетъ ребенокъ чудесный,
Вильно патронъ—Казимиръ.

Все тотъ же, какъ сонъ несказанный,
Какъ сонъ далекихъ вѣковъ,
Подымаетъ соборъ святой Анны
Красоту точеныхъ верховъ.

И море все той же печали,
Все тѣхъ же маленькихъ бѣдъ,
Шумитъ въ еврейскомъ кварталѣ
Подъ гулы русскихъ побѣдъ.

Вильно.
Сентябрь 1914 г.

3. Въ Варшавѣ.

Посвящено А. Р. Ледницкому.

Въ первый разъ по улицамъ Варшавы
Съ легкимъ сердцемъ прохожу, одинъ.
Не гнететъ меня кошмаръ кровавый
Темной славы, роковыхъ годинъ.

Все, что было,—нѣтъ, не миновало,
И вѣковъ мгновенью не сломать;
Но, быть можетъ, нынче—день начала,
Нынче солнце въ небѣ—какъ печать.

Пусть оно нашъ день запечатлѣетъ,
День, когда, какъ братья, мы могли
Все сказать, о чемъ языкъ нѣмѣетъ,
Что мы долго въ душахъ берегли.

Мы сошлись не по тропинкѣ узкой,
Какъ къ поэту близится поэтъ,
Я пришелъ путемъ большимъ, какъ русскій,
И, какъ русскій, слышалъ я привѣтъ.

А на улицѣ, какъ стихъ поэмы,
Клики, вокругъ меня, сливались въ ладъ:
Польки раздавали кризантемы
Взводамъ русскихъ радостныхъ солдатъ.

Варшава.
Августъ 1914 г.

4. Тевтону.

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью.
Ө. Тютчевъ.

Ты переполнилъ чашу мѣры,
Тевтонъ,—илъ какъ назвать тебя!
Соборовъ древнiя химеры
Отмстятъ, губителя губя.

Подъявшiй длань на храмы-чудо,
Громившiй съ неба Notre-Dame,
Знай: въ Реймсѣ каменная груда
Безмолвно вопеть къ вѣкамъ.

И этотъ вопль призывный слышать
Тѣ чудища, что рядъ вѣковъ,
Надъ Сеной умѣстившись, дышать
Мечтой своихъ святыхъ творцовъ.

Не даромъ зодчiй богомольный
На высоту собора взнесъ,
Какъ крикъ надъ суетой юдольной,
Толпу своихъ кошмарныхъ грезъ.

Онѣ—защитницы святыни,
Онѣ—отмстительницы зла,
И гнѣву ихъ тебя отнынѣ
Твоя гордыня обрекла.

Ихъ ликъ тебѣ въ дыму предстанеть,
Ихъ коготь грудь твою пробьетъ,
Тебя смутить и отуманить
Ихъ крыльевъ демонскiй разлетъ;

И судъ, что не исполнять люди,
Докончатъ сонмы скрытыхъ силъ
Надъ тѣмъ, кто жерлами орудiй
Святынѣ творчества грозилъ.

Бѣлостокъ.
Сентябрь 1914 г.

5. Къ Варшавѣ.

Ужели мало жертвъ обильныхъ,
Великихъ жертвъ? Но грозенъ врагъ.
И снова, твердымъ шагомъ сильныхъ,
Чуть-чуть отходить русскій стягъ.

Чуть-чуть! Но дерзокъ надъ Варшавой
Нѣмецкихъ моноплановъ летъ;
Гуль орудійный за заставой
Гласить: „Гавнйбаль у воротъ!“

Штыки враждебные нависли
Надъ городомъ со всѣхъ сторонъ,
И алой зыбью въ желтой Вислѣ
Огонь биваковъ отражень.

Нѣтъ, нѣтъ, мы не допустимъ плѣна
Ея зеленыхъ береговъ!
Не склонишь, польская Сирена,
Ты рукъ подъ тяжестью оковъ!

Врагъ не войдетъ надменнымъ строемъ
Въ твои сады и въ цитадель!
Мы ликованій не удвоимъ
Орды, разграбившей Брюссель!

Ты намъ довѣрилась, какъ дѣва,
Насъ утѣшая въ дни войны,
И мы, мечомъ святого гнѣва,
Тебя оборонить—должны!

Варшава.
Октябрь 1914 г.

Валерій Брюсовъ.

Примѣчанія.

1. Въ Вильно. Замковая Гора—холмъ въ серединѣ города, занятый паркомъ, въ нижней части котораго поставленъ бюстъ Пушкина. „Вильна стародавняя“—выраженіе Ѳ. Тютчева.

2. Все чаще. Есть легенда, что патронъ города Вильно, св. Казимиръ, былъ, по одному случаю, чудесно обращенъ въ ребенка. Изображеніе этого чуда находится въ одномъ изъ городскихъ костеловъ. Старинный соборъ св. Анны въ Вильно отличается рѣдкой архитектурной красотой. Наполеонъ, любуясь имъ, говорилъ, что желалъ бы увезти его на ладони въ Парижъ.

3. Въ Варшавѣ. Эти строки были написаны послѣ обмѣна рѣчами въ „Польскомъ Товариществѣ Писателей“, въ Варшавѣ, пожелавшемъ устроить особое заседание для пріема автора стиховъ. Они уже были напечатаны въ газетѣ *Русскія Вѣдомости* (отъ 3 сент.), но здѣсь помѣщаются съ нѣкоторыми измѣненіями и исправленіями.

4. Тевтону. Предполагають, что назначеніемъ „химеръ“, гротескныхъ статуй, помѣщенныхъ на кровляхъ многихъ старинныхъ католическихъ соборовъ, было — воплотять въ себѣ все земное зло и тѣмъ какъ бы отвращать его отъ храмовъ.

5. Къ Варшавѣ. Стихи написаны въ Варшавѣ, въ дни пастойчиваго наступленія нѣмецкой армии на столицу нашей Польши. Изображеніе *Сирены* находится въ гербѣ города Варшавы.

В. Б.

Судьба Лермонтова. ¹⁾

(Григорію Алексѣвичу Рачинскому.)

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ *высшихъ звукахъ* остановитъ.
Боратынский.

I.

Гоголь, со словъ Жуковского, опредѣлилъ существо лермонтовской поэзіи словомъ *безочарованіе*. Этимъ же словомъ, по справедливости, должно опредѣлить наиболѣе общее впечатлѣніе не только отъ поэзіи но и отъ личности Лермонтова. Безочарованіемъ вѣяло отъ Лермонтова, на его современниковъ, читателей, критиковъ, изслѣдователей его жизни и творчества. О Пушкинѣ до насъ дошли воспоминанія товарищей, сверстниковъ, современниковъ, по которымъ возможно прослѣдить день за днемъ его жизнь. О Лермонтовѣ мы не знаемъ многого и, быть можетъ, самаго главнаго ²⁾; къ тому же, что повѣствуютъ о немъ знавшія его лица, хочется отнести съ двойнымъ недоумѣніемъ: словно о Печоринѣ, а не о Лермонтовѣ пишутъ они свои воспоминанія. Сохранились почти всѣ, даже самыя интимныя, письма Пушкина, даже „Донъ-Жуанскій списокъ“; писемъ Лермонтова почти не дошло до насъ. Какой-то злой рокъ замѣшался въ судьбу лермонтовскихъ рукописей: сохранились достовѣрные тексты „Гошпитала“ и „Уланши“ и не дошло до насъ подлинной или сколько-нибудь достовѣрной рукописи окончательной редакціи „Демона“.

Люди различныхъ эпохъ, различнаго душевнаго строя, умственныхъ силъ, религиозныхъ устремленій сходились въ общемъ безочарованіи отъ Лермонтова.

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Религіозно-Философскомъ обществѣ памяти Вл. Соловьева, въ Москвѣ.

²⁾ Это утверждаетъ и новѣйшій изслѣдователь Лермонтова, редакторъ академическаго изданія. проф. Д. И. Абрамовичъ: „Фактический матеріалъ для біографіи Лермонтова очень невеликъ и малозначителенъ“ (т. V, I).

то впервые помолился Лермонтовъ, уже не боясь креститься при „шпюньничтожномъ“.

Въ этой молитвѣ Лермонтовъ соединилъ свою религиозную судьбу съ религиозной судьбой русскаго народа.

Увидѣвъ вселенную въ свѣтѣ лазурнаго огня, порываясь къ голубоюкой „души вселенной“ (въ поэмѣ своей „Сашка“), Лермонтовъ пришелъ къ тому, чему, много лѣтъ спустя, жизнью, поэзіей и мыслью послужилъ Вл. Соловьевъ,—къ признанію бытія этой *души вселенной* (у Соловьева такъ же, какъ у Лермонтова: „душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви“), *св. Софіи*,—той св. Софіи, „которой наши предки, по удивительному пророческому чувству, строили алтари и храмы, сами еще не зная, кто она“ (Вл. Соловьевъ). Подобно этимъ предкамъ, еще „не зная, кто она“, Лермонтовъ воздвигъ ей то, для чего создается самый храмъ,—молитву, тайную и сокровенную, но молитвословіе его, какъ и ихъ, было къ единой Женѣ—къ Богоматери. Въ древней Руси праздникъ св. Софіи совпадалъ съ днями Успенія и Рождества Богоматери, и въ церковной службѣ св. Софіи величаніе Ей совпадаетъ съ величаніемъ Богоматери. *Въчно-женственное*, стремящееся къ полному воссоединенію съ Богомъ, праведно припадаетъ здѣсь къ *Совершенной женѣ*—Богоматери, одинаково вмѣстившей *Женственное земли и неба*. Вотъ почему, подобно русскому народу, ощущая и почитая предчувственно *св. Софію*, Лермонтовъ *молитву*, свою единственную молитву, слагаетъ *Богоматери*. *Ея* благоуханнымъ именемъ онъ, такъ боявшийся произнести Имя, завершилъ тотъ „таинственный разговоръ“ съ Женственнымъ Существомъ „съ глазами, полными лазурнаго огня“, которымъ былъ занятъ всю свою жизнь.

Сергій Дурылинъ.

В о й н а.

Статья Максимилиана Гардена.

Съ нѣмецкаго. ¹⁾

„Судьба свершится въ это лѣто“. Это было сказано мною 16 мая 1914 г. Девять десятыхъ читателей рѣшили: фантази ипохондрика! Вѣдь давно ужъ, казалось, на нашей планетѣ не было такъ спокойно. Все устало послѣ Агадира, Триполи, Балканъ, и намъ вновь, наконецъ, улыбается привѣтливое лѣтнее солнце. Лучшая гарантія: установившаяся сердечность отношеній съ Англійей. А все же буря разразилась. И если не произойдетъ по волѣ судьбы ощутительныхъ перемѣнъ въ соотношеніи силъ, то въ этомъ виновата Англія. (Вы, можетъ быть, прочли недавно о „заслугѣ британскаго миролюбія“?)

Австро-Венгрія объявила королевству Сербіи войну. Войска Австро-Венгрии стоятъ наготовѣ. Элементарнѣйшій, понятный всѣмъ долгъ повелѣваетъ въ такую минуту умолкнуть всякой критикѣ прошлаго, хотя бы оно еще продолжало проявляться въ настоящемъ. Онъ повелѣвалъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы не было основаній предполагать, что близокъ часъ вступленія нашего собственнаго войска въ великую борьбу. Мнѣ представлялось необходимымъ (и я частью

¹⁾ Предлагаемая статья, переведенная изъ *N Zukunft* отъ 1 авг. 1914 г., представляетъ замѣчательный документъ. Гарденъ, самое блестящее публицистическое перо современной Германіи, поклонникъ Бисмарка, всегда чрезвычайно критически относился къ Вильгельму II. Въ своей статьѣ Гарденъ не можетъ быть вполнѣ искреннимъ и сознательно какъ бы двоится. Но въ то же время въ его статьѣ дается матеріалъ для уничтожающаго сужденія о той германской политикѣ, которая привела къ настоящей войнѣ. Поэтому напечатанная въ день объявленія войны, статья нѣмецкаго публициста приобретаетъ значеніе историческаго документа, къ которому, мы увѣрены, будутъ обращаться и послѣ войны, когда нужно будетъ осмысливать ея происхожденіе и подводить ей итоги.

Ред.

придавалъ этому своему убѣжденію болѣе рѣзкое выраженіе, чѣмъ это казалось нѣкоторымъ умѣтнѣмъ), чтобы борьба произошла раньше. И приемы, при помощи которыхъ она подготовлялась въ іюльскіе дни, съ недостойной бранью и запугивающимъ гамомъ, казались мнѣ въ одинаковой мѣрѣ и противными, и вредными. Но оставимъ это.

Теперь не время спрашивать себя, не лучше ли было бы, если бы возсіялъ на землѣ лучъ изъ высотъ безоблачныхъ. Кто мыслить, какъ государственный дѣятель, не долженъ растрачивать время на причитанія по поводу сдѣланныхъ ошибокъ. Онъ долженъ укрѣпиться на этихъ ошибкахъ, какъ на выросшей скалѣ, и задаваться лишь вопросомъ: „какъ использовать свершившееся?“ Тонъ адвокатскихъ исковъ, послужившій мерзкимъ прологомъ для кампаніи, не долженъ болѣе отдаваться въ ухахъ. Теперь вопросъ идетъ о силѣ. Не о правѣ или неправдѣ—объ отечествѣ. Нынѣ уже не время изслѣдовать, правильно ли былъ рассчитанъ рискъ удара. Ибо жребій брошенъ. Вырвите же изъ памяти всякое воспоминаніе объ ошибкахъ и немощахъ Австріи, о чересчуръ свободномъ помахиваніи германскимъ мечомъ!

Пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ тому назадъ я писалъ въ этомъ журналѣ: „державы, которыя хотятъ вести войну изъ-за Сербіи, пусть сдѣлаютъ это лучше сегодня, чѣмъ завтра. Незачѣмъ предоставлять имъ время для спокойной подготовки. Для борьбы долженъ быть выбранъ тотъ часъ, который будетъ наиболѣе благоприятнымъ, по мнѣнію генеральныхъ штабовъ Берлина и Вѣны“. Этого не случилось. Не случилось даже въ то время, когда Россія едва была въ состояніи принять необходимыя мѣры для защиты страны, а Франція не имѣла годнаго къ употребленію пороха. Я не могъ присоединиться къ попыткамъ травли храбро сражавшихся сербовъ, какъ банды убійцъ. Теперь я говорю опять, какъ въ 1909 году: „Европѣ и родственнымъ ей народамъ должно быть доказано, что господствующія межъ Сѣвернымъ моремъ и Адриатикой имперіи обладаютъ достаточною мощью и выдержкой, чтобы достигъ цѣли своихъ желаній, хотя бы на пути подкарауливалъ и угрожалъ врагъ. Германцы должны увѣренно ждать съ Востока войны, которой лишь протакъ сталъ бы малодушно избѣгать и которая будетъ вестись за жизненные интересы не Австріи, какъ воображаютъ близорукіе, а Германіи“. И вотъ эта война—у стѣнъ нашей имперіи. Нужно ли намъ теперь громко осуждать ея причины, ея срокъ? Расклеивать по всѣмъ закоулкамъ доказательства, что болѣе изворотливые дѣльцы могли бы продѣлать работу тоньше и дешевле? Это не помогло бы; могло бы лишь повредить: раздробить единство воли—сильнѣйшее наше оружіе. Судьба свершится въ это лѣто. Въ ея рукахъ—сдѣлать будущее нѣмецкаго племени свѣтлымъ или темнымъ. „Каковы бы ни были послѣдствія: будь со своимъ народомъ! Это уготованное тебѣ мѣсто“.

Учитесь, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ благотворности желаній, пронесшихся съ шумомъ въ теченіе трехъ послѣднихъ недѣль. Даже мудрецъ, просвѣщенный наукой и опытомъ, часто терялся въ вихрѣ событий. 55 лѣтъ назадъ Гельмутъ Мольтке, въ то время уже начальникъ прусскаго генеральнаго штаба, хотѣлъ помочь австрійцамъ противъ Франціи. „Безъ условій и требованій!“ сказалъ онъ Теодору фонъ Бернгарди. А послѣдній вслѣдъ за этимъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „австрійцы не могли и мечтать о лучшихъ взглядахъ, чѣмъ тѣ, что господствуютъ въ Пруссіи, даже если бы они могли заказывать ихъ“. Если бы мнѣніе Мольтке тогда получило осуществленіе, мы не имѣли бы теперь германской имперіи съ Пруссіей во главѣ. Столь глубоко, господа пылкіе патриоты, дѣйствіе, оказываемое рѣшеніемъ въ часъ, когда сбывается судьба. Пруссійскій посолъ въ Петербургѣ, фонъ Бисмаркъ, иначе понималъ необходимость, чѣмъ въ Берлинѣ генераль-лейтенантъ. Онъ написалъ министру, барону фонъ Шлейницу: „Мнѣ пришлось удостовѣриться, къ своему огорченію—и не по одной только *Крестовой Газетѣ*,—какое нераздѣльное господство создала себѣ Австрія въ германской прессѣ при помощи ловко раскинутой сѣти своихъ вліяній и какъ она умѣетъ пользоваться этимъ оружіемъ. Безъ него едва ли удалось бы въ такой степени вооружить такъ называемое общественное мнѣніе. Я говорю: такъ называемое, потому что дѣйствительныя массы населенія никогда не настроены въ пользу войны, если ихъ къ тому не побуждаютъ истинныя страданія подъ тяжелымъ ярмомъ“. Шлейницъ спѣшитъ успокоить его: „Къ счастью, военное возбужденіе въ Пруссіи совершенно улеглось“. Но Бисмаркъ все еще продолжаетъ смотрѣть на положеніе тѣми же глазами, что и зимой 1853 г., когда пишетъ Герлаху: „Каждое промедленіе Пруссіи съ фарисейскимъ удивленіемъ провозглашается измѣной нѣмецкому дѣлу. Славныя австрійцы—точно Основа въ „Снѣ въ лютную ночь“. Они должны нести на Востокъ свой крестъ, хотя бы играть въ Германіи великую роль, въ Италіи тоже разыгрывать „льва“ и распорядиться нами въ европейской политикѣ, не говоря намъ въ нашей нѣмецкой политикѣ даже: „Богъ воздастъ“. Мнѣ кажется, мы дѣлаемъ при этомъ постоянно ту же ошибку, что и робкій юнецъ, который позволяетъ своему товарищу, превосходящему его по надменности и хитрости, убѣдить себя, какъ неправильно онъ поступаетъ, не жертвуя собой ради него“. Онъ жалуется теперь: „Мы будемъ даже не резервомъ Австріи. Мы жертвуемъ собой ради нея, мы принимаемъ ея войну на себя. Съ первымъ выстрѣломъ на Рейнѣ германская война сдѣлается центромъ, а Австрія останется въ сторонѣ“. Онъ не страшился войны противъ Франціи. Но онъ хотѣлъ вести ее въ наиболѣе благоприятный для своей родины часъ, а не въ часъ, избранный союзникомъ.

Что произошло въ 1859 г.? Перваго января императоръ Наполеонъ сказалъ послу Франца-Иосифа: „Я сожалѣю, что отношенія между нашими странами уже не такъ хороши, какъ были прежде; но я прошу васъ засвидѣтельствовать вашему императору мое личное высокое уваженіе къ нему“. Европа боязливо прислушивается. На всѣхъ биржахъ—стремительное паденіе курса. Несмотря на это, никто еще не знаетъ, что Луи-Наполеонъ (котораго покушеніе Орсини укрѣпило въ рѣшеніи вытѣснить Австрію изъ Италіи) заключилъ съ графомъ Кавуромъ соглашеніе о томъ, что Викторъ-Эммануилъ, король Сардиніи (Пьемонта), получить Ломбардію и Венецію, Парму и Модену, Франція же за свою помощь—Савойю и Ниццу. Австрія загорается гнѣвомъ. Она уже прервала дипломатическія сношенія съ Пьемонтомъ. Всѣмъ (въ томъ числѣ и фонъ Бисмарку) она жалуется, что Сардинія дѣлаетъ для нея невозможнымъ спокойное управленіе Ломбардіей и что національной подпольной работѣ во имя Великой Италіи долженъ быть положенъ конецъ. Если нельзя иначе, то хоть цѣной войны.

Вѣна ожидаетъ лишь удобнаго случая, чтобы схватить и уничтожить стѣснительнаго сосѣда. На угрожающую ноту Наполеона дается отвѣтъ, что лозунгъ итальянскаго единства, требованіе объединенія всѣхъ итальянцевъ—даже и тѣхъ, которые находятся подъ владычествомъ Австріи—въ государственный союзъ не можетъ быть далѣе терпимо ни одного дня. Достоинство Австріи не мирится съ какими бы то ни было уступками. Никому серьезно не вѣрится, что Франція придетъ на помощь пьемонтцамъ. Неужели Людовикъ-Наполеонъ станетъ поддерживать революцію противъ почтеннаго принципа легитимности, на который опирается Австрія? Въ Германіи на поддержку вѣнскимъ притязаніямъ такъ громко зазвучали барабаны, что чуткое ухо уловило бы звукъ и на берегахъ Невы. „Кто промедлитъ теперь въ священной войнѣ, измѣняетъ отечеству и способствуетъ развалу нѣмецкой націи. Съ терроризирующей шумихой подавляется всякое несогласное мнѣніе. Никогда еще со времени 1848 г. не прославлялись честь Германіи и ея единство съ такимъ трезвономъ, какъ въ эту эпоху газетнаго штурма вѣнскаго Прессъ-бюро“ (Зибель).

Англія хочетъ выступить посредницей. Отвѣтъ Ballhausplatz'a: „Намъ нужны не посредники, а союзники“. Россія предлагаетъ созывъ европейскаго конгресса, на которомъ должны быть представлены и итальянскія государства. Англія, Франція, Пруссія присоединяются къ предложенію. Руководитель австрійской политики, графъ Буоль, восклицаетъ: „лучше на висѣлицу, чѣмъ на такой конгрессъ“. Но медлитъ послѣ этого съ окончательнымъ отвѣтомъ дольше, чѣмъ это кажется достойнымъ клерикально-военной придворной партіи. Кавуръ уже начинаетъ бояться, что ему придется еще разъ затормозить боевую колесницу

своей смѣлой политики. По французскій императоръ посмѣивается загадочно, и потомъ шепчетъ: „не безпокойтесь; изъ всего этого ничего не выйдетъ“.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій прїѣзжаетъ въ Берлинъ и требуетъ помощи Пруссіи. Если соглашеніе будетъ достигнуто, Австрія предъявитъ Сардиніи ультиматумъ и одновременно двинетъ четверть милліона своихъ лучшихъ солдатъ на Рейнъ, чтобы тамъ совмѣстно съ Пруссіей и другими войсками германскаго союза выступить противъ Франціи. Принцъ-регентъ Вильгельмъ холодно отвергаетъ планъ, совѣтуетъ отказаться отъ мысли объ ультиматумѣ и открыто заявляетъ, что Австрія останется одипокою на избранномъ ею пути. Эрцгерцогъ, повидимому, убѣждается въ правильности совѣта и на вокзалѣ разстается съ провожавшими его Гогенцоллернами въ сердечной дружбѣ. По возвращеніи Вильгельма во дворецъ его извѣщаетъ посоль Франца-Иосифа, что ультиматумъ Австріи уже отправленъ въ Туринъ (изъ военной канцеляріи императора; безъ вѣдома Буоля, который все еще хотѣлъ выждать). Въ немъ было сказано: безпримѣрному терпѣнію, проявленному Австріей въ теченіе многихъ лѣтъ въ отношеніи постоянныхъ эксцессовъ и разрушительныхъ замысловъ зачинщиковъ Великой Италіи и ихъ покровителей, пришелъ конецъ; поэтому Австрія требуетъ, чтобы туринское правительство въ теченіе трехъ дней произвело демобилизацию; въ противномъ случаѣ—война. Двадцать третьяго апрѣля 1859 г. Капуръ возражаетъ, что вопросъ о разоруженіи Сардиніей своего войска будетъ разрѣшенъ конгрессомъ. Россія мобилизуетъ четыре армейскихъ корпуса, чтобы быть наготовѣ на случай быстрой побѣды Австріи. Либеральная Англія, и не только въ лицѣ виговъ, воодушевляется идеей воскресенія Италіи. Пруссія объявляетъ 26 апрѣля въ циркулярной нотѣ къ великимъ державамъ, что она останется нейтральной и ограничится защитой территоріи союза.

Четыре дня спустя австрійское войско вторгается въ Пьемонтъ. Но не приступаетъ къ военнымъ дѣйствіямъ. „Великая армія стояла въ теченіе всего мая въ Ломеллинѣ въ бездѣйствіи; вмѣсто того чтобы немедленно разгромить сардинскія военныя силы, она спокойно выжидала, пока Паполсонъ не двинулъ чрезъ Монтъ-Сенисъ и къ морю чрезъ Геную французскую армію. Между тѣмъ вѣнское правительство послало стараго фельдмаршала князя Альфреда Виндишгреца въ Берлинъ, чтобы, заключивъ новый договоръ, заручиться помощью Пруссіи“ (генераль-адъютантъ принцъ Крафтъ цу-Гогенлоз-Ингельфингенъ). Верховное командованіе поручается не испытанному въ бояхъ при Аспернѣ и Ваграмѣ фельдцейхмейстеру Гессу, который угоденъ войску, а графу Францу Гюлай.

Послѣдній самъ чувствуетъ свою слабость и охотно отказался бы

отъ возложенной на него высокой мисси, но слышитъ изъ устъ своего покровителя, генерала-адъютанта графа Гренне, черезчуръ развязное слово утѣшенія: „старый осель Радецкій справился съ этой задачей; справишься и ты“. Но онъ не справляется; упускаетъ драгоцѣннѣйшее время. И Викторъ-Эммануиль заявляетъ (впослѣдствіи): „Гіулай заслуживаетъ памятника: онъ шадилъ насъ до тѣхъ поръ, пока не пришли французы“. Со своей сто десяти тысячной арміей онъ могъ бы сразу одолѣть вдвое меньшее пьемонтское войско, обложить Туринъ, запретить альпійскіе проходы. Онъ ждетъ. Прусскій принцъ-регентъ посылаетъ въ Вѣну генерала Виллизена, чтобы установить, какое количество войскъ Австрія можетъ перебросить къ верхнему Рейну, и чтобы предложить Австріи вооруженное посредничество Пруссіи. Австрійское министерство, во главѣ котораго Рехбергъ смѣнилъ графа Буоль-Шаценштейна, не удовлетворяется этимъ. Сардинія, считаетъ оно, должна быть окончательно ослаблена; но, кромѣ того, и Наполеонъ, дерзкій узурпаторъ, долженъ быть низложенъ, а на тронъ возведенъ исконный король Генрихъ пятый. Пруссія не идетъ на это. И пока еще ведутся переговоры, французы вступаютъ въ Пьемонтъ и разбиваютъ Гіулая при Монтебелло и Маджентѣ. Теперь уже не помогаетъ и то, что императоръ Францъ-Іосифъ беретъ верховное начальствованіе въ свои руки (а Гессъ назначается начальникомъ генеральнаго штаба), что Вильгельмъ отдаетъ приказъ о мобилизаціи прусскаго войска и выступаетъ въ Петербургъ и Лондонъ въ пользу идеи вооруженнаго посредничества, на основѣ неприкосновенности территоріальныхъ владѣній. Тоскана, Модена, Болонья свергаютъ своихъ правителей, становятся на сторону Сардиніи и оказываютъ пьемонтцамъ значительную поддержку. Австрія разбита при Сольферино; ея войско отступаетъ за Эчь, очищаетъ Ломбардію и вскорѣ послѣ этого соглашается на перемиріе. „Находящійся въ Берлинѣ фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ далъ свое честное слово, что, по его убѣжденію, перемиріе не можетъ имѣть никакой иной цѣли, кромѣ предоставленія прусской арміи времени для выступленія, чтобы затѣмъ начать дѣйствовать сызнова. Но спустя четыре дня послѣдовалъ Виллафранкскій миръ, а императоръ Францъ-Іосифъ, въ прокламаціи къ своей арміи, возвѣстилъ, что онъ вынужденъ заключить этотъ миръ, такъ какъ онъ оставленъ своими естественными союзниками. Принцъ-регентъ явился къ королю (въ паркѣ Санъ-Суси) и сообщилъ ему, со слезами на глазахъ, о заключеніи неудачнаго мира“ (Крафтъ пу-Гогенлоэ). Францъ-Іосифъ не могъ открыть причины, принудившей его къ заключенію мира. Мы знаемъ эту причину изъ труда австрійскаго генеральнаго штаба, посвященнаго войнѣ съ Италіей. Такъ какъ почти всѣ армейскіе корпуса стояли на театрѣ войны (а одинъ, сформированный изъ венгерцевъ, велѣдствіе своей не-

надежности, былъ возвращенъ внутрь страны) и для двухъ новыхъ корпусовъ, которые приказано было спарядить, нехватало офицеровъ, обученныхъ людей и боевого снаряжения, исполненіе обѣщанія послать войско на Рейнъ сдѣлалось невозможнымъ. Да и нужно ли было, чтобы послѣ поражения Австріи, Пруссія побѣдила на Рейнѣ и во Франціи?

Тогда она сдѣлалась бы госпожей положенія въ Германи. Поэтому Вѣна потребовала, чтобы принцъ-регентъ, какъ начальникъ союзныхъ войскъ, подчинялся бы приказаніямъ союзаго совѣта и пребывалъ въ главной квартирѣ подъ постояннымъ контролемъ 17 комиссаровъ. Поэтому она и согласилась—на слѣдующій день послѣ предъявленія этого требованія, въ отклоненіи котораго не приходилось сомнѣваться ни минуты,—на заключеніе мира съ „дерзкимъ узурпаторомъ“ (который вновь могъ посмѣиваться).

Слѣдствіемъ этого, и въ дипломатическомъ и въ военномъ отношеніи плохо подготовленнаго, ультиматума была потеря Австріей Ломбардіи и (уже въ то время) прочнаго господства надъ Венсціей. Австрія неправильно оцѣнивала какъ собственную мощь, такъ и силы противника, и ей мерещились конспираціи великой Италиі тамъ, гдѣ дѣло шло, по выраженію Висконти-Веноста, лишь о „великомъ, естественномъ заговорѣ“ цѣлой націи, части которой стремились отъ чужого владычества къ самобытности, отъ раздробленности къ единству. Бисмаркъ, Бернгарди, Гвидо Узедомъ (преемникъ Бисмарка во Франкфуртѣ, рекомендовавшій уже „надѣть смиренную рубашку на общественное мнѣніе и представить свое мнѣніе на его мѣсто“),—все противники вѣнскихъ призываній на роль вожака Пруссіи,—вдохнули свободно. И при этомъ радовались тому, что итальянцы обмануты Франціей и теперь, когда дѣло зашло такъ далеко, должны будутъ вступить въ союзъ съ Пруссіей. Наконецъ, и прусско-итальянскій договоръ 8 апрѣля 1866 г., дававшій королю Вильгельму увѣренность, что 200 тысячъ итальянцевъ вторгнутся черезъ Минчію, какъ только онъ подниметъ мечъ противъ Австріи, въ страну своихъ завѣтныхъ мечтаній, былъ результатомъ вѣнскихъ ошибокъ.

И повторенія ихъ намъ нечего теперь бояться. Графъ Берхтольдъ—не человѣкъ скороспѣлыхъ рѣшеній. Онъ не дастъ ослѣпить себя и единственно настроенному Тиссѣ. И начальникъ генеральнаго штаба Кнрадь фонъ Гетцендорфъ—человѣкъ иного закала, чѣмъ полководцы 1859 г. Мы можемъ быть увѣрены, что каждая возможность заранѣе обдуманна и взвѣшена. Этотъ полководецъ знаетъ, чего онъ хочетъ и что въ его власти. Знаетъ, что онъ долженъ разбить или захватить противника, прежде чѣмъ съ сѣверо-востока придвинется болѣе сильный. Онъ не станетъ ждать, пока Пьемонтъ, противъ котораго онъ сражается, будетъ оказана помощь. У него хорошее войско. И его стальная воля имѣетъ крылья.

„Если монархи желают войны, то они начинают ее и потомъ заставляютъ какого-нибудь прилежнаго юриста доказывать, что право на ихъ сторонѣ“. Такъ иронизируетъ прусскій Фрицъ.¹⁾ Въ предъявленной Сербіи вѣнской нотѣ, лапидарная рѣзкость которой не имѣетъ прецедентовъ въ исторіи, каждая фраза свидѣтельствуетъ о томъ, что Австро-Венгрія хотѣла войны. Ибо она была убѣждена, что должна хотѣть ея. Потому что ей незачѣмъ ждать, пока съ ней не поступятъ, какъ съ новой Турціей, одновременно напавъ на нее съ четырехъ или пяти сторонъ, пока Россія не переманитъ еще поляковъ въ свой лагерь, пока не возникнетъ опасное убѣжденіе, что бѣднаго Франца-Фердинанда не пережила въ эрцгерцогскомъ дворцѣ ничья сильная воля. Потому что только война, которой жаждали лучшіе умы армии—и отнюдь не изъ честолюбія или ради чиновъ, — можетъ исцѣлить коренные недуги обѣихъ половинъ Имперіи и всей монархіи. Потому что, быть можетъ, сегодня—последній день, когда ее еще можно вести; завтра она станетъ невозможной. И потому что даже пораженіе послѣ мужественной борьбы, отъ которой ярче блистаетъ честь оружія, слѣдуетъ предпочесть мнѣнію, будто Габсбургская имперія едва уже держится на своихъ дрожащихъ стопахъ и хотя въ состояніи еще лепетать языкомъ, но не въ силахъ уже поднять мечъ. Возможно и то, что баронъ фонъ Конрадъ заявилъ о своей неувѣренности въ безопасности Имперіи, въ случаѣ осуществленія союза Сербіи съ Черногоріей и установленія тѣсной связи между Румыніей и Россіей. Только отклоненіе, а не принятіе выраженныхъ въ нотѣ требованій могло быть на пользу вѣнцамъ. И легко вѣрится, что у умныхъ сербовъ Пашича и Пачу хватило бы мужества и остроумія, чтобы принять даже и то, что представляется неприемлемымъ. „Мы должны теперь проглотить все цѣликомъ (должны были шептать они). Именно потому, что австрійцы желаютъ, чтобы мы не сдѣлали этого. Утѣшимся пока ихъ разочарованіемъ; а тамъ наступитъ моментъ, когда Россія будетъ готова и отмстить за этотъ день славянскаго позора“. Такой отказъ отъ героической позы долженъ былъ бы потребовать гораздо большей рѣшительной смѣлости, чѣмъ самая отчаянная борьба противъ сильнѣйшаго противника. Но офицерскій корпусъ издавна въ Сербіи вкладываетъ своимъ вмѣшательствомъ палки въ колеса министерству (и послѣднее поэтому охотно увидѣло бы его когда-нибудь приниженнымъ), а домъ Карагеоргиевичей стоитъ на зыбкой почвѣ. Пашичъ дѣйствовалъ, какъ патріотъ, безъ широкихъ жестовъ, онъ проглотилъ все. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ испить горькой чаши сразу до дна и такъ какъ онъ нисколько не обманывался относительно намѣреній Австріи, то онъ зналъ точно, что произойдетъ, и поэтому при-

¹⁾ Фридрихъ Великій.

соединился—еще до передачи отвѣтной ноты (образецъ мудрой тактики) послу Франца-Иосифа—къ рѣшенію о мобилизаціи войска. Межъ тѣмъ юристы Ballhausplatz'a работали надъ оправдательными документами. Ихъ мы оставимъ въ сторонѣ. Они были важны до тѣхъ поръ, пока всей кампаніи придавался характеръ правового вопроса. Какое значеніе имѣли бы теперь доказательства того, что въ этомъ случаѣ агенты вѣнскаго правительства послужили ему не лучше, чѣмъ во времена Настича и Прохаски? Я убѣжденъ, что двойное сараевское убійство было для сербскаго правительства въ высокой степени нежеланнымъ событіемъ (такъ же, по сообщенію д-ра Диллона, весьма самостоятельнаго ученаго и политика, и мнѣніе графа Берхтольда), что сербскому крестьянину и купцу, интеллигенту и солдату не въ чемъ каяться, какъ грѣшнику; и что въ одинъ прекрасный день Пашичъ отвѣтитъ австрійцамъ, допрашивающимъ его о причинахъ многочисленныхъ заговоровъ, приблизительно такъ же, какъ въ 1873 г. Висконти-Веноста отвѣтилъ министру Франца-Иосифа: „Нѣсколько кратковременныхъ и ничтожныхъ заговоровъ не имѣютъ никакого значенія рядомъ съ великимъ, естественнымъ произвольнымъ заговоромъ всѣхъ. Ваши методы управленія и полицейскіе нравы поддерживали дисциплину въ нашихъ рядахъ“. Страсть къ криминальнымъ исторіямъ могла бы быть насыщена, вплоть до осени, нозорнымъ фарсомъ-процессомъ Кайо („la Sainte farce“) и не должна была распространиться на сферу политики. Въ Австро-Венгрии больше сербовъ, чѣмъ въ обоихъ сербскихъ государствахъ: отсюда вся трудность. Война должна уничтожить ее. Это—ея ближайшая цѣль. Если она необходима, она, тѣмъ самымъ, и справедлива; и—по мужественному выраженію Маккавелли—благое дѣло, если только отъ нея брони еще отсвѣчиваетъ надежда. Она не можетъ принести славы,—какъ бы ни была она трудна въ горахъ, въ каменныхъ тѣснинахъ узкихъ проходовъ—великой державѣ, ведущей ее противъ маленькаго, бѣднаго, истощеннаго двумя войнами народа. И пусть не подчеркивали бы лучше наши союзники слишкомъ громко, что она популярна, что войско и народъ восторженно ее привѣтствуютъ. „Воинственный пылъ воодушевилъ войска; офицеры и солдаты были движимы радостной вѣрой въ побѣду. Тысячи поселянъ стекались дружными толпами на улицы, чтобы снабдить войско жизненными припасами и чтобы порадовать взоръ свой воинственнымъ зрѣлищемъ. Война была для призванныхъ къ оружію народовъ монархіи роднымъ дѣломъ, и ихъ горячія пожеланія сопровождали войска въ борьбѣ“. Это написалъ д-ръ Фридьюнъ по поводу выступления войска, направившагося на Скалицъ и Трацтенау, Фичинъ и Кениггрець. Объ оправдательныхъ запискахъ министерскихъ юристовъ можно будетъ толковать въ болѣе спокойныя времена. Необходимость войны можетъ

быть доказана только ея результатами. Бумага желтѣеть. Австро-Венгрія должна отмстить—не слишкомъ дорого стоящей побѣдой.

Быль поставленъ вопросъ: гдѣ долженъ быть выработанъ планъ кампаніи, въ Вѣнѣ или Берлинѣ; и нѣкоторые успѣли отвѣтить: „въ Вѣнѣ“ и возвѣстить: „сообщеніе, что австрійская нота сдѣлалась извѣстной берлинскому правительству не прежде, чѣмъ другимъ кабинетамъ, произвело въ Лондонѣ, Парижѣ и Петербургѣ отличное впечатлѣніе“. Несмотря на строгій выговоръ г. Либкнехта (но въ согласіи съ тактикой вождей красной партіи), я продолжаю держаться того мнѣнія, что часто отвѣтственное правительство не только въ правѣ, но и положительно обязано отрицать правду и утверждать неправду. Это право, эту обязанность лицъ руководимыхъ коллективной нравственностью, ограничиваютъ два условія. Ложь не должна ни подвергаться опасности быть раскрытой, ни итти вразрѣзъ съ государственными интересами. Собственно говоря, есть лишь одна граница: ибо доказанная ложь принижаетъ то государство, которое дало ей свою высокую санѣцію. Позорно было бы, на примѣръ, и безчестно, какъ преступленіе по должности, сообщеніе, что великая держава, обѣщавшая обнажить мечъ и сражаться вмѣстѣ съ своими друзьями, отвернулась отъ этихъ друзей и остается пассивной зрительницей борьбы. Позорно: ибо ложное сообщеніе обманываетъ націю сообщающаго, преуменьшаетъ въ ея глазахъ опасность и, можетъ быть, изображаетъ отступленіе, причину котораго знаютъ и учитываютъ противники, какъ актъ отважный и потому спасительной мудрости. Но и тактика, которая приводитъ къ упомянутому выше „сообщенію“ и производитъ „отличное впечатлѣніе“, должна быть строго порицасма. Потому что надлежащее уваженіе къ германской имперіи запрещаетъ вѣрить сообщенію и потому что отличное впечатлѣніе нашло себѣ выраженіе въ словахъ: „Берлинцы отрицаютъ изъ страха и поэтому не хотятъ ужъ болѣе того, чего прежде хотѣли“. Если бы можно было представить себѣ, что канцлеръ германской имперіи не зналъ съ точностью, простирающейся до мелочей, чего потребуетъ Австро-Венгрія въ Бѣлградѣ, представить, что мы были застигнуты врасплохъ такой взрывчатой нотой, — это значило бы, что мы находимся въ еще болѣе тяжелыхъ тискахъ, чѣмъ въ дни германскаго союза, и сдѣлались даже не резервомъ Австріи, — нѣтъ, ея оруженосцемъ. Но тогда національная гордость должна была бы вспылать противъ союза, который обходится безъ нашихъ совѣтовъ, но взваливаетъ на насъ главную тяжесть активныхъ выступленій. Союзъ и такъ ужъ не тотъ, что былъ: гораздо менѣе выгоденъ для насъ. Австро-Венгрии пришлось бы употребить значительнѣйшія массы своихъ войскъ для защиты границъ Итали, Румыніи, Сербіи, Черногоріи, прежде чѣмъ она

пришла бы намъ на помощь противъ русскаго нашествія. Уже одно то, что она могла поставить насъ неожиданно лицомъ къ лицу съ необходимостью борьбы противъ сильнѣйшей коалиціи въ міровой исторіи,— уже это представленіе должно было зажечь трижды праведнымъ гнѣвомъ германское самосознаніе, германское право на самоопредѣленіе. Почему терпятъ распространене столь опасныхъ сказокъ? Почему не скажутъ того, что есть (ибо должно быть): что между Вѣной и Берлиномъ было полное единеніе во всемъ? Мы низошли бы до рабскаго состоянія, недостойнаго тѣхъ, кто завоевалъ для Пруссіи господствующее положеніе въ Германіи, мы сдѣлали бы своими господами опьяненныхъ придворныхъ Дунканъ, если бы 50 лѣтъ послѣ Кениггреца снова могло бы быть когда-нибудь иначе.

„Важнѣйшая забота сводится теперь къ локализациі войны“. Этотъ лозунгъ пестритъ на столбцахъ газетъ всѣхъ отгѣнковъ. Важнѣйшая забота? Да, державъ, въ которыхъ мы должны видѣть нашихъ завтрашнихъ враговъ. Онѣ должны желать, чтобы Австро-Венгрія получила что-либо похожее на удовлетвореніе и вернулась домой изъ карательной экспедиціи, увѣнчанная лаврами. И что случится послѣ этой замѣчательной локализациі войны? Только тогда Сербія станетъ дѣйствительно „русской“ (а до сихъ поръ она не хотѣла этого: ибо подъ опекой могущественныхъ москвитянъ сербы такъ же не получаютъ правъ самостоятельной націи, какъ и чехи). Только тогда Австро-Венгріи пришлось бы считаться съ ненавистью, со смертельной враждой всѣхъ сербовъ, какъ съ непреложнымъ фактомъ. Да и однихъ ли сербовъ? Всѣхъ выигравшихъ отъ бухарестскаго мира! И румынъ, имѣющихъ ирреденту, анти-австрійскій патріотическій союзъ, великовалахскую школьную политику. И грековъ, знающихъ, откуда идутъ ихъ нестроенія въ Эпирѣ. Россія выиграла бы время, могла бы достроить свои стратегическія дороги, укрѣпить военную мощь и на юго-востокѣ, въ случаѣ надобности, раздавая золото и клочья земли, завязать еще крѣпче узы старой и новой дружбы. Тройственное согласіе превратилось бы—и безъ какихъ-либо писанныхъ документовъ—въ тройственный союзъ. Хотя бы на почвѣ взрыва страстей, вызваннаго вторымъ польскимъ bluff'омъ. Хозяиство Германіи, Австріи, Венгріи находилось бы въ еще менѣ спокойныхъ условіяхъ, чѣмъ въ годы, слѣдовавшіе за Агадиромъ. И война разразилась бы тогда въ моментъ, удобный для другихъ; была бы тогда неожиданностью для насъ, не для нихъ. (Италія, о которой не слѣдуетъ забывать, была бы тогда увѣрена, что Австріи скоро придется бороться за свою жизнь, и могла бы втихомолку продолжать начатую теперь чрезвычайно умную политику приспособленія къ новымъ возможностямъ, во всеоружіи своего génie de la juxtaposition). Нѣтъ, если

теперь нужно прибѣгнуть къ локализаци, значить начало было безумію. Не можетъ быть, чтобы и сама Австрія помышляла объ этомъ. Эта затрата чувствъ, это ежедневное провозглашеніе пламеннаго единства воли и рѣшительной готовности къ жертвамъ,—все это для войны съ Сербіей? Австріецъ требуетъ уваженія къ себѣ, а мадьяръ готовъ лучше быть проклятымъ, чѣмъ осмѣяннымъ. Даже наивный простецъ не повѣрилъ бы, что вначалѣ дѣло шло лишь о наказаніи Сербіи. Никогда уже нельзя было бы выкорчевать изъ земли,—и не только изъ населенной бриттами, французами, русскими,—убѣжденія: „связанныя союзомъ имперіи хотѣли заставить двойственный союзъ немедленно принять войну, для которой онъ вооружается, потому что военныя приготовленія Россіи не закончены и она скована бунтами, французское войско мѣняетъ шкуру, которая стала узка, а Англія тяготеетъ согласіемъ. Но они отказались отъ своего плана, когда Англія заявила, что если война начнется противъ ея желанія, то она станетъ на сторону своихъ друзей“. Локализациа? Да говорите же, какъ подобаетъ нѣмцамъ! Война потеряна еще до перваго удара мечомъ.

Рискъ огроменъ. Еще только начало,—не конецъ. Воображаетъ ли кто-нибудь, что можно еще задержать эволюцію славянства, которому инертность нашей воли отдала на съѣденіе юго-восточную Европу? Или мнить другой, что Россіи, пережившей татаръ и турокъ, Бонапарта и Луи-Наполеона и послѣ cadaго пораженія становившейся все сильнѣе, можно нанести въ самое сердце столь удачный ударъ — ударъ не за Байкальскимъ озеромъ, а на замкнутой боевой линіи съ ея союзниками,—что ея безсиліе будетъ длиться хоть одно десятилѣтіе? Считаетъ ли третій англичанъ столь слѣпными, что готовъ повѣрить имъ, будто они будутъ спокойно сидѣть, съ благочестиво сложенными руками, въ своихъ клубныхъ креслахъ, пока ни одна континентальная держава и даже—на долгій срокъ—никакой континентальный союзъ не сможетъ ужъ болѣе оспаривать гегемонію у германской имперіи, которая скоро догонитъ ее по количеству дредноутовъ и отъ чьей милости будетъ зависѣть тогда будущее Индіи? Нужно видѣть то, что есть, а не то, что мерещится вамъ. Англія дружественна, потому что она побила нашъ козырь, и ей нечего болѣе бояться германскаго соперничества за исламъ; безъ контингентированія флота она не можетъ рѣшиться, когда существованію ея грозитъ опасность, на прочный торговый союзъ съ Германіей. Нельзя недооцѣнивать противниковъ! Послѣ перваго выстрѣла ульстерскій нарывъ сдѣлается менѣе чувствительнымъ, чѣмъ сухой бугорокъ на кожѣ. Волна младаго славянскаго порыва смаетъ, быть можетъ, быстрѣе, чѣмъ мнѣть на Западѣ, и унесетъ въ темныя глубины русскую сыпь. Франція готова сражаться съ безумной смѣлостью яростнаго галла и пообѣ-

щать вождю корону. Поведеніе нѣкоторыхъ другихъ державъ можетъ горько обмануть надежды. Рискъ огроменъ. Но нужно было взвѣснить все, прежде чѣмъ начались приготовленія. Позднее колебаніе принесло бы лишь бесполезный позоръ. На избранномъ нами пути нѣтъ возможности уклониться отъ великой войны; спорно еще лишь, когда она должна произойти. Горе тому, кто шутилъ столь огромными опасностями, и вмѣсто того, чтобы достичь полной ясности относительно цѣли или цѣны борьбы, лишь тѣшилъ свое тщеславіе. Неистребимо то, что произошло за послѣднія четыре недѣли—въ канцеляріяхъ, на улицѣ, въ прессѣ. И виновникъ происшедшаго стоялъ бы опозореннымъ и преданнымъ проклятію передъ націей, если бы не доказалъ плодотворными дѣяніями необходимость этихъ событій.

Европейскій концертъ и война 1859 года.

Въ серединѣ юня 1858 года въ Туринъ къ сардинскому министру-президенту графу Кавуру прибылъ интимный другъ Наполеона III, докторъ Конно, и передалъ изустно приглашеніе императора явиться для переговоровъ въ курортъ Пломбьеръ, тихое мѣстечко, романтически расположенное въ Вогезахъ, недалеко отъ истоковъ Мозеля. Для вида Кавуръ взялъ отпускъ въ Швейцарію и оттуда, въ строжайшемъ секретѣ, съ чужимъ паспортомъ въ рукахъ, выѣхалъ на два дня въ Пломбьеръ. 21 юля онъ имѣлъ четырехчасовую бесѣду съ Наполеономъ III, во время которой между ними состоялось полное соглашеніе по итальянскому вопросу. Переговоры велись устно, и письменнаго договора заключено не было. Чиновники обоихъ правительствъ не узнали ничего. Съ согласія Наполеона въ тайну были посвящены только король Викторъ-Эммануиль и сардинскій посланникъ въ Парижъ, маркизь Вилламарина. Кавуръ послалъ своему государю донесеніе на 40 страницахъ, которое много лѣтъ спустя, 24 августа 1883 года, было опубликовано въ Миланской *Perseveranza*. Изъ этого донесенія видно, что Наполеонъ выразилъ готовность прійти всѣми силами на помощь Сардиніи противъ Австріи, если только война не будетъ вызвана революціею въ итальянскихъ государствахъ, а будетъ находить себѣ оправданіе съ точки зрѣнія дипломатической и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Цѣлью войны должно было быть совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: ни одной пяди земли не слѣдовало оставлять имъ по сую сторону Альпъ и рѣки Изонцо. Освобожденныя Ломбардія и Венеціанская область вмѣстѣ съ Романьей и Мархіей объединяются съ Пьемонтомъ—Сардиніей въ одно государство. Папа во всякомъ случаѣ сохраняетъ за собою Римъ съ окрестностями. Остальная часть папской области и Тоскана образуютъ средне-итальянское королевство. Корону послѣдняго Кавуръ предложилъ передать герцогинѣ Пармской, на что Наполеонъ согласился, такъ какъ ему было пріятно выступить въ роли покровителя бурбонской принцессы. Неаполь, если бы тамъ была изгнана ди-

настия, онъ отдавалъ Мюрату. Всѣ три королевства и Папская область должны были объединиться въ итальянскій союзъ подъ главенствомъ папы. Въ видѣ компенсаціи и благодарности за помощь Франціи Наполеонъ потребовалъ аннексіи Савойи и Ниццы. Относительно первой Кавуръ не возражалъ, но по поводу Ниццы замѣтилъ, что она является по языку и по обычаямъ вполне итальянской областью. Тогда императоръ сказалъ, что эти вопросы имѣютъ для него второстепенное значеніе, и онъ займется ими впоследствии. Далѣе онъ указалъ, что война должна быть строго локализована. Наполеонъ твердо рассчитывалъ на нейтралитетъ Англии. Расположить общественное мнѣніе послѣдней онъ поручилъ Кавуру. Враждебное отношеніе прусскаго принца-регента къ Австріи обезпечивало, какъ казалось императору, нейтралитетъ Пруссіи и Германскаго союза. Полную въ этомъ отношеніи гарантію неоднократно давалъ ему и русскій царь.

Наполеонъ полагалъ, что на войну надо послать двѣ армии, изъ которыхъ одною, французскою, въ 200.000 солдатъ, будетъ командовать онъ самъ, а другою, въ 100.000 пьемонтцевъ и итальянскихъ добровольцевъ,—Викторъ-Эммануилъ. Миръ можно будетъ заключить только въ Вѣнѣ.

Въ концѣ переговоровъ Наполеонъ занялся обсужденіемъ нѣкоторыхъ деталей: управленія оккупированными землями, приобретенія военныхъ матеріаловъ и реализаціи сардинскаго займа въ Парижѣ. Кавуръ могъ убѣдиться, что его собесѣдникъ уже подробно ознакомился съ этими вопросами.

На обратномъ пути изъ Пломбьера Кавуръ заѣхалъ въ Баденъ-Баденъ представиться прусскому регенту и поговорить съ нимъ о печальномъ положеніи Пьемонта и Италіи. Было извѣстно, что регентъ ранѣе признавалъ господство Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ соответствующимъ національнымъ нѣмецкимъ интересамъ и одобрялъ модную въ то время формулу: „Рейнъ надо защищать на По“. Теперь принцъ Вильгельмъ высказывался уже гораздо менѣ категорично и призналъ многія пожеланія Кавура вполне справедливыми. Послѣдній писалъ въ то время Вилламаринѣ: „Пріятною неожиданностью для меня были выраженія прусскихъ симпатій. Слава Богу, Австрія своимъ вѣроломствомъ возстановила противъ себя весь европейскій континентъ“.

Вернувшись въ Туринъ, Кавуръ пригласилъ къ себѣ Гарибальди и просилъ его быть наготовѣ. Вполнѣ соглашаясь съ Кавуромъ въ опѣнкѣ момента, народный вождь началъ проповѣдывать необходимость военной диктатуры и энергично боролся съ происками Мадзини, который старался подорвать въ народѣ довѣріе къ способностямъ и намѣреніямъ короля Виктора-Эммануила.

Отношенія къ великимъ державамъ продолжали выясняться. Въ

концѣ сентября 1858 года принцъ Наполеонъ былъ посланъ въ Варшаву къ императору Александру II зондировать почву, согласна ли будетъ Россія воевать съ Австріей взамѣнъ предоставленія „свободной руки“ въ славянскомъ вопросѣ и на Балканахъ. Принцу было сказано, что Россія сама останется нейтральною, но принудитъ соблюдать нейтралитетъ и германскія государства. Тѣмъ временемъ въ Пруссіи министерство Мантейфеля подало въ отставку, и во главѣ правительства сталъ князь Гогенполлернъ. Отношенія къ Франціи и Сардиніи замѣтно ухудшились. Тогда въ Берлинъ былъ посланъ родственникъ Гогенполлерна, маркизъ Пеполи, съ специальною миссіею выяснитъ положеніе. Это ему не удалось, а на доводы его о томъ, что Австрія представляетъ собою прошлое, Пруссія же будущее, вслѣдствіе чего, должна, совершая свое призваніе въ Германіи, заключить союзъ съ Франціей и Сардиніей, — министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейницъ отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ. Видимыя колебанія Пруссіи мало беспокоили Кавура вслѣдствіе позиціи, занятой русскимъ правительствомъ. Гораздо серьезнѣе были опасенія, вызывавшіяся поведеніемъ Англи, которая въ то время шла на сближеніе съ Австріей. Правда, виги сохраняли традиціонное расположеніе къ Итали. Но у кормила правленія былъ торійскій кабинетъ, отнюдь не скрывавшій своихъ симпатій къ Австріи.

Тѣмъ не менѣе сардинское правительство начало самымъ рѣшительнымъ образомъ готовиться къ войнѣ. Въ арсеналѣ Турина было собрано громадное количество воинскаго матеріала. Спѣшно заканчивались укрѣпленія Генуи и Специ. Національное общество составило подробный планъ организаціи возстанія на полуостровѣ во время войны, и 19 октября 1858 года Кавуръ этотъ планъ утвердилъ. Одновременно туринская пресса стала, не стѣняясь въ выраженіяхъ, проповѣдывать необходимость войны за объединеніе Итали. Въ Парижѣ газеты проявляли значительную сдержанность, и только офицозы систематически нападали на Австрію, которая „спитъ на кучѣ бумажныхъ трактатовъ“. Иностранную политику Сардиніи въ ту эпоху лучше всего опредѣляетъ біографъ ея премьера, Никомедъ Бьянки, говоря: „Основными задачами Кавура было возбуждать европейское общественное мнѣніе противъ императорско-королевскаго владычества въ Итали, изолировать гордый домъ Габсбурговъ, увѣнчать Австрію терніями, такъ ее раздражить, чтобы толкнуть къ отчаянному шагу, который, сдѣлавъ войну неизбежною, возложилъ бы отвѣтственность за все на Австрію и тѣмъ удачно разрѣшилъ бы проблему, данную Наполеономъ въ Пломбьерѣ“.

Въ Вѣнѣ не могли не замѣчать поведенія Сардиніи. Однако, графъ Буоль, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, рѣшилъ до времени съ презрѣніемъ игнорировать своего сосѣда. Дипломатія Гофбурга, не ища союзовъ, обнаруживала полное спокойствіе въ сознаниі своихъ

правъ, установленныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, собственнаго могущества и ничтожества противника. Непосредственныя сношенія съ Пьемонтомъ за нѣсколько лѣтъ до того уже были признаны невозможными и прерваны. Интересы Австріи и Германскаго союза были представляемы въ Туринѣ прусскимъ посланникомъ.

Наполеонъ проявлялъ все большую рѣшимость. Въ ноябрѣ онъ обсуждалъ съ тосканцемъ Винченцо Сальваньоли планъ образованія изъ центральной Италіи государства для своего двоюроднаго брата, принца Жерома Наполеона, сына бывшаго короля Вестфальскаго. Тогда же онъ объяснялъ лорду Кларендону: „Восточная политика Франціи имѣла въ виду двойную задачу: вмѣшательство въ судьбу Италіи и Польши; отъ Польши приходится отказаться изъ-за необходимости сохранить дружескія отношенія съ Россією; но Италія остается“.

Еще въ Пломбьерѣ Наполеонъ выразилъ Кавуру свое желаніе скрѣпить союзныя отношенія между обоими государствами посредствомъ брака принца Жерома Наполеона съ старшею дочерью Виктора-Эммануила, принцессою Клотильдою. Послѣдней было въ то время всего пятнадцать лѣтъ. Лично ей бракъ съ принцемъ Наполеономъ, которому было 36 лѣтъ и который имѣлъ дурную славу ловеласа и совершенно неуравновѣшеннаго человѣка, не могъ сулить ничего отраднаго. Но друзья Виктора-Эммануила, ознакомивъ ее съ исторіей Савойской династіи, внушили ей мысль, что каждая королевская дочь должна жертвовать своимъ счастьемъ для блага отечества. Узнавъ о желаніи Наполеона, дѣвушка выразила съ такимъ воодушевленіемъ и восторгомъ свою готовность исполнить долгъ, что Кавуръ, собиравшійся обставить этотъ бракъ еще нѣкоторыми выгодными для Сардиніи условіями, былъ немало смущенъ поведеніемъ принцессы въ присутствіи французскихъ посредниковъ: посланника въ Туринѣ, де ля Туръ д'Оверна, и генерала Нізля. Старый Савойскій домъ не считалъ для себя особенною честью породниться съ фамилією выскочки, тогда какъ Наполеонъ находилъ это родство важнымъ для поднятія престижа своей династіи. Кавуръ сумѣлъ использовать положеніе. Пломбьерскія бесѣды превратились въ переговоры, которые, по настоянію Кавура, были собственноручно подписаны Наполеономъ въ декабрѣ 1858 года. Сардинія получала Ломбардію, Венецію, Парму, Модену, Романью и легатства и уступала за первыя двѣ области Савойю, а за остальное—Ниццу. Папѣ оставлялся Римъ и, по выраженію Абу, „садикъ“.

1 января 1859 года на приѣмѣ дипломатическаго корпуса Наполеонъ III обратился къ австрійскому послу барону Гюбнеру со слѣдующими историческими словами: „Je regrette que nos relations avec votre gouvernement ne soient pas aussi bonnes que par le passé, dites cependant à votre souverain que mes sentiments pour lui ne sont pas chan-

gés“ („Сожалѣю, что отношенія между нашими правительствами не такъ хороши, какъ прежде; передайте однако же Вашему Государю, что мои личные чувства къ нему не измѣнились“). Эти слова произвели на Европу впечатлѣннѣе громоваго удара въ ясную погоду и, по удостовѣренію банкира Перейра, обошлись Франціи паденіемъ всѣхъ ея фондовъ въ миллиардъ.

Появившемуся вслѣдъ затѣмъ въ официальномъ *Moniteur* объясненію, что „безпокойные слухи ни на чемъ не основаны“, никто не повѣрилъ.

10 января, въ Туринѣ, при открытіи сессіи парламента въ палатцѣ Мадама, Викторъ-Эммануилъ прочелъ свою знаменитую рѣчь, съ текстомъ коей, какъ потомъ выяснилось, былъ предварительно ознакомленъ Наполеонъ III. Съ особымъ удареніемъ и душевнымъ подъемомъ произнесъ король конецъ рѣчи:

„Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонтъ новогодняго неба не совсѣмъ ясенъ. Тѣмъ не менѣе вы съ обычною энергіею возьметесь за свой парламентскій трудъ.

„Окрѣпнувъ въ испытаніяхъ прошлаго, мы съ рѣшимостью идемъ навстрѣчу возможностямъ будущаго. Это будущее окажется счастливымъ, если наша политика будетъ покоиться на началахъ справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наше государство, малое пространствомъ, завоевало себѣ почетное положеніе среди европейскіхъ державъ, потому что оно является носителемъ великихъ идей и привлекаетъ къ себѣ общія симпатіи.

„Наше положеніе не свободно отъ опасностей, такъ какъ мы, при всемъ уваженіи существующихъ трактатовъ, не можемъ быть безучастными къ крику скорби и отчаянія, который доносится къ намъ со всѣхъ концовъ Итали.

„Сильные единодушнѣе и вѣрою въ наше право, мы съ твердостью и рѣшимостью ожидаемъ воли Господней!“

Не поддаются описанію воодушевленіе и ликваніе, вызванныя этою рѣчью среди присутствовавшихъ. Но Франціи она стоила, по словамъ Перейра, второй миллиардъ.

Главнымъ образомъ, финансовыя потери дѣлали въ то время войну непопулярною среди французовъ.

Убѣжденные бонапартисты, какъ Просперъ Мериме, жаловались на невѣроятную трусость обывателей и приписывали ее растлевающему вліянію юльскіи монархіи, которая въ теченіе 18 лѣтъ проповѣдывала культъ матеріальныхъ интересовъ: публика боится не революціи, т.-е. дѣйствительной опасности, но паденія фондовъ. Министры и салоны были противъ войны.

Тьеръ составилъ въ этомъ смыслѣ обстоятельный меморандумъ. На-

полеонъ прочелъ его и, признавая нѣкоторыя частности заслуживающими вниманія, нашелъ, что въ цѣломъ меморандумъ проникнуть мѣщанствомъ. Старый орлеанистъ, считавшій основою внѣшней политики слабость сосѣдей Франціи, беспокоился при мысли, что объединенная Италия можетъ когда-нибудь сдѣлаться ея врагомъ. Впрочемъ, миролюбивое настроеніе французовъ измѣнилось послѣ того, какъ война сдѣлалась неизбежною. Мериме писалъ: „Галльскій духъ снова пробудился; царитъ энтузіазмъ, полный величія и наводящій ужасъ. Народъ привѣтствуетъ войну съ радостью; онъ увѣренъ въ побѣдѣ; солдаты идутъ, какъ на балъ. Императоръ популярише, чѣмъ когда-либо. Одинъ рабочій сказалъ мнѣ: „Нашъ усачъ сильнѣе; онъ имѣетъ бумаги своего дяди!“

Чрезвычайное воодушевленіе охватило въ то время итальянскихъ патриотовъ. Они сознавали, что близокъ часъ, когда рѣшатся судьбы ихъ многострадальной, изнывающей подъ игомъ Габсбурговъ, родины. По соглашенію съ Кавуромъ Гарибальди началъ формировать корпусъ итальянскихъ добровольцевъ, которому дано было названіе альпійскихъ стрѣлковъ (*sacchiatori delle Alpi*). Туринскій парламентъ вотировалъ заемъ въ 50 милліоновъ на военныя нужды. Въ нѣсколько дней этотъ заемъ былъ покрытъ въ самомъ Пьемонтѣ, причемъ капиталисты, преимущественно мелкіе и средніе, предложили своему правительству вмѣсто 50—80 милліоновъ.

31 января состоялось бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды. Прибытіе новобрачныхъ въ Парижъ сопровождалось двумя важными политическими актами. 4 февраля вышла въ свѣтъ проредактированная самимъ императоромъ брошюра Лагеронньера „Наполеонъ III и Италия“. Въ брошюрѣ опредѣленно говорилось о правахъ національностей и о необходимости пересмотра трактатовъ 1815 года, формально оправдывавшихъ австрійское владычество въ Италиі, но утратившихъ всякую нравственную цѣнность. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на неизбежность конфликта Пьемонта съ Австріей и на недопустимость для Франціи въ этомъ случаѣ нейтралитета, благодаря которому Австрія можетъ овладѣть пограничными альпійскими проходами. Авторъ брошюры дѣлалъ выводъ: интересы и честь Франціи требуютъ освобожденія Италиі.

7 февраля, открывая засѣданія законодательнаго корпуса, Наполеонъ произнесъ рѣчь, въ которой, говоря о внѣшней политикѣ, объяснилъ, что Франція заинтересована вездѣ, гдѣ затронуты вопросы справедливости и культуры, что ненормальное положеніе Италиі вызываетъ особыя заботы французской дипломатіи, но что онъ надѣется на сохраненіе мира: его поражаетъ всеобщее волненіе, такъ какъ очевидной опасности войны нѣтъ; это волненіе свидѣтельствуетъ столько же о взаимномъ недоувѣрїи державъ, сколько о чрезмерномъ страхѣ.

Между тѣмъ, во Франціи начались военные приготовленія. Еще 11 января маршалъ Кастелланъ въ Лионѣ получилъ приказъ привести войска на походное положеніе. Стали закупать большія партіи лошадей, преимущественно въ Германіи. Военные корабли начали перевозить солдатъ изъ Алжира. 12 февраля въ Марсели высадился авангардъ дивизіи Рено.

Австрія, не соглашаясь въ то время ни на какія уступки, повидимому, принимала вызовъ. Въ январѣ были посланы значительныя подкрѣпленія ея итальянской арміи. 30,000 солдатъ въ полной боевой готовности, съ пѣснями и музыкою вошли въ Миланъ. Кругомъ Піаченцы стали спѣшно воздвигать новые форты. Во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ были поставлены гарнизоны, главнымъ образомъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству подлежащихъ набору итальянцевъ въ Пьемонтъ. Невзирая на то, что, по требованію Кавура, революціонеры до времени не проявляли никакой дѣятельности, австрійскія власти, бывъ введены въ заблужденіе газетами Пьемонта, начали борьбу съ революціей. Въ Ломбардіи и Венеціанской области было фактически введено военное положеніе. Нѣмецкія вывѣски въ городахъ окружались предохранительными желѣзными рѣшетками. Съ почты, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ были удалены служащіе итальянской національности. Университеты были закрыты.

На дѣйствія Австріи Кавуръ отвѣтилъ объявленіемъ Пьемонта на осадномъ положеніи. Отдаленные гарнизоны Савойи были стянуты въ направленіи рѣки Тичино, т.-е. къ австрійской границѣ, но были предусмотрительно поставлены въ разстояніи десяти часовъ пути отъ нея, чтобы потомъ имѣть право называть Австрію нападавшею стороною. Крѣпость Алессандрія перевооружалась новыми дальнобойными пушками.

Своимъ чередомъ шли дипломатическіе переговоры. Позиція британскаго кабинета выяснилась, какъ безусловно нейтральная и примирительная. Однако, въ Пруссіи замѣчались колебанія. Общественное мнѣніе и газеты отстаивали поддержку Австріи. Въ февралѣ посланный въ Петербургъ для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ адмиралъ Ла Ронсьеръ-Ле Нури заѣхалъ по дорогѣ въ Берлинъ и предлагалъ Голштинію, Ганноверъ и Гессенъ за поддержку Пруссіи въ итальянскихъ дѣлахъ. Шлейницъ отвѣтилъ, что предпочитаетъ политику „свободной руки“. На одинъ моментъ сдѣлалось двусмысленнымъ и поведеніе Россіи: она поставила свои дѣйствія въ зависимость отъ отмѣны несприятныхъ для нея условій парижскаго мира, чего Наполеонъ, считаясь съ Англіей, не рѣшился обѣщать, но зато охотно обѣщаль вовсе болѣе не касаться польскаго вопроса.

Въ началѣ того же февраля англійское правительство, заинтересованное въ сохраненіи враждебной Россіи группировки державъ эпохи

крымской войны, рѣшило выступить съ мирнымъ посредничествомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мальмсбюри, предложилъ чрезъ пословъ французскому и сардинскому кабинетамъ формулировать свои желанія. 16 февраля министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, отъ имени Наполеона III потребовалъ: отмѣны договоровъ, заключенныхъ Австріею съ итальянскими государствами, введенія въ послѣднихъ представительныхъ учрежденій, отдѣльнаго управленія легатствами чрезъ назначеннаго папою римскаго князя и уменьшенія налоговъ въ папской области. Кавуръ медлилъ отвѣтомъ и только 1 марта вручилъ англійскому посланнику меморандумъ, въ которомъ нападалъ на всѣ трактаты, опредѣляющіе положеніе Австріи въ Итали, и дѣлалъ выводъ, что дипломатія врядъ ли способна помочь горю Итали.

Еще не выждавъ отвѣта Кавура, Мальмсбюри 23 февраля поручилъ англійскому послу въ Парижѣ, лорду Коулею, бывшему въ личной дружбѣ какъ съ Наполеономъ, такъ и съ графомъ Буолемъ, отправиться въ Вѣну и приступить къ переговорамъ, взявъ для нихъ основаніемъ французскія требованія. Прусскій посолъ въ Вѣнѣ, баронъ Вергеръ, долженъ былъ содѣйствовать успѣху посредничества, сводившагося къ предложенію созвать европейскую конференцію по итальянскому вопросу. Буоль объяснилъ Коулею, что договорныя права Австріи совершенно неоспоримы, такъ какъ каждому суверенному государству принадлежитъ право заключать договоры съ другимъ сувереннымъ государствомъ. По, изложивъ ихъ содержаніе британскому дипломату, Буоль всетаки заявилъ ему, что Австрія при соблюденіи извѣстныхъ условій согласна участвовать въ европейскомъ конгрессѣ. Однако прежде всего нужно изыскать средства водворить какимъ-нибудь инымъ путемъ спокойствіе въ Итали, въ частности положить конецъ притязаніямъ Сардиніи играть роль великой державы на Апеннинскомъ полуостровѣ; остальные участницы конгресса, великія державы, должны также представить договоры, заключенные ими съ итальянскими государствами (разумѣлось интересовавшее Австрію соглашеніе Франціи съ Сардиніею), а всѣ переговоры имѣютъ происходить единственно на почвѣ заключительныхъ актовъ вѣнскаго конгресса 1815 года, которые не подлежатъ ни малѣйшему измѣненію.

Почти въ то же самое время кардиналь Антонелли по инициативѣ англійскаго кабинета передалъ французскому и австрійскому посланникамъ въ Римѣ ноту, въ которой говорилось, что папа чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы поддержать порядокъ въ своемъ государствѣ, и желаетъ начать переговоры объ удаленіи изъ его городовъ иностранныхъ гарнизоновъ. Одновременная эвакуація изъ Папской области австрійскихъ и французскихъ войскъ должна была, по мнѣнію Мальмсбюри, положить конецъ соперничеству обѣихъ державъ въ средней Итали.

Франція и Сардинія продолжали усиленно готовиться къ войнѣ такъ же, какъ и Австрія. Но при мало развитой въ то время желѣзнодорожной сѣти военныя приготовленія шли медленно. Дипломатическіе переговоры затягивали время и были тѣмъ на руку обѣимъ сторонамъ.

Наполеонъ дѣлалъ видъ, что искренно желалъ мира. 4 марта въ *Moniteur* появилась составленная въ рѣзкихъ выраженіяхъ статья, въ которой утверждалось, что Сардинія обѣщана помощь лишь въ случаѣ нападенія на послѣднюю Австрія: все остальное, о чемъ такъ много пишутъ газеты, особенно нѣмецкія, не болѣе какъ фантазія, бредъ и ложь. Статья произвела сильное впечатлѣніе. Спустя три дня принцъ Наполеонъ былъ уволенъ отъ должности министра колоній. Это обстоятельство служило какъ бы показателемъ намѣреній императора: онъ добивался прежде всего мира, въ то время какъ принцъ чрезъ своего тестя подстрекалъ Сардинію къ дерзкому шагу.

6 марта, въ Туринѣ, на засѣданіи совѣта министровъ Викторъ-Эммануиль уполномочилъ Кавура произвести мобилизацію запасныхъ и не отмѣнилъ этого распоряженія, даже когда англійскій посланникъ, сэръ Джемсъ Гудзонъ, официально сообщилъ ему, что австрійское правительство завѣрило британское объ отсутствіи у него намѣренія напасть на Сардинію. Было ли это счастьемъ Кавура, или же правильнымъ расчетомъ гениальнаго дипломата, но, именно благодаря приказу о мобилизаціи, Коулей покинулъ 10 марта Вѣну, не добившись никакихъ результатовъ своего мирнаго посредничества. Наоборотъ, ему передъ отъѣздомъ дано было понять, что Австрія не приметъ участія въ конгрессѣ до тѣхъ поръ, пока не разоружится Сардинія: разоруженіе ея должно служить залогомъ искренности Франціи.

Наполеонъ III былъ недоволенъ посредничествомъ британскаго правительства по понятнымъ причинамъ. Опубликованіе договора съ Сардиніей совершенно не входило въ его планы. Между тѣмъ, Мальмсбюри признавалъ это требованіе вполнѣ справедливымъ со стороны Австріи. Наконецъ, по всѣмъ признакамъ Англія въ сущности не добивалась и созыва конгресса, но имѣла въ виду совмѣстно съ Пруссіей мирно уладить дѣло посредствомъ обычныхъ дипломатическихъ сношеній.

Изъ создававшегося положенія Наполеонъ вышелъ весьма искусно. Въ величайшемъ секретѣ онъ словесно, черезъ посла, попросилъ русское правительство выступить съ предложеніемъ созвать конференцію изъ представителей пяти великихъ державъ для разрѣшенія итальянскихъ дѣлъ. Предполагая самыя добросовѣстныя побужденія Наполеона, наше правительство выразило полную готовность содѣйствовать дѣлу мира и немедленно послало соответствующую циркулярную ноту своимъ представителямъ за границею. Кабинеты Лондона, Турина и Вѣны были неприятно поражены неожиданнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Кавуръ

объявилъ, что его министерство подаетъ въ отставку, если Пьемонтъ не будетъ представленъ на конгрессъ; въ Лондонѣ на послѣднее требованіе не только не соглашались, но предлагали Наполеону заставить Пьемонтъ разоружиться; Буоль къ этому добавилъ, что конгрессъ не долженъ обсуждать существующихъ границъ.

Наполеонъ официально заявилъ, что принимаетъ русское предложеніе, но не высказался объ условіяхъ совѣщаній конгресса.

Тѣмъ временемъ вооруженія Франціи и Пьемонта шли успѣшно. Австрія, которой финансы и тогда были плохи, истощала ихъ, готовясь къ войнѣ. Уже былъ недалекъ моментъ, когда ей неминуемо пришлось бы для предотвращенія государственнаго банкротства поставить ребромъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Зная это, Наполеонъ затягивалъ дипломатическіе переговоры.

Недальновидный вообще, Мальмсбюри былъ застигнутъ врасплохъ выступленіемъ Россіи. Онъ не считалъ возможнымъ отклонить ея предложеніе въ виду миссіи Коулея, но все же не хотѣлъ окончательно подчиниться русской инициативѣ. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшилъ пойти по среднему пути: принимая предложеніе, обусловить его пунктами, которые должны были служить основаніемъ для совѣщаній конгресса.

22 марта русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, одобрилъ эти пункты. Они были слѣдующіе:

1. Обезпеченіе способовъ къ установленію мирныхъ отношеній между Австріей и Сардиніей.

2. Эвакуація изъ папской области иноземныхъ войскъ и реформы въ итальянскихъ государствахъ.

3. Компенсаціи для Австріи за ея отказъ отъ договоровъ съ этими государствами.

4. Неприкосновенность границъ и трактатовъ 1815 года.

21 марта русскій посолъ при австрійскомъ дворѣ, Балабинъ, сообщилъ Буолю предложеніе нашего правительства; 28 марта англійскій посолъ, лордъ Лафтусъ, вручилъ Буолю вербальную ноту, содержащую въ себѣ пункты Мальмсбюри.

23 марта Балабинъ получилъ отвѣтъ, который гласилъ, что Австрія въ принципѣ принимаетъ русское предложеніе; единственно труднымъ вопросомъ является вызывающая политика Сардиніи, которой необходимо положить конецъ; всѣ предметы совѣщаній конгресса должны быть опредѣлены заранѣе, и если дѣло коснется другихъ суверенныхъ государствъ, то они могутъ быть приглашены къ участію въ переговорахъ, но не иначе, какъ на основаніяхъ аахенскаго конгресса 1818 года; однако совѣщанія при шумѣ оружія и военныхъ приготовленій не только кроютъ въ себѣ опасность, но они недопустимы нравственно; ранѣе всякаго конгресса Сардинія должна разоружиться.

31 марта Буоль отвѣтилъ Лафгусу. Повторяя соображенія, высказанныя Балабину, австрійскій министръ указалъ, что, если Сардинія демобилизуется, Австрія обязывается не нападать на нее во время конгресса. На первый и четвертый пунктъ англійскихъ условій конгресса Буоль соглашался; по второму пункту онъ, допуская самое обсужденіе, оговаривалъ право наиболѣе заинтересованныхъ державъ Австріи, Франціи и Папской области соглашаться между собою въ деталяхъ. Но не подлежали сужденію конгресса договоры Австріи съ итальянскими государствами; однако, если прочія великія державы представятъ на конгрессъ свои договоры съ этими государствами, Австрія поступитъ такъ же, и въ послѣднемъ случаѣ возможенъ обмѣнъ мнѣній между заинтересованными державами относительно необходимости пересмотра договоровъ. Къ четыремъ пунктамъ Буоль добавилъ пятый: соглашеніе великихъ державъ объ одновременномъ всеобщемъ разоруженіи.

Пока Наполеонъ преслѣдовалъ свои цѣли, а европейскіе дипломаты все болѣе запутывались въ стремленіи другъ друга перехитрить, въ Пьемонтѣ уже теряли терпѣніе. Кавуръ началъ угрожать французскому посланнику, говоря, что дѣло можетъ пойти своимъ ходомъ помимо императора: революціонные комитеты, организованные повсюду съ согласія Наполеона, готовы дѣйствовать; онъ, Кавуръ, рѣшилъ поднести зажженный фитиль къ этому горючему матеріалу, и если Италия будетъ истекать кровью, Франціи такъ или иначе придется выступить на ея защиту. Хотя относительно Кавура никогда нельзя было сказать, сколько въ подобныхъ его выступленияхъ заключалось горячности и сколько тонкаго расчета, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ способенъ пойти на отчаянный шагъ, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ то время туринское національное общество и девяносто его провинціальныхъ отдѣленій собирали деньги и вербовали добровольцевъ всюду, отъ Альпъ до Рима включительно. Матери и сестры посылали молодежь на войну, остававшійся дома былъ обреченъ на позорную роль въ патріотически настроенныхъ дамскихъ кругахъ. Тысячами шли добровольцы въ Пьемонтъ. Лучшими изъ нихъ пополнялись сардинскія регулярныя войска. Королевскимъ декретомъ 17 марта Гарибальди въ чинѣ генераль-майора былъ назначенъ командиромъ корпуса альпійскихъ стрѣлковъ. Онъ избралъ ближайшими своими помощниками неаполитанскаго эмигранта Энрико Козенца, прославившагося искусствомъ и беззавѣтною храбростью при оборонѣ венеціанскаго форта Мальгеры отъ австрійцевъ въ 1848 г., и ломбардца Джакомо Медичи, геройски защищавшаго въ числѣ послѣднихъ бойцовъ Римъ въ 1849 году отъ французовъ. Такой командный составъ арміи добровольцевъ чрезвычайно не нравился Наполеону. Онъ, эксъ-карбонаро, тщательно скрывавшій „грѣхи молодости“, чувствовалъ себя скомпрометированнымъ явно революціоннымъ товариществомъ, но

всего болѣе онъ боялся со стороны итальянцевъ экепессовъ, которые могли причинить непоправимый вредъ дипломатической подготовкѣ войны. Въ виду такихъ соображеній, онъ въ послѣднихъ числахъ марта, вызвавъ къ себѣ Кавура, просилъ его быть терпѣливѣе и держать въ уздѣ революціонеровъ. Но сардинскій министръ, боясь, что Наполеонъ въ послѣдній моментъ можетъ раздумать, либо удовлетворится какими-нибудь компенсаціями, требовалъ энергичныхъ дѣйствій, а въ случаѣ отказа грозилъ уѣхать въ Америку и опубликованіемъ документовъ доказать, что императоръ самъ создалъ конфликтъ, а Кавуръ былъ только орудіемъ въ его рукахъ. Тогда же Наполеонъ получилъ отъ Виктора-Эммануила письмо, въ которомъ имѣлась слѣдующая фраза: „Принужденный отречься отъ трона моихъ отцовъ, къ чему меня обязываетъ имя нашего дома и благо отечества, я былъ бы поставленъ въ необходимость раскрыть міру основанія, заставившія меня пойти на эту тяжелую жертву“. Такая твердость имѣла успѣхъ. 30 марта Кавуръ уѣхалъ изъ Парижа въ сознаніи, что война неизбѣжна.

Во время продолжительныхъ бесѣдъ съ сардинскимъ министромъ Наполеонъ всемирно его успокаивалъ, доказывая, что нѣтъ основаній опасаться конгресса, который въ сущности есть орудіе войны (крылатые слова, сдѣлавшіяся популярными въ ту эпоху): переговоры необходимы, чтобы выиграть время для окончанія вооруженій, переговоры нужны на конгрессѣ, чтобы раздражить Австрію, довести ее до войны и, сдѣлавъ Австрію виновницею таковой, тѣмъ самымъ ее изолировать, а войну локализовать территорію первоначальныхъ комбаттантовъ; поэтому для вида слѣдуетъ всегда уступать, но никогда чрезмерно, и если Франція уступаетъ, и тѣмъ доказываетъ свое миролюбіе, Пьемонтъ долженъ создавать новыя затрудненія и заявлять новыя претензіи, игнорировать которыя Франція, по своей роли посредницы-покровительницы, будетъ, очевидно, не въ состояніи.

Вернувшись въ Туринъ, Кавуръ послалъ циркулярную ноту правительствамъ великихъ державъ, въ которой объявлялъ, что Сардинія не приступитъ къ разоруженію, если не будетъ допущена къ участию въ конгрессѣ на равныхъ съ прочими государствами основаніяхъ.

Тѣмъ временемъ, Мальмсбюри все еще пытался склонить Буоля принять англо-русское предложеніе безъ всякихъ условій, доказывая превосходство въ такомъ случаѣ дипломатическаго положенія Австріи. Онъ находилъ достаточнымъ, если обѣ арміи отойдутъ отъ границъ, а вопросъ о разоруженіи ихъ будетъ предоставленъ разрѣшенію конгресса. Эти представленія англійскаго министра не имѣли никакого успѣха въ Вѣнѣ. Тогда онъ выступилъ съ предложеніемъ немедленнаго разоруженія всѣхъ великихъ державъ (Пруссія и Россія производили частичныя мобилизаціи, причемъ Россія стягивала войска къ своей западной гра-

ницѣ) в Сардиніи. Но и эта попытка Мальмсбюри была обречена на неудачу. Правда, Валевскій объявилъ себя 10 апрѣля принципиально согласнымъ на общее разоруженіе, но подробности послѣдняго онъ желалъ бы установить на конгрессѣ. Въ тотъ же день Наполеонъ, которому Кавуръ наканунѣ телеграфировалъ, что 9-му и 10-му австрійскимъ корпусамъ приказано идти въ Италию, предписалъ сформировать двѣ новыхъ дивизіи и послалъ полковника Саже въ Туринъ передать, чтобы были наготовѣ провіантъ и повозки для первой надобности, и что, если Австрія нападетъ, онъ, Наполеонъ, обрушится на нее съ молниеносною быстротою, невзирая ни на какія препятствія.

12 апрѣля на сообщеніе лорда Лафтуса о послѣднемъ французскомъ предложеніи графъ Буоль отвѣтилъ: только, когда разоруженіе державъ или хотя бы одной Сардиніи станетъ совершившимся фактомъ, Австрія согласится участвовать въ конгрессѣ, и это ея послѣднее слово.

Узнавъ отвѣтъ Буоля, Коулей заявилъ Валевскому, что при создавшемся положеніи никто не можетъ болѣе вѣрить въ миролюбіе французскаго императора. Тогда Наполеонъ рѣшилъ снова уступить, обѣщавъ Коулею начать разоруженіе своей арміи и посовѣтовать разоружаться въ Туринѣ, если великія державы согласятся на равноправное участіе въ конгрессѣ всѣхъ итальянскихъ государствъ.

При этомъ извѣстіи, Кавуръ, до послѣдней минуты сомнѣвавшійся въ Наполеонѣ, впалъ было въ отчаяніе и телеграфировалъ принцу Наполеону: „Лучше быть побѣжденнымъ и умереть съ оружіемъ въ рукахъ“, но затѣмъ успокоился, понявъ всю невыполнимость поставленнаго императоромъ условія. Поэтому, на предложеніе Англии приступить къ демобилизаци сардинскій министръ отвѣтилъ: его правительство не затруднилось бы прибѣгнуть, подобно французскому, къ такой мѣрѣ, если бы оно было приглашено на конгрессъ; теперь оно можетъ только обѣщать не продолжать своихъ вооруженій въ томъ предположеніи, что Австрія не будетъ усиливать своей итальянской арміи. Отвѣтъ Кавура былъ 18 апрѣля опубликованъ въ официальной газетѣ.

Въ тотъ же день Мальмсбюри, будучи убѣжденъ, что Австрія не допуститъ равноправія Сардиніи на конгрессѣ, телеграфировалъ въ Парижъ, что итальянскія государства слѣдуетъ пригласить къ участію въ разрѣшеніи вопроса не на одинаковыхъ съ великими державами основаніяхъ, а на основаніяхъ того порядка, который имѣлъ мѣсто на конгрессѣ въ Лайбахѣ 1821 года.

Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ пошелъ и на эту, уже весьма значительную, уступку и въ половинѣ второго ночи на 19 апрѣля послалъ Кавуру телеграмму съ приказомъ: обѣщать при такихъ условіяхъ разоруженіе.

Для сардинскаго министра наступили самые ужасные дни его жизни. Вотъ, что сообщаютъ его біографы. 19 апрѣля рано утромъ, когда Кавуръ находился еще въ кровати, къ нему вошелъ секретарь французскаго посольства съ телеграммою Наполеона. Прочитавъ ее, министръ могъ только сказать дрожавшимъ отъ волненія голосомъ: „Теперь мнѣ больше ничего не остается сдѣлать, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ“, и затѣмъ на 24 часа заперся въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, не допуская къ себѣ никого и не принимая пищи. Въ теченіе этого времени онъ пересмотрѣлъ свои документы и многіе сжегъ. Онъ колебался въ выборѣ между самоубійствомъ и эмиграціею въ Америку. Послѣ восьмиплѣтнаго непрерывнаго труда Кавуръ видѣлъ себя дальше отъ цѣли, чѣмъ въ началѣ: эта мысль его ужасала. Друзья пришли къ нему съ словами утѣшенія. Генералы выражали полную готовность двинуть армию на вѣрное пораженіе. Но перспектива второй Новары не улыбалась Кавуру. Онъ рѣшилъ испытать послѣднее средство и послалъ въ Парижъ телеграмму: „Такъ какъ Франція дѣйствуетъ по соглашенію съ Англіею, правительство подчиняется, хотя предвидитъ печальныя послѣдствія такого рѣшенія для спокойствія Италіи“. Кавуръ грозилъ революціею. Тотчасъ же императоръ и принцъ Наполеонъ телеграфировали ему, что, по ихъ предположенію, Австрія не отступитъ отъ своего „послѣдняго слова“. Въ самомъ дѣлѣ, 20 апрѣля утромъ Буоль не только отклонилъ предложеніе Англии, но заявилъ Лафтусу, что еще наканунѣ вечеромъ императоръ Францъ-Иосифъ послалъ въ Туринъ ультиматумъ.

Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля Кавуръ получилъ точныя свѣдѣнія, что австрійскій офицеръ, везшій ультиматумъ, находится уже въ предѣлахъ Пьемонта. Ликованіе Кавура было безгранично: желанная цѣль была, наконецъ, достигнута! Какъ сумасшедшій, помчался онъ къ королю сообщить радостное извѣстіе. Для Франціи наступалъ *casus foederis*...

23 апрѣля утромъ Кавуръ писалъ вождю либераловъ въ Парижѣ, Армелонги: „Великій моментъ насталъ. Теперь мы узнаемъ, достойна ли Италія свободы, или же это были наши иллюзіи. Во всякомъ случаѣ, нельзя начинать революціи раньше достовѣрнаго извѣстія объ объявленіи войны. Среди всеобщаго волненія я со спокойною душою посылаю всѣмъ нашимъ въ Пармѣ мой братскій поцѣлуй. Да здравствуетъ независимая Италія!“

Австрія послѣднимъ шагомъ испортила свое выгодное дипломатическое положеніе. Даже Англія отвѣтила на ея ультиматумъ формальнымъ протестомъ. 21 апрѣля въ *Moniteur*’ѣ было напечатано: въ виду образа дѣйствій австрійскаго правительства, императоръ Наполеонъ III рѣшилъ придвинуть войска съ сардинской границѣ.

Теперь уже не подлежало сомнѣнью, что и Австрія опредѣленно хотѣла войны: въ *Вѣнской Газетѣ* ультиматумъ былъ опубликованъ ранѣе, чѣмъ былъ доставленъ въ Туринъ. Изложенный въ формѣ ноты графа Буоля графу Кавуру, онъ въ резолютивной своей части гласилъ:

„Императоръ, мой высокій повелитель, призналъ за благо поручить мнѣ сдѣлать послѣднюю попытку, дабы отклонить правительство его сардинскаго величества отъ рѣшенія, которое оно, повидимому, приняло. Это и является, графъ, цѣлью настоящаго письма. Я имѣю честь просить Ваше Превосходительство взвѣсить его содержаніе самымъ серьезнымъ образомъ и затѣмъ увѣдомить меня, намѣрено ли королевское правительство безотлагательно привести свою армию къ мирному контингенту и распустить добровольцевъ, или же не намѣрено. Податель сего письма, коему Вы, графъ, благоволите дать отвѣтъ, получилъ приказаніе ожидать такового въ теченіе трехъ дней. Если же онъ по прошествіи этого времени не получитъ вовсе отвѣта или послѣдній не окажется вполне удовлетворительнымъ, то отвѣтственность за тяжкія послѣдствія такого уклоненія должна всецѣло пасть на правительство его сардинскаго величества. Послѣ того какъ императоромъ напрасно исчерпаны всѣ средства съ цѣлью обезпечить для своихъ народовъ залогъ мира, который онъ имѣетъ право настоятельно требовать, его величество, къ крайнему своему сожалѣнію, сочтетъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ надеждѣ, что отвѣтъ, о которомъ я прошу Ваше Превосходительство, будетъ соответствовать нашимъ желаніямъ сохранить миръ, я пользуюсь случаемъ и т. д.“

23 апрѣля, въ 12 часовъ дня, собралась палата, которой Кавуръ предложилъ законопроектъ, облакавшій короля диктаторскими полномочіями на время войны. Взволнованнымъ голосомъ, при бурныхъ выраженіяхъ сочувствія депутатовъ и публики, Кавуръ воскликнулъ: „И кто могъ бы быть лучшимъ хранителемъ нашей свободы, кто болѣе достоинъ довѣрія народнаго, чѣмъ онъ? Онъ, чье имя въ продолженіе десятилѣтняго царствованія было синонимомъ честности и порядочности, онъ, всегда высоко и твердо державшій въ рукахъ своихъ трехцвѣтное знамя, онъ, въ это мгновеніе готовый бороться за нашу свободу и независимость!“ Въ 3 часа дня палата большинствомъ 110 голосовъ противъ 24 приняла законопроектъ. Оставляя залъ, Кавуръ сказалъ: „Теперь я выхожу изъ послѣдняго засѣданія пьемонтскаго парламента; слѣдующее будетъ имѣть мѣсто въ парламентѣ королевства Італія“.

Въ 5¹/₄ ч. пополудни австрійскій офицеръ, баронъ Келлерспергъ, явился къ Кавуру и вручилъ ультиматумъ. Прочитавъ его, Кавуръ просилъ барона зайти за отвѣтомъ 26 апрѣля въ 5¹/₂ ч.

24 апрѣля французское правительство было официально увѣдомлено объ ультиматумѣ. 26 апрѣля, днемъ, въ Туринъ пришло извѣстіе, что

первый французский корпусъ подъ начальствомъ маршала Бараге д'Илли началъ высаживаться въ Генуѣ. Въ тотъ же день, въ назначенный часъ Кавуръ передалъ барону Келлерспергу лаконическій отвѣтъ: „Другія великія державы выразили согласіе на предложеніе Англии о разоруженіи. Желая мира, и Сардинія приняла таковое безъ оговорокъ, безъ задней мысли. Графъ Буоль не можетъ не знать ни англійскаго предложенія, ни отвѣта Сардиніи. Поэтому я не нахожу нужнымъ что-либо добавлять къ послѣднему, чтобы ставить въ извѣстность о намѣреніяхъ королевскаго правительства“. Отвѣтъ, въ которомъ не заключалось ни утвержденія, ни отрицанія, являлся отклоненіемъ императорско-королевскаго ультиматума. „Жребій брошенъ,—весело вскричалъ Кавуръ обступившимъ его друзьямъ,—мы сдѣлали исторію, пойдѣте теперь обѣдать!“

Въ послѣдній моментъ Мальмсбюри еще разъ предложилъ въ Вѣнѣ и Парижѣ свое посредничество на основаніяхъ парижскаго протокола 1856 г. Единственнымъ и врядъ ли предвидѣннымъ послѣдствіемъ этого посредничества явился переходъ австрійской армии черезъ рѣку Тичино 30 вмѣсто 27 апрѣля, благодаря чему союзники выиграли еще три дня.

26 апрѣля между Франціей и Австріей были прерваны дипломатическія сношенія. 29 апрѣля послѣдовали прокламаціи къ войскамъ въ Вѣнѣ и Туринѣ, 3 мая—въ Парижѣ. Такъ началась австро-франко-итальянская война 1859 года.

Въ началѣ войны международная конъюнктура существеннымъ образомъ не измѣнилась. Англія оставалась строго нейтральною. Дружественный Австріи нейтралитетъ державъ германскаго союза парализовался враждебнымъ ей нейтралитетомъ Россіи. Это было возмездіемъ габсбургской монархіи за предательство въ крымскую кампанію. Въ критическій моментъ она также осталась безъ союзниковъ. Франко-итальянскія войска одержали надъ равными, либо превосходящими ихъ силами Австріи рядъ блестящихъ побѣдъ при Монтебелло, Палестро, Маджентѣ, Меленьяно и Сольферино. Послѣднее сраженіе, самое серьезное по числу жертвъ и военному значенію, произошло 24 іюня. Спустя нѣсколько дней во французскій лагерь прибылъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ съ собственноручнымъ письмомъ императора Александра II. Въ этомъ письмѣ было опредѣленно сказано, что Россія не поддержитъ Францію въ войнѣ, одновременно европейской и революціонной. Обнаружились также серьезныя разногласія по восточному вопросу. Удовлетворить въ послѣднемъ отношеніи русскія требованія Наполеонъ не могъ, справедливо опасаясь, что тогда Англія примкнетъ къ Австріи. Между тѣмъ, позиція, занятая Россією, грозила развязать руки германскому союзу, армія котораго,

состоявшая подъ командою принца-регента прусскаго, была готова къ выступленію на Рейнѣ. Вести войну на два фронта Наполеонъ не рѣшился и, прекративъ завязавшіяся было сношенія съ итальянскими, венгерскими и сербскими инсургентами, поспѣшилъ заключить (8 юля) перемиріе въ Виллафранкѣ, а затѣмъ и миръ въ Цюрихѣ (10 ноября).

Сардиніи досталась только Ломбардія до рѣки Минчіо. Объединеніе Италіи далеко не было завершено. Но важнѣйшимъ послѣдствіемъ войны явилась революція въ итальянскихъ государствахъ и фактическое прекращеніе дѣйствія ихъ договоровъ съ Австріею. Въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ итальянскіе вассалы Габсбурговъ были изгнаны населеніемъ, а территории ихъ присоединились къ Сардиніи на основаніи всеобщаго голосованія. Всѣ дальнѣйшія стремленія Австріи реставрировать, по примѣру прошлаго, силою оружія бурбонскихъ и лотарингскихъ самодержцевъ на Апеннинскомъ полуостровѣ не были осуществлены, благодаря неизмѣнной твердости нашего правительства, постоянно предупреждавшаго вѣнскій кабинетъ, что вторженіе австрийскихъ войскъ въ Италію явится для Россіи *casus belli* и повлечетъ за собою немедленное нападеніе на Галицію.

Итакъ, единую Италію создали три фактора: національное движеніе, руководимое Викторомъ-Эммануиломъ, Кавуромъ, Гарибальди, Мадзини и безчисленными ихъ сподвижниками, вооруженная помощь Франціи и дипломатическая поддержка Россіи. Память объ этомъ жива въ умахъ впечатлительнаго и благороднаго итальянскаго народа, свидѣтельствующаго въ настоящее время горячіи симпатіи намъ и союзникамъ нашимъ.

Событія слѣдуютъ съ быстротою урагана. Быть можетъ, когда эти строки будутъ напечатаны, итальянская армія уже пойдетъ занимать несчастную, подъ габсбургскимъ игомъ стонущую, ирреденту: Истрію и южный Тироль. Но одно ясно: армію, состоящую изъ дѣтей и внуковъ воиновъ 1859 года, никто не заставитъ сражаться противъ Франціи и Россіи. Во всякомъ случаѣ, нынѣшній нейтралитетъ Италіи, формально связанной договорными отношеніями съ нѣмецкими державами, принесъ уже громадную пользу нашему дѣлу. Этотъ нейтралитетъ позволилъ Франціи обнажить отъ войскъ свою южную границу и двинуть противъ Германіи лишній миллионъ солдатъ.

Ал. Вѣчевой.

Въ чемъ побѣда? ¹⁾

VIII. Зависимость побѣды отъ высоты нравственнаго элемента и матеріальнаго.—
IX. Значеніе современной техники. Авіація.—X. Шпонажъ.—XI. Значеніе крѣпостей.—
XII. Заключение.

VIII.

Зависимость побѣды отъ высоты нравственнаго элемента и матеріальнаго.

Высота нравственнаго элемента не только арміи, но всего населенія страны достигается надлежащимъ воспитаніемъ какъ съ дѣтскаго возраста, такъ и во время прохожденія военной службы.

Проявленіе во время самаго акта войны высоты нравственнаго элемента какъ воиновъ, такъ и всего населенія страны, зависитъ прежде всего отъ сознанія и убѣжденія въ необходимости войны, въ ея полезности, въ неизбежности для государства, въ томъ, что человѣкъ идетъ на подвигъ самоотверженія, на рискъ быть искалѣченнымъ или лишиться величайшаго блага—жизни, идетъ на это не по капризу политики авантюръ, а во имя блага родины.

Такое сознаніе можетъ вести людей на подвиги самоотверженія, дающаго картины чисто героическія.

Самоотверженіе болгаръ, на примѣръ, въ послѣднюю войну, въ борьбѣ съ вѣковымъ угнетателемъ было таково, что они встрѣчали наши санитарные отряды словами, приличествующими древнимъ спартанцамъ:

„Зачѣмъ намъ врачебная и санитарная помощь? Прислали бы намъ лучше орудій и боевыхъ припасовъ“.

И дѣйствительно, въ стремленіи своемъ нанести ударъ врагу болгары не обращали вниманія на своихъ больныхъ и раненыхъ, которые гибли тысячами.

Нравственный подъемъ былъ такъ высокъ, что молодой Сарафовъ, сынъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Болгаріи, заболѣвъ тифомъ, двѣ

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. VII и VIII—IX.

недѣли оставался въ строю, неся обязанности простого солдата, и, только лишившись послѣднихъ силъ, ушелъ въ госпиталь лишь за три дня до своей смерти. Это ли не героическій подвигъ, достойный быть поставленнымъ въ рядъ съ подвигомъ Муция Сцеволы! ¹⁾

Высота нравственной стороны воиновъ для одержанія побѣды представляетъ такую неоспоримую истину, а средства для достиженія ея такъ разнообразны, что намъ вполне умѣстно, не останавливаясь долѣе на этомъ предметѣ, перейти къ необходимѣйшему условію побѣды—къ физическому здоровью бойцовъ—условію, находящемуся у насъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи.

На здоровье солдата, на строгій выборъ воиновъ изъ населенія должно быть обращено самое серьезное вниманіе, опять-таки въ тѣхъ видахъ, чтобы на первомъ планѣ стояло качество арміи, а никакъ не численность ея.

Здѣсь, какъ и въ технику, не должно быть ни мелочей, ни экономіи, потому что даже то, что кажется въ мирное время мелочью, какъ, наприѣръ, способъ распредѣленія солдатской ноши, можетъ оказать на войнѣ огромное вліяніе, а экономія можетъ послужить къ разоренію во время войны и еще большому при заключеніи мира.

Еще въ самыхъ молодыхъ годахъ, во время службы своей въ пѣхотномъ армейскомъ полку я замѣтилъ, что люди высокіе, стройные, но тонковатые далеко не отличаются такою же выносливостью, какъ менѣе рослые, но коренастые, „не ладно скроенные, да крѣпко спитые“, крѣпыши.

Желая провѣрить это на личномъ опытѣ въ походѣ мирнаго времени изъ Мологи въ Москву, я пробовалъ свою выносливость подъ полнымъ солдатскимъ снаряженіемъ, и оказалось, что, несмотря на высокій ростъ и на очень сильныя руки и ноги специалиста по гимнастикѣ, грудь моя была такъ слаба, что въ концѣ первыхъ же трехъ верстъ я вынужденъ былъ снять съ себя ранецъ.

Впослѣдствіи трудъ извѣстнаго англійскаго гигиениста Паркса и, одновременно, знакомство съ австрійскими законоположеніями привели меня къ убѣжденію о необходимости при выборѣ призывной молодежи обращать вниманіе не только на ростъ, но еще болѣе на размѣры грудной клѣтки.

Въ своихъ лекціяхъ по тактикѣ, отдавая должное значенію нравствен-

¹⁾ Позднѣйшее примѣчаніе. И тѣ же самые болгары, выказавшіе такое самоотверженіе въ борьбѣ съ турками, при встрѣчѣ съ своими недавними союзниками, греками и особенно сербами, не убѣжденные, конечно, въ необходимости этой братоубійственной войны, проявили высоту нравственнаго элемента далеко не первокласснаго свойства. Вотъ самое рельефное доказательство того, что при настоящемъ развитіи массъ политика можетъ разсчитывать на успѣхъ войнъ только популярныхъ.

наго элемента, я говорилъ, что не меньшее, конечно, значеніе надо придавать элементу матеріальному, которымъ у насъ всегда пренебрегали, въ томъ числѣ—вооруженію, снаряженію и здоровью солдатъ. Говорилъ и говорю теперь, что люди слабой организаци, требуя на свою подготовку въ обширномъ смыслѣ слова и на доставку къ полямъ сраженія огромныхъ государственныхъ средствъ, вслѣдствіе недостаточной выносливости, являются не только бесполезными для военнаго дѣла, но составляютъ бремя арміи, запружая собою госпитали и требуя эвакуаціи. Говорилъ, что высокій ростъ не только не служитъ показателемъ выносливости, но—наоборотъ, если размѣры груди не отвѣчаютъ росту. И на основаніи указанныхъ источниковъ опредѣлялъ размѣръ груди сравнительно съ ростомъ въ 0,52—0,53, чего и слѣдуетъ придерживаться при осмотрѣ молодыхъ людей, поступающихъ въ военную службу.

Вскорѣ въ нашей арміи—не знаю, подъ влияніемъ ли моихъ настойчивыхъ указаній, или независимо отъ нихъ—обращено было вниманіе на размѣры груди сравнительно съ ростомъ, и я не позволилъ бы себѣ упоминать о важности указаннаго соотношенія роста къ объему грудной клѣтки, если бы въ данное время не замѣчалось пренебреженія этимъ принципомъ, по моему мнѣнію, величайшей важности. На глазахъ моихъ, по крайней мѣрѣ, признаютъ годными для военной службы молодыхъ людей, у которыхъ размѣръ груди на цѣлый вершокъ менѣ половины роста призываемаго.

Оправданіемъ не можетъ служить и соображеніе, что если обращать вниманіе на размѣръ груди, вслѣдствіе гололовокъ и другихъ причинъ, то можетъ случиться недоборъ призывныхъ, ибо призывать на службу людей, неспособныхъ противостоятъ тягостямъ и лишениямъ войны, значитъ сознательно вводить себя въ самообманъ и тратить огромныя средства на армію, половина которой окажется для веденія войны непригодною.

Помимо здоровья солдата, должно быть обращено самое серьезное вниманіе на тяжесть солдатской ноши, вѣсящей у насъ, не считая одежды, болѣе 2-хъ пудовъ, на облегченіе ея и на способъ ея ношенія.

Вопросы эти, какъ слишкомъ спеціальныя, не подлежатъ обсужденію въ настоящей статьѣ и были мною разобраны въ спеціальному военномъ органѣ (*Русск. Инв.*, № 180, 1913 г.).

Здѣсь умѣстно сказать только, что, къ величайшему сожалѣнію, совершенно произвольно раздѣляя вопросы на важные и неважные, на крупныя и мелочныя, мы тратимъ колоссальныя средства на первые, изъ которыхъ постройку дредноутовъ и траты на большинство нашихъ крѣпостей я лично, по убѣжденію, считаю просто вредными, и въ то же время не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія на вопросы, повторяю, произвольно отнесенные къ мелочнымъ, неважнымъ.

IX.

Значеніе современной техники. Авіація.

Къ числу матеріальныхъ условій, дающихъ побѣду той или другой изъ враждующихъ сторонъ, принадлежитъ несомнѣнно техника.

Въ былыя времена даже такія нехитрыя усовершенствованія, какъ желѣзные шомпола вмѣсто деревянныхъ, давали побѣду (пруссакъ въ сраженіи при Мольвицѣ).

Позднѣе усовершенствованіе, уже болѣе сложное—игольчатое ружье,— не менѣе, чѣмъ талантъ Мольтке, способствовало разгрому австрійской арміи тѣми же пруссакъ въ 1866-мъ году.

Но и игольчатое ружье является изобрѣтеніемъ чисто игрушечнымъ въ сравненіи съ тѣми успѣхами техники, которые дали намъ конецъ прошлаго вѣка и особенно вѣкъ настоящій.

Понятно поэтому, какъ ревниво надо слѣдить за успѣхами техники, чтобы не отстать отъ своихъ вѣроятныхъ враговъ и даже по возможности итти впереди нихъ.

Экономію въ данномъ случаѣ слѣдуетъ признать крайне вредною, потому что она можетъ повлечь за собою неисчислимые убытки на войнѣ и отразиться на ея исходѣ. Щедрость, наоборотъ, если бы даже она оказалась иногда примѣненною не вполне практически, можетъ вознаградить сторицею въ тяжкую годину войны.

Прослѣдить за всѣми успѣхами техники, могущими оказать вліяніе на побѣду, невозможно даже въ статьѣ болѣе обширной, чѣмъ настоящая, но считаю необходимымъ остановиться на величайшемъ изобрѣтеніи нашего вѣка, которое еще такъ недавно представлялось химерой— на авіаціи.

Значеніе авіаціи было подробно разобрано мною въ публичномъ докладѣ, сдѣланномъ 27 октября 1912 года и тогда же напечатанномъ.

Считаю уместнымъ, однако, остановиться на этомъ величайшемъ изъ изобрѣтеній и прежде всего перечислить случаи, когда аэропланы могутъ оказать несомнѣнныя услуги воюющей сторонѣ:

1) При развѣдкахъ. 2) Метаніемъ взрывчатыхъ снарядовъ съ высоты, что можетъ произвести не столько матеріальный уронъ, сколько потрясать противника нравственно, а это, главнымъ образомъ, и должно имѣть въ виду разумное военное искусство. 3) Дѣйствіемъ противъ крѣпостей и различныхъ правительственныхъ учрежденій, уничтоженіе которыхъ можетъ оказать иногда огромное вліяніе на ходъ войны. Нападеніе, на примѣръ, сотни могучихъ птицъ на столицу государства, можетъ такъ потрясти населеніе и правительство страны, что побудитъ ихъ къ заключенію мира, а опасность возможности такого нападенія

заставить призадуматься предъ объявленіемъ войны, какъ бы ни былъ силенъ шовинизмъ правительства или націи. 4) Въ борьбѣ противъ флота вообще и „неуязвимыхъ“ дредноутовъ въ частности.

Всякая мѣра, однако, принятая для борьбы съ противникомъ, вызываетъ отвѣтныя мѣры противодѣйствія, и лучшимъ средствомъ противодействовать аэропланамъ, какъ я пояснялъ это въ своемъ публичномъ докладѣ, явятся, по всей вѣроятности, сами же аэропланы. И такимъ образомъ, ближайшія враждебныя столкновения будутъ сопровождаться интереснѣйшимъ явленіемъ—войной въ воздухѣ, въ которой естественно побѣдитъ тотъ, кто, помимо энергіи и искусства бойцовъ, уйдетъ впередъ въ смыслѣ техники и развитія воздухоплавания—въ смыслѣ количества и качества воздушныхъ аппаратовъ.

Но въ свою очередь, помимо совершенства летательныхъ аппаратовъ и числа ихъ, въ успѣхѣ будущей воздушной войны, конечно, первенствующую роль будетъ все же играть человекъ. Здѣсь нужна будетъ не только энергія, смѣлость, предприимчивость, умѣніе владѣть аппаратомъ, но и искусство въ веденіи воздушной войны.

Необходимо поэтому заранѣе, путемъ умозрительнымъ, выработать тактику воздушной войны, руководствуясь опытами мирнаго воздухоплавания. При встрѣчѣ съ противникомъ, на примѣръ, что выгоднѣе—быть сверху его или снизу? Сверху, конечно, удобнѣе бросить снарядъ, а снизу, быть можетъ, произвести выстрѣлъ? Какимъ образомъ сбить противника воздушнымъ теченіемъ, производимымъ аэропланомъ, и какъ самому избѣжать сферы этого теченія? Въ какихъ случаяхъ удобнѣе временно спуститься на землю, чтобы этой неожиданностью избѣжать преслѣдованія превосходнаго противника?

Путемъ также чисто умозрительнымъ слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: чѣмъ вооружить аэропланы для войны въ воздухѣ? Могутъ ли отвѣтить на эту задачу пулеметы, какъ предлагаютъ нѣкоторые? И не лучше ли вооружить ихъ небольшими мортирками для стрѣльбы струей сгущеннаго воздуха или какого-нибудь газа, способнаго притомъ одурманить человекъ?

Всѣ эти и подобныя вопросы должны быть строго обдуманы и рѣшены заранѣе специалистами дѣла, конечно на основаніи наблюдений и опытовъ, но путемъ, повторяю, чисто умозрительнымъ, потому что опытъ войны дастъ надлежащія директивы только впоследствии.

Сказанное еще разъ подтверждаетъ справедливость истины, что, какъ бы ни были совершенны аппараты, на какую бы высоту ни поставила ихъ техника, машина сама по себѣ бессильна, пока не одухотворитъ ее человекъ. И въ данномъ случаѣ роль человека для пользованія машиной полна особаго, исключительнаго значенія.

Для пользованія обыкновенными, даже очень сложными, машинами

достаточно известной степени человеческой смѣтки. Воздухоплаваніе, напротивъ того, кромѣ указаннаго необходимаго качества, требуетъ выдающейся смѣлости, огромной осмотрительности, здоровья, энергии, хладнокровія, находчивости, настойчивости, инициативы и, помимо всего этого, особаго чутья, таланта, необходимаго для управления такой деликатной машиной въ такой капризной средѣ, какъ воздухъ, атмосфера. Эти качества, далеко не заурядныя каждое въ отдѣльности, особенно рѣдко встрѣчаются въ гармоническомъ сочетаніи въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

Необходимо поэтому, если желаютъ поставить оборону государства на надлежащую высоту въ смыслѣ примѣненія воздухоплаванія, принять всѣ мѣры, чтобы привлечь къ этому дѣлу изъ населенія тѣ исключительныя натуры, которыхъ требуетъ воздухоплаваніе вообще и съ военными цѣлями въ особенности. Къ счастью, славянская раса, отличающаяся даровитостью и смѣлостью „самою безвѣчною“ (выраженіе Пушкина), даетъ къ этому превосходный матеріалъ, хотя именно эта „безвѣчность“ и удалъ очень часто идутъ въ ущербъ холодной осмотрительности, столь необходимой для воздухоплаванія.

Нельзя не признать за аэропланами особенно важнаго значенія для обороны нашего отечества. Наша граница, особенно сухопутная, занимаетъ такое огромное протяженіе, что оборона ея представляетъ чрезвычайныя затрудненія: помимо протяженія самыхъ границъ, обширность территории, слабая населенность ея и незначительное сравнительно развитіе желѣзныхъ путей должны непременно отразиться на быстротѣ мобилизаціи и сосредоточенія къ угрожаемому пункту нашихъ военныхъ силъ. Сосѣди, несомнѣнно, мобилизуются быстрѣе насъ и получаютъ возможность вторгнуться въ наши предѣлы, пока мы не успѣемъ еще мобилизовать своихъ силъ и продвинуть ихъ къ угрожаемымъ пунктамъ. Выручить въ этомъ случаѣ могутъ едва ли не одни аэропланы.

Собранные въ ящики, они могутъ быть быстро доставлены къ границѣ и не только помѣшать мобилизаціи противника, но полетомъ въ глубину непріятельской страны навести панику на населеніе большихъ городовъ и, помимо паники, причинить существенный вредъ разрушеніемъ складовъ и правительственныхъ учрежденій вообще.

Попутно тѣ же аэропланы доставятъ надежныя свѣдѣнія о пунктахъ сосредоточенія непріятельскихъ силъ—данныя, въ высокой степени важныя для успѣха военныхъ операцій.

Но для того, чтобы аэропланы могли выполнить такую серьезную роль, необходимо значительное преобладаніе ихъ какъ количественное, такъ и качественное—въ смыслѣ не только совершенства аппаратовъ, но энергіи, смѣлости и подготовки летчиковъ.

Обезпечить себя аппаратами сравнительно нетрудно, хотя на первое

же время необходимо довести число ихъ до цифры не меньшей одной тысячи, что составитъ расходъ въ сущности пустой для такого дѣла, какъ оборона государства.

Расходъ этотъ выразится цифрой не большей 10—15 милліоновъ рублей, считая стоимость аэроплана отъ 10—15 тысячъ рублей. И, даже прибавивъ къ этой цифрѣ еще 5 милліоновъ на оборудованіе мастерскихъ, ангаровъ, аэродромовъ, все же получатся только 20 милліоновъ, т.-е. половина стоимости морского чудовища—дредноута, а если даже признать неуязвимость послѣдняго при одновременной атакѣ подводныхъ лодокъ, миноносцевъ и быстролетныхъ птицъ, снабженныхъ взрывчатыми веществами, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что кругъ дѣйствій дредноута въ нашихъ водахъ крайне ограниченъ, особенно сравнительно съ обширнымъ полемъ дѣйствій, которое могутъ завоевать аэропланы.

Но если при доброй волѣ и энергии не представится особыхъ затрудненій въ интересахъ обороны государства обезпечить себя достаточнымъ количествомъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ и производствомъ ихъ въ собственномъ отечествѣ, то несравненно труднѣе вдохнуть въ эти мертвыя тѣла человѣческую душу, сдѣлать ихъ жизненными, дѣятельными, грозными для врага—собрать и подготовить надлежащее количество летчиковъ.

Къ счастью, повторяю, беззавѣтная удаля славянскаго племени даетъ для этого прекрасный матеріалъ.

Какъ ни смѣлъ однако человѣкъ, онъ, какъ разумное существо, долженъ призадумываться надъ нищетой, которая грозитъ его близкимъ въ случаѣ его смерти и ему самому въ случаѣ увѣчья. Необходимо поэтому привлекать смѣльчаковъ къ воздухоплаванию не только широкимъ вознагражденіемъ за ихъ трудъ и рискъ, но и такой же широкой пенсіей самому летчику въ случаѣ увѣчья и его близкимъ въ случаѣ гибели.

Кромѣ того, молодой, безсемейный человѣкъ охотно и безопасно рискуетъ собою, но нельзя требовать, чтобы рискъ этотъ продолжался всю его жизнь: пролетавъ 5—10 лѣтъ, приобрета за это время семью, человѣкъ имѣетъ полное право искать себѣ занятія и труда, менѣе рискованнаго, чѣмъ воздухоплаваніе, поэтому, чтобы привлечь желающихъ, необходимо обезпечить ихъ солидной пенсіей по истеченіи, на примѣръ, пяти лѣтъ службы въ воздушномъ флотѣ и еще болѣе увеличенной по истеченіи 10 лѣтъ. Такая пенсія должна выдаваться, помимо вполне обезпеченнаго содержанія, не только во время службы по воздухоплаванию, но и по переходѣ на другой родъ службы, хотя бы даже государственной, подобно тому какъ выдается профессорская пенсія профессорамъ военныхъ академій по переходѣ ихъ въ строй или вообще на другой родъ службы.

Къ числу причинъ материальныхъ, оказывающихъ самое могущественное вліяніе на ходъ военныхъ операцій, надо отнести, несомнѣнно, надлежащую подготовку театра военныхъ дѣйствій въ смыслѣ направленія и сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ случаѣ наши сосѣди представляютъ намъ положительный образецъ, достойный всякаго подражанія, но подробно останавливаться на этомъ вопросѣ—значило бы, естественно, выйти изъ рамокъ настоящихъ статей.

Х.

Шпіонажъ.

Однимъ изъ средствъ для достиженія побѣды, несомнѣнно, надо признать шпіонажъ.

Средствомъ этимъ никогда не брезгали даровитые военачальники, а Фридрихъ Великій и Наполеонъ пользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

И понятно—почему: если всѣ данныя для рѣшенія задачи имѣются у васъ налицо, разрѣшить задачу, даже очень сложную, даровитому человѣку не представитъ особенной трудности; и наоборотъ: если вы рѣшаете задачу и принимаете мѣры на основаніи данныхъ, не отвѣчающихъ обстановкѣ,—рѣшеніе можетъ выразиться въ формѣ далеко не желательной.

Шпіонажъ можетъ быть раздѣленъ на шпіонажъ мирнаго времени и добычу свѣдѣній во время самаго акта войны.

Первый получаетъ особенно широкіе размѣры въ настоящее время, благодаря водворяющейся повсемѣстно шаткости нравственныхъ устоевъ и погонѣ за роскошью и прожиганіемъ жизни.

Государства, находящіяся, новидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, неусыпно шпіонятъ другъ за другомъ, не брезгаютъ подкупомъ должностныхъ лицъ и всякаго рода соблазнами ихъ, чаще всего черезъ женщинъ, для полученія свѣдѣній подчасъ самаго невысокаго качества. Изъ этихъ свѣдѣній наиболѣе важными считаются данныя по мобилизаціи и сосредоточенію войскъ. Для добычи этихъ именно свѣдѣній не затрудняются жертвовать очень крупными суммами и прибѣгать къ мѣрамъ сомнительнаго нравственнаго свойства.

Позволяю себѣ лично имѣть мнѣніе на этотъ счетъ несогласное съ общеустановившимся и не придавать этимъ свѣдѣніямъ такого огромнаго значенія, какое придаютъ имъ повсемѣстно.

Прежде всего всякій толковый офицеръ генеральнаго штаба при внимательномъ изученіи карты дастъ себѣ отчетъ безъ всякаго шпіонства о пунктахъ, которые должны служить сосредоточеніемъ войскъ при мобилизаціи. И это особенно примѣнимо къ нашему отечеству: желѣз-

ныхъ путей у насъ и узловыхъ станцій такъ мало, что пункты сосредоточенія войскъ при мобилизаціи опредѣляются сами собою. Въ виду развитія желѣзнодорожной сѣти и обилія узловыхъ пунктовъ за нашей западной границей опредѣленіе заранѣе выбранныхъ пунктовъ сосредоточенія войскъ становится, конечно, дѣломъ болѣе труднымъ; но если бы получены были даже самыя точныя на этотъ счетъ свѣдѣнія, если бы даже былъ добытъ самый планъ кампаніи, выработанный противной стороною, ни въ какомъ случаѣ нельзя поручиться, чтобы планъ этотъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ данныхъ и даже просто взгляда вновь назначеннаго главнокомандующаго не былъ измѣненъ внезапно, въ корнѣ. И это особенно легко допустимо со стороны нашей ближайшей сосѣдки въ виду прекрасно обдуманной и развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ, позволяющей быстрое передвиженіе и сосредоточеніе войскъ въ пунктъ, какъ разъ противоположномъ тому, о которомъ получены были въ мирное время самыя точныя, самыя обстоятельныя свѣдѣнія.

И исторія даетъ намъ не одно указаніе, какъ планъ дѣйствій, выработанный до войны, мѣнялся въ корнѣ съ самаго же начала военныхъ операцій, лучшимъ примѣромъ чего можетъ служить измѣненіе нами плана войны съ самаго открытія кампаніи 1812 года.

Нѣсколько большее значеніе могутъ представить добытые путемъ шпионажа планы крѣпостей, но, помимо трудности добыванія этихъ свѣдѣній, надо принять въ расчетъ, что при многочисленности современныхъ армій, дающей возможность отдѣлять блокадные или заслонные корпуса, дѣйствія противъ крѣпостей, вѣроятно, будутъ ограничиваться заслонами или блокадою, и крѣпости не остановятъ операцій армій въ полѣ.

Наконецъ, воздухоплаваніе, несомнѣнно, облегчитъ добычу свѣдѣній какъ по сосредоточенію непріятельскихъ силъ, такъ и по расположенію крѣпостныхъ верковъ.

Несравненно важнѣе полученіе въ мирное время основательныхъ данныхъ о боевой подготовкѣ вѣроятныхъ противниковъ: о вооруженіи въ обширномъ смыслѣ слова, снаряженіи, тактическихъ приемахъ, дисциплинѣ, духѣ войскъ, составѣ корпуса офицеровъ, организаціи и качествахъ генеральнаго штаба, свѣдѣнія о физическихъ и душевныхъ свойствахъ вождей, предназначенныхъ стоять во главѣ войскъ.

По крайней мѣрѣ, посланный—и всего-то на 3 мѣсяца—для знакомства съ французской и прусской арміями въ то время, когда престижъ французской арміи стоялъ на необычайной высотѣ, когда о ней доносили именно въ такомъ смыслѣ какъ наши постоянные военные агенты, такъ и командированный годомъ раньше меня, въ 1868 году, баронъ Зеделеръ, я изъ знакомства съ указанными арміями безъ всякаго ши-

онства вынесъ самое непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что при встрѣчѣ съ пруссаками французская армія обречена на катастрофу, и убѣжденіе это выразилъ, въ самой категорической формѣ, тогда же, въ 1869 году, въ двухъ публичныхъ сообщеніяхъ, въ академіи генеральнаго штаба.

И прийти къ такому заключенію при трезвомъ взглядѣ на вещи было совсѣмъ не трудно,—до такой степени французскіе военачальники того времени, несомнѣнные храбрецы, вродѣ Бурбаки, были невѣжественны, какъ и ихъ генеральный штабъ, и до такой степени были наивны тактическіе приемы тогдашней французской арміи, кичившейся недавними побѣдами, одержанными надъ нами и австрійцами и не желавшими итти впередъ, въ то время когда пруссаки упорной работой и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ обязанностямъ, возложеннымъ на армію родиной, ко всему, рѣшительно ко всему, относились внимательно и въ высокой степени разумно.

Несомнѣнно, что слабыя стороны французовъ, которыя такъ выпукло стали предо мною за какой-нибудь мѣсяцъ, проведенный во Франціи, были изучены и познаны пруссаками отнюдь не менѣе моего, и поэтому пруссаки дѣйствовали въ войну съ Франціей навѣрняка.

Недаромъ же, конечно, пруссаки въ мирное время употребили не какой-нибудь мѣсяцъ, а годы, и не посредствомъ одного человѣка, а многихъ, для самаго разносторонняго изученія своей сосѣдки, борьба съ которой являлась для нихъ неизбѣжною.

Что же касается Франціи, то, гордая своими недавними побѣдами, она полупрезрительно относилась къ работѣ пруссаковъ и оставалась на ихъ счетъ въ полномъ невѣдѣніи.

Та же почти исторія повторилась и въ японскую войну.

Мы въ высшей степени высококомѣрно относились къ какимъ-то япошкамъ, макакамъ, и до того пренебрегали изученіемъ вступавшаго на политическое поприще государства, что считали его способнымъ выставить въ поле съ небольшимъ стотысячную армію (13 дивизій) плохо подготовленныхъ воиновъ, да вдобавокъ еще, какъ удостовѣряли многие, крайне слабыхъ физически, неспособныхъ переносить труды и лишения войны. А въ то же время японцы изучили, повидимому, въ совершенствѣ своего противника и самый характеръ нашего главнокомандующаго, чѣмъ только и можно объяснить ихъ настойчивое наступленіе, которое при другомъ вождѣ русской арміи повело бы японцевъ подѣ Ляояномъ, на примѣръ, къ катастрофѣ.

Итакъ, помимо шпионажа въ тѣсномъ смыслѣ слова, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ, конечно, также принести пользу, необходимо въ мирное время самое внимательное отношеніе къ своему вѣроятному противнику, самое настойчивое изученіе его сильныхъ и слабыхъ сторонъ, характера и свойствъ руководителей армій какъ всѣхъ

вообще, такъ и каждого въ частности. Необходимо на-лету схватывать и вводить у себя все новое, если это новое дѣйствительно хорошо, и подражать во всемъ, что заслуживаетъ подражанія, чтобы не явилась новость, стоившая намъ крови и жертвъ, пальба, напимѣръ, невидимой артиллеріи, расположенной не на высотахъ, какъ мы это практиковали въ началѣ японской войны, а за ними.

Не говорю уже о мѣрахъ, заслуживающихъ подражанія, чтобы командный составъ отвѣчалъ своему назначенію.

Переходя къ шпионажу во время самыхъ военныхъ дѣйствій, къ добычѣ свѣдѣній о противникѣ и сокрытію данныхъ, касающихся собственныхъ армій и могущихъ принести ему пользу, необходимо прежде всего обставить дѣло такъ, чтобы противникъ не получалъ безъ всякаго шпионства полезныхъ для него свѣдѣній.

Какъ ни непрятно это для прессы, какимъ бы насмѣшкамъ и нареканіямъ ни подвергалась воюющая сторона за недопущеніе корреспондентовъ и недоставленіе желаемыхъ ими свѣдѣній, необходимо оградить себя отъ любознательныхъ слугъ печати, которые, несмотря на полную чистоту своихъ побужденій, могутъ принести огромный вредъ именно той сторонѣ, которой они сочувствуютъ и которая даетъ имъ у себя гостеприимство.

Японцы подверглись непрерывному ряду насмѣшекъ, изложенныхъ иногда въ очень остроумной формѣ за свою осторожность въ отношеніи къ корреспондентамъ, но зато мы не имѣли никакихъ основательныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается во время войны въ Японіи и въ ея арміи. Сами же, не говоря уже о либеральнѣйшемъ отношеніи къ корреспондентамъ, своими официальными свѣдѣніями и донесеніями раскрывали картину нашему противнику, который могъ съ полнымъ удобствомъ слѣдить, между прочимъ, о подходящихъ къ арміи подкрѣпленій изъ телеграммъ гг. офицеровъ, славшихъ, по мѣрѣ движенія, изъ различныхъ пунктовъ привѣты своимъ „родственникамъ и знакомымъ“, подписанные: „командиръ и офицеры такой-то части“. Наивность наша доходила до того, что мы думали запугать японцевъ подѣйствіемъ Портъ-Артуромъ громкимъ оповѣщеніемъ о томъ, что на Дальній Востокъ доставляются и доставлены подводныя лодки, чему, разумѣется, японцы не повѣрили въ виду слишкомъ ужъ открыто произведеннаго запугиванія.

Добыча свѣдѣній о противникѣ на самомъ театрѣ войны играетъ такую огромную роль, что, помимо полученія ихъ посредствомъ развѣдокъ и—болѣе чѣмъ вѣроятно—путемъ авіаціи, нельзя пренебрегать и шпионствомъ, на которое скупиться не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ: война требуетъ такихъ огромныхъ жертвъ не только кровью, но и денежными знаками, что затрата на шпионство какого-нибудь милліона, даже десяти милліоновъ, представляется цифрой совершенно ничтожной,

если взять въ расчетъ, что каждый день будущихъ войнъ долженъ обходиться не менѣе двухъ милліоновъ рублей. Надо помнить поэтому, что экономія на полученіе свѣдѣній посредствомъ шпионовъ во время войны—экономія самаго плохого сорта, ибо щедрость въ этомъ случаѣ можетъ повести къ побѣдѣ, экономія же—къ поражению и связанному съ нимъ не только безславію, но и экономическому разоренію страны.

XI.

Значеніе крѣпостей.

Говоря о средствахъ для достиженія побѣды, нельзя обойти вопроса о крѣпостяхъ.

Было время, когда крѣпости представляли собою оплотъ несокрушимый, когда осада ихъ требовала цѣлые годы и овладѣніе крѣпостью достигалось только хитростью (Троя, Коростень) или лишеніемъ осажденныхъ воды (Херсонесъ) и съѣстныхъ припасовъ. И даже огнестрѣльное оружіе мало поколебало значеніе крѣпостей.

Только знаменитый Вобанъ силою своего генія сразу же придавъ атакъ крѣпостей огромный перевѣсъ надъ обороной: крѣпости не только перестали быть неприступными, но стали падать предъ искусствомъ Вобана въ какія-нибудь нѣсколько недѣль.

Однако значеніе крѣпостей для страны съ небольшою территоріей, естественно, такъ велико, что оборона стала дѣлать всевозможныя усилія, не жалѣя матеріальныхъ средствъ, чтобы снова взять перевѣсъ надъ атакой.

Въ свою очередь тѣ же усилія дѣлала и атака, чему способствовало развитіе средствъ пораженія для уничтоженія преградъ, возводимыхъ обороной.

И въ данное время можно признать, что неприступныхъ крѣпостей нѣтъ, и даже если бы и были таковыя, то размѣры современныхъ армій и успѣхи техники даютъ возможность обходить крѣпости, парализуя ихъ блокадными или заслонными корпусами и, пользуясь техникой, устраивая обходные пути.

Тѣмъ не менѣе крѣпости могутъ оказать при извѣстныхъ условіяхъ огромныя услуги странѣ. Но въ военномъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо, нѣтъ ничего безусловнаго, безотносительнаго, абстрактнаго: что хорошо и полезно при извѣстной обстановкѣ, можетъ оказаться, какъ уже было выяснено, никуда непригоднымъ и даже вреднымъ при обстановкѣ другого свойства.

Размѣры территоріи, напримѣръ, нашей самой крупной западной соѣдки таковы, что черезъ три недѣли войны армія ея восточнаго противника можетъ появиться подъ стѣнами Берлина. Помимо этого куль-

тура этой страны находится на такой высотѣ, что ей настоятельно необходимо дѣлать всевозможныя усиля, чтобы задержать вторжене врага на свою территорию.

Поневоля поэтому приходится Пруссии держаться системы крѣпостей и въ особенности противъ своего восточнаго фронта, гдѣ сосѣдь своимъ „Привислинскимъ краемъ“, вдающимся въ прусскія владѣнія, имѣеть всѣ шансы для вторженія въ самую глубь нѣмецкой земли.

Но если сосѣдка наша вынуждена самою силою вещей оградить свою восточную границу рядомъ крѣпостей, то должно ли подобное рѣшеніе вопроса обороны служить примѣромъ для такого государства, какъ Россія?

Послѣдняя балканская война—вѣрнѣе, среднее ея теченіе, сильно подняло значеніе крѣпостей.

— Вотъ видите,—заговорили крѣпостники и даже не только крѣпостники, а просто люди, увлекающіеся минутой.—Вотъ что дѣлають крѣпости: самые блестяще успѣхи остановлены Яниной, Скутари, Адрианополемъ, Чаталджой.

Но Адрианополь и Янина пали. Пало, наконецъ, Скутари; что же касается Чаталджи, то вѣдь она не крѣпость, а укрѣпленный лагерь, воздвигнутый при исключительно благопріятной обстановкѣ—съ свободнымъ тыломъ и флангами, не только обезпеченными, но покровительствуемыми флотомъ обороняющагося, при полномъ отсутствіи флота стороны наступающей.

Притомъ Адрианополь совсѣмъ не задержалъ стремленія наступающаго, и если бы Радко Дмитріевъ, при всемъ его огромномъ военномъ талантѣ, рискнулъ атаковать Чаталджу, не подтягивая хвоста своей армии, тремя днями ранѣе, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что послѣдній оплотъ столицы османовъ палъ бы подъ ударами наступающаго, бросившаго безъ вниманія Адрианополь. Съ другой стороны, если протяженіе границъ незначительно, ихъ не трудно прикрыть крѣпостями. Иное дѣло, если границы представляютъ огромное протяженіе, позволяющее неприятелю оперировать по разнымъ направлешямъ, не исключая возможности и даже вѣроятности базироваться на море. Стремиться оградить отъ вторженія такую границу—значитъ гоняться за призракомъ, тратить огромныя деньги на крѣпости и лишать себя военной силы гарнизоновъ, необходимыхъ въ крѣпостяхъ, остающихся совершенно въ сторонѣ отъ военныхъ операций.

Здѣсь, какъ я подробно доказывалъ это, въ обширной полемикѣ, еще три года тому назадъ, необходимы не крѣпости, а укрѣпленные лагери, которые слѣдуетъ подставлять противнику именно по тому пути, который онъ выбралъ для своихъ операций. Необходимы не крѣпости, а самое широкое оборудованіе въ извѣстныхъ пунктахъ (у насъ, на-

примѣръ, въ Кіевѣ и Двинскѣ) всего необходимаго для укрѣпленныхъ лагерей, оборудованіе самое щедрое, какъ въ смыслѣ орудій большого калибра, всевозможнаго рода загражденій, обилія прожекторовъ, такъ и воздушнымъ флотомъ, доведеннымъ до возможной степени силы и совершенства.

Все это должно быть выдвинуто въ томъ направленіи, которое обозначится наступленіемъ непріятели.

Если обратиться къ исторіи со временъ Вобана, то мы видимъ, что крѣпости если и задерживали непріятели, то только временно и почти никогда не рѣшали исхода войны. Наибольшія же затрудненія для наступающаго представляли не крѣпости, а именно укрѣпленные лагери. Примѣры: Севастополь, Плевна, Портъ-Артуръ, нахонецъ, Чатаджи.

Такъ говоритъ исторія, и съ такой же ясностью говоритъ логика, особенно въ настоящее время, ибо современные армии представляютъ собою такія колоссальныя цифры, что воюющія стороны будутъ поставлены въ затрудненіе именно колоссальнымъ количествомъ своихъ воиновъ. Маневрировать съ такими огромными массами—вещь въ высокой степени трудная, но численность армій даетъ возможность оставлять корпуса съ цѣлью заслона или блокированія тѣхъ крѣпостей, которыя преграждаютъ путь наступающему. Ему не представитъ опасности обезсилить себя отдѣленіемъ корпуса резервныхъ войскъ для заслона или блокады крѣпости, а современная техника доставитъ возможность въ нѣсколько дней проложить даже желѣзные пути въ обходъ укрѣпленнаго пункта, и такимъ образомъ, если въ прошломъ крѣпости и останавливали стремленія наступающаго, хотя останавливали только временно, то въ будущемъ для энергичнаго наступленія не представится даже и такой временной задержки.

Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить Адрианополь, хотя болгары не обладали ни численнымъ превосходствомъ, ни обиліемъ средствъ, ни возможностью пользоваться современной техникой, успѣхи которой достигли въ наше время размѣровъ, невѣроятныхъ еще въ недавнемъ прошломъ.

Здѣсь въ виду условій момента я позволю себѣ привести по вопросу о крѣпостяхъ лишь выдержки изъ уже напечатаннаго мною еще въ мартѣ 1909 года ¹⁾:

„Обширность границъ нашего отечества, если мы вздумаемъ укрѣплять ихъ всѣ, прежде всего требуетъ огромныхъ матеріальныхъ затратъ, а при нашемъ финансовомъ положеніи это—вопросъ совѣтъ не маловажный, особенно если взять въ расчетъ, что крѣпость, даже вновь построенная и вооруженная, отвѣчающая сегодня послѣднему слову

¹⁾ Авторъ проситъ не забывать, что нижеизложенное было написано въ 1909 г.

военной техники, черезъ десять лѣтъ оказывается отсталою и требующею новыхъ огромныхъ затратъ.

Несравненно болѣе важнымъ, однако, съ точки зрѣнія обороны государства, является необходимость въ каждой крѣпости держать гарнизонъ, отвѣчающій ея силѣ и значенію, а такъ какъ война ведется не повсемѣстно, то смѣло можно сказать, что едва одна десятая часть крѣпостей такого государства, какъ Россія, можетъ играть во время войны какую-нибудь роль.

По крайней мѣрѣ, за все время войнъ послѣднихъ двухъ столѣтій, только три значительныя крѣпости оставили имена свои въ исторіи. Это—Кронштадтъ, умѣло поставленный гешальнымъ Петромъ, печальной памяти Севастополь, съ его ничтожными укрѣпленіями, возведенными подъ выстрѣлами непріятели, и ужасной памяти Портъ-Артуръ.

Даже при бурномъ нашествіи Наполеона мы не подставили ему ни одной крѣпости, и хотя нѣмецкіе теоретики убѣдили было императора Александра I создать укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, но, къ счастью, мы одумались во-время и не попали въ мѣшокъ, приготовленный намъ многомудрымъ Пфулемъ. И смѣло можно сказать, что именно отсутствие крѣпостей спасло насъ отъ всемірнаго завоевателя и привело къ гибели громадную непріятельскую армію, предводимую гениальнѣйшимъ изъ полководцевъ.

Изъ вышеизложеннаго—естественный выводъ: *не слѣдуетъ разбрасывать своихъ силъ по крѣпостямъ, а надлежитъ ограничиваться самымъ необходимымъ ихъ количествомъ, чтобы имѣть возможность располагать наибольшимъ числомъ полевыхъ войскъ.*

Забвеніе этого принципа не прошло безнаказанно даже для такого генія, какъ Наполеонъ. Въ интересахъ политическихъ, не строго стратегическихъ, желая удержать за собою Германію, онъ въ 1813 году оставилъ гарнизоны по нѣмецкимъ крѣпостямъ и этимъ несомнѣнно подготовилъ себѣ печальный исходъ этой губительной для него кампаніи: мало того, что онъ лишилъ себя 170 тысячъ старыхъ бойцовъ, да добавокъ даровитыхъ сподвижниковъ, какъ Даву, и вынужденъ былъ начать войну съ новобранцами и маршалами, хотя храбрецами, но бездарностями, какъ Ней или Удино; самое сраженіе подъ Лейпцигомъ Наполеонъ вынужденъ былъ дать, несмотря на малые шансы успѣха, только потому, что отступить—значило отдать 170 тысячъ воиновъ, оставленныхъ по крѣпостямъ, на жертву врагамъ“.

Вслѣдъ за этими общими соображеніями изслѣдованія о крѣпостяхъ, написаннаго еще въ 1909 году, я разсмотрѣлъ, насколько укрѣпленіе нашихъ границъ крѣпостями отвѣчаетъ высказаннымъ принципамъ и историческимъ указаніямъ. Повторять этотъ разборъ, однако, въ виду совершающихся событій, несвоевременно.

Необходимо еще упомянуть объ одномъ факторѣ, который рисовался въ 1909 году лишь въ отдаленномъ будущемъ и казался почти фантастическимъ, но въ данную минуту принялъ формы вполне реальныя и перешелъ въ жизнь. Я говорю о воздухоплаваниі, которое съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого дѣла будетъ наносить крѣпостямъ все болѣе и болѣе тяжелые удары: во-первыхъ, раскрывая тайну постройки крѣпостныхъ верковъ, а во-вторыхъ, метаніемъ въ крѣпости бомбъ изъ-подъ небесья.

ХП.

З а к л ю ч е н і е .

Приступая къ нашему изложенію, мы говорили о томъ доминирующемъ началѣ, дающемъ побѣду той или другой сторонѣ, какое представляетъ собою талантъ полководца, и это могло быть признано за аксіому еще въ самыя недавнія времена, еще какія-нибудь 90 и даже 50 лѣтъ тому назадъ, когда хотя самая война уже и представляла явленіе сложное, но сложность эта не подавляла, не парализовала силу и значенія настоящаго таланта, пожалуй, гения.

Въ данное же время дѣло войны представляется явленіемъ до такой степени сложнымъ, побѣда, какъ мы старались выяснить, зависитъ отъ такого множества и разнообразія самыхъ могущественныхъ факторовъ, что и талантъ, даже гений, окажется безсильнымъ, если не будетъ поставленъ въ надлежащую обстановку, подготовленную работой мирнаго времени. Работа, и работа неустанная, самая бдительная, должна быть заботой какъ военныхъ людей, такъ и правительствъ вообще въ періоды самага глубокаго мира.

Въ ней, въ этой работѣ, и въ самомъ честномъ отношеніи къ дѣлу, честномъ въ обширномъ смыслѣ слова—во всемъ, не исключая особенно выбора вождей, проталкиванія впередъ даровитыхъ людей, хотя бы и непріятнаго характера, подобно тому, какъ это дѣлалъ Мольтке—лежитъ побѣда и обезпеченіе внѣшней безопасности страны.

Александръ Витмеръ.

PS. Окончаніе настоящаго труда совпало съ концомъ 1912 года. Последняя Балканская война побудила сдѣлать въ предлагаемомъ изслѣдованіи нѣкоторыя добавленія. А текущая, великая, міровая борьба вынудила сдѣлать нѣкоторыя сокращенія и даже исключить цѣлыя главы, какъ на примѣръ „Крѣпости нашего западнаго фронта“ и „Безопасность столицы“—въ виду того, что разсужденія по указаннымъ вопросамъ въ теченіе войны были бы неумѣстны.

А. В.

Война и народное продовольствие Германіи.

Въ послѣдней дошедшей до Россіи книжкѣ *Preussische Jahrbücher* (за июль 1914 года) помѣщена интересная статья извѣстнаго статистика, профессора берлинскаго университета К. М. Баллода, посвященная вопросу о томъ, насколько народное продовольствие Германіи будетъ обезпечено въ случаѣ войны (*Deutsche Volksernährung im Kriege*). Нельзя не отнестись съ вниманіемъ къ выводамъ, къ которымъ приходитъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ германской сельскохозяйственной статистики. Эти выводы носятъ чрезвычайно пессимистическій для Германіи характеръ. Если судить,—говоритъ проф. Баллодъ,—по однимъ только продовольственнымъ хлѣбамъ, пшеницѣ и ржи, то можно было бы подумать, что зависимость германскаго народнаго питанія отъ иностраннаго ввоза за послѣдніе годы упала. Средній годичный чистый ввозъ пшеницы и ржи, а равно и муки изъ нихъ, еще въ пятилѣтіе 1901—5 гг. составлявшій 2,353 тыс. тоннъ, въ 1906—10 гг. составлялъ уже только 1,902 тыс. тоннъ, а въ трехлѣтіе 1911—13 гг. упалъ даже до 1,263 тыс. тоннъ. Такимъ образомъ, за указанный короткий промежутокъ времени онъ сократился въ два раза. Въ частности относительно ржи Германія, какъ извѣстно, за послѣдніе годы изъ страны ввозящей превратилась въ страну вывозящую: за шестилѣтіе 1908—13 гг. средний ежегодный избытокъ вывоза ржи надъ ввозомъ составлялъ около 380 тыс. тоннъ, т.-е. 23 милл. пудовъ. Все это дало поводъ нѣкоторымъ оптимистически настроеннымъ авторамъ считать народное продовольствие Германіи въ случаѣ войны болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Отвѣчая этимъ оптимистамъ, проф. Баллодъ находитъ, что при рѣшеніи вопроса нельзя ограничиваться учетомъ однихъ только продовольственныхъ хлѣбовъ, но слѣдуетъ принимать во вниманіе также и кормовыя средства, какъ-то: овесъ, ячмень, кукурузу, а также и масличныя растения (льняное и хлопковое сѣмя и т. д.) и идущіе на кормъ скоту отбросы (главнымъ образомъ отруби, барду, дробину, жмыхи).

А если ставить вопросъ такъ, то получается результатъ совершенно иной и гораздо менѣе для Германіи утѣшительный. Общій ввозъ въ Германію всѣхъ этихъ продуктовъ въ 1911—3 гг. составлялъ въ среднемъ около 10 милл. тоннъ въ годъ, что по отношенію къ внутреннему сбору составляетъ уже весьма значительный процентъ (чистый сборъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ составлялъ въ Германіи за указанное трехлѣтіе около 26 милл. тоннъ: объ остальныхъ растеніяхъ точныхъ свѣдѣній, какъ мы увидимъ ниже, не имѣется). При этомъ зависимость Германіи отъ иностраннаго привоза постоянно возрастала: еще въ 1891—5 гг. ввозъ всѣхъ указанныхъ продуктовъ въ Германію составлялъ только 4,6 милл. тоннъ. Разсчитывать при такихъ условіяхъ, что германскій народъ въ случаѣ войны въ теченіе 11 мѣсяцевъ года можетъ обойтись собственнымъ хлѣбомъ, является, по мнѣнію проф. Баллода, „страшнымъ самообманомъ“ (eine furchtbare Selbsttäuschung). Германія можетъ, дѣйствительно, обойтись своимъ хлѣбомъ, но при условіи возможности привозить изъ-за границы 60% требуемаго скоту корма. Прекращеніе привоза кормовыхъ средствъ поставило бы въ Германію въ весьма затруднительное положеніе: оно понизило бы удоиность коровъ не менѣе чѣмъ на одну четверть; для свиноводства послѣдствія такого прекращенія носили бы прямо-таки катастрофическій характеръ: двѣ трети всѣхъ поросятъ и молодыхъ свиней уже не могли бы быть откармливаемы, но должны были бы безотлагательно быть подвергнуты убоямъ. „При такихъ условіяхъ прекращеніе привоза пищевыхъ и кормовыхъ продуктовъ понизило бы потребленіе пищевыхъ продуктовъ животнаго происхожденія наполовину и, поэтому, повлекло бы за собою вопіющее по своимъ размѣрамъ увеличеніе спроса на хлѣбъ (einen schreienden Mehrbedarf nach Brod)“.

Таково мнѣніе проф. Баллода. Насколько оно можетъ считаться справедливымъ? Дать на это вполне точный отвѣтъ представляется въ высшей степени затруднительнымъ, такъ какъ имѣются не всѣ необходимыя для того данныя. Мы можемъ разрѣшить задачу лишь съ нѣкоторыми, болѣе или менѣе существенными оговорками. Мнѣ лично выводы проф. Баллода кажутся скорѣе слишкомъ пессимистическими, хотя и я нахожу, что положеніе Германіи въ отношеніи народнаго продовольствія и прокорма скота—въ особенности, если война затянется на долгое время—должно быть признано очень серьезнымъ и даже опаснымъ. Дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено разсмотрѣнію этого вопроса, причѣмъ я отчасти воспользуюсь и тѣми данными, которыя имѣются въ статьѣ проф. Баллода. Въ основу своего изложенія я положу данныя за 1912 годъ.

Средній годичный чистый сборъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ (пшеницы, ржи, ячменя и овса) составлялъ въ Германіи въ 1912 г.

26,2 милл. тоннъ. Къ сожалѣнью, германская сельскохозяйственная статистика не даетъ данныхъ о другихъ, кромѣ названныхъ, хлѣбахъ, а также и о кормовыхъ и масличныхъ растеніяхъ, кромѣ картофеля и сѣна ¹⁾. Между тѣмъ всѣ эти, неучитываемыя германской статистикой, растенія, за исключеніемъ картофеля и сѣна, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, не имѣютъ сколько-нибудь крупнаго значенія, обладая лишь небольшою посѣвною площадью и давая поэтому лишь небольшіе сборы. Кромѣ того, указанное обстоятельство уравнивается другимъ: по мнѣнію проф. Баллода, германская урожайная статистика представляетъ сборы хлѣбовъ въ преувеличенномъ видѣ, причемъ размѣръ этого преувеличенія опредѣляется проф. Баллодомъ въ 15%.

Если присоединить къ упомянутымъ выше 26,2 милл. тоннамъ вырѣженный въ ржи (по нормѣ 19%) сборъ картофеля, составлявшій въ 1912 г. нѣсколько болѣе 8,2 милл. тоннъ, то получимъ общую сумму производства этихъ растений въ 34,4 милл. тоннъ. Этой цифрѣ внутренняго производства надо противопоставить чистый годичный ввозъ хлѣбовъ, муки, кормовыхъ и масличныхъ растений и отбросовъ, составлявшій въ 1912 г. нѣсколько болѣе 10,4 милл. тоннъ. Складывая обѣ цифры, мы получаемъ сумму въ 44,9 милл. тоннъ, соответствующую всему годичному потребленію Германіи. Такимъ образомъ, на долю ввоза приходится 23,3% годичнаго потребленія ²⁾.

Приведенный только что выводъ нуждается въ цѣломъ рядѣ оговорокъ.

Прежде всего въ немъ совсѣмъ не принято во вниманіе сѣно. Въ отношеніи этого продукта Германія находится въ весьма благопріятномъ положеніи и, можно сказать, вовсе отъ иностраннаго привоза не зависитъ, такъ какъ на долю послѣдняго въ 1912 г. приходилось лишь 0,4 всего потребленія. Поэтому, говоря, что Германія на 23,3% зависитъ въ области народнаго питанія и прокорма скота отъ заграницы, мы должны помнить, что это не касается одного изъ важнѣйшихъ предметовъ прокорма скота—сѣна, которымъ Германія и безъ привоза обезпечена на весь годъ.

Съ другой стороны, однако, въ предыдущемъ изложеніи совершенно оставленъ безъ вниманія привозъ продуктовъ животноводства и рыболовства, какъ-то: мяса, сала, масла, молока, сыра, яицъ, сельдей и т. д. Между тѣмъ этотъ привозъ въ 1912 г. достигалъ почтенной цифры въ

¹⁾ Въ данныя о пшеницѣ вошли также данныя о полбѣ.

²⁾ Необходимо еще указать, что Германія въ отношеніи пищевыхъ продуктовъ находится не только въ количественной зависимости отъ заграницы, но отчасти и въ качественной. Такъ, напримѣръ, германская пшеница, вслѣдствіе бѣдности клейковины, мало пригодна для перемола на муку безъ примѣси русской или американской пшеницы.

937 тыс. тоннъ на 764 милл. марокъ. Къ послѣдней суммѣ надо прибавить еще сумму въ 166 милл. марокъ ввезенныхъ въ Германію живыхъ свиней, рогатаго скота и птицъ (однихъ гусей въ 1912 г. было ввезено въ Германію 8,6 милл. штукъ, изъ которыхъ 7,4 милл. приходились на Россію). Такимъ образомъ, получается общая сумма въ 930 милл. марокъ ввезенныхъ въ Германію продуктовъ животнаго происхожденія. Проф. Баллодъ полагаетъ, что эти продукты, выраженные въ зерновомъ хлѣбѣ, соотвѣтствуютъ по меньшей мѣрѣ 5 милл. тоннъ послѣдняго. Къ сожалѣнію, при опредѣленіи степени зависимости германскаго пропитанія отъ заграницы, мы этихъ продуктовъ принять во вниманіе не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ о внутреннемъ ихъ производствѣ. Но несомнѣнно, что эта зависимость очень значительна и, вѣроятно, даже болѣе значительна, чѣмъ въ отношеніи продуктовъ растительнаго происхожденія.

Необходимо, далѣе, сдѣлать еще слѣдующую оговорку. Хотя Германія въ настоящее время отрѣзана отъ многихъ странъ, съ которыми она въ мирное время ведетъ торговые сношенія, тѣмъ не менѣе она отрѣзана не отъ всѣхъ. Есть государства, съ которыми она попрежнему имѣетъ возможность вести торговые сношенія. Къ этимъ государствамъ, кромѣ Австро-Венгріи, относятся скандинавскія страны (Швеція, Норвегія и Данія), Голландія, Италія, Швейцарія и четыре балканскихъ государства: Болгарія, Румынія, Греція и Турція. Эти государства я въ дальнѣйшемъ изложеніи буду называть „открытыми“ странами, въ противоположность „закрытымъ“ странамъ, торговые сношенія съ которыми для Германіи въ настоящее время прекращены. Въ отношеніи пищевыхъ и кормовыхъ продуктовъ „закрытою“ странюю должна почитаться также и Италія, запретившая послѣ начала войны вывозъ этихъ продуктовъ изъ своихъ предѣловъ. Въ отношеніи ячменя (а равно и лошадей) такою странюю должна почитаться также и Данія.

Если мы спросимъ себя, въ какой степени „открытыя“ страны могутъ снабжать Германію пищевыми и кормовыми припасами, то увидимъ, что изъ общей суммы ввезенныхъ туда въ 1912 г. припасовъ растительнаго происхожденія (10,4 милл. тоннъ) на долю этихъ „открытыхъ“ странъ приходилось 1,3 милл. тоннъ. Присоединяя эту цифру къ 34,4 милл. тоннъ внутренняго производства, мы получимъ общую сумму въ 35,7 милл. тоннъ. По отношенію къ вычисленной выше цифрѣ общей годовой потребности (44,9 милл. тоннъ) эта сумма составляетъ 79,6%. Другими словами, Германія, въ томъ состояніи блокады, въ которомъ она теперь находится, судя по цифрамъ 1912 г., можетъ покрыть около $\frac{4}{5}$ своей годичной потребности въ пищевыхъ и кормовыхъ продуктахъ растительнаго происхожденія. Если мы захотимъ выразить этотъ результатъ въ мѣсяцахъ, то увидимъ, что Германія обезпечена

названными продуктами на 9,55 мѣс. Другими словами, если считать, что сельскохозяйственный годъ начинается съ 1 августа, то указанныхъ продуктовъ Германіи хватить до 17 мая 1915 года.

Написавъ эту дату, я спѣшу обратиться къ читателю съ просьбою помнить, что мой расчетъ имѣетъ только *предположительное* значеніе и что я отношусь не считаю себя въ правѣ заранѣе точно указать день, съ котораго пищевые и кормовые ресурсы Германіи окажутся исчерпанными. Приведенная дата справедлива лишь при наличности цѣлага ряда предположеній. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ уже приведены въ предыдущемъ изложеніи. Но и кромѣ нихъ нужно принять во вниманіе еще слѣдующія оговорки.

1. У насъ нѣтъ окончательныхъ данныхъ объ урожаѣ Германіи въ 1914 г., почему и пришлось въ основу расчета положить урожай 1912 г. Однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что урожай Германіи за 1912 г. является, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, почти рекорднымъ: единственнымъ годомъ, когда урожай въ Германіи былъ выше 1912 г., является 1909 г.: во всѣ остальные годы онъ былъ значительно ниже. Правда, что въ 1913 г. сборъ хлѣбовъ и картофеля былъ еще выше, но это и послужило причиною, почему я счелъ болѣе осторожнымъ взять урожай 1912 г. На это мнѣ возразятъ, что, согласно имѣющимся у насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ объ урожаѣ 1914 г., къ началу іюля н. ст. виды на урожай въ Германіи были въ общемъ благопріятнѣе, чѣмъ къ этому же времени въ 1913 г.: однако съ тѣхъ поръ состояніе посѣвовъ ухудшилось, и, если вѣрить дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ изъ германскихъ газетъ, касающимся важнѣйшей части германской имперіи—Пруссіи, фактической сборъ оказался ниже ожидаемаго. Нельзя не считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что уборка хлѣбовъ и другихъ растений была вѣроятно затруднена недостаткомъ рабочихъ рукъ и что часть сельскохозяйственныхъ продуктовъ восточной Пруссіи погибла во время занятія ея русскими войсками. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ полученные мною на основаніи урожая 1912 г. данныя едва ли могутъ считаться слишкомъ пессимистическими для Германіи. Скорѣе, я думаю, наоборотъ.

2. Предыдущій расчетъ вовсе не принимаетъ во вниманіе запасовъ, которые могли быть въ наличности у Германіи при объявленіи войны, помимо урожая 1914 г. Но есть основанія думать, что размѣръ этихъ запасовъ не могъ быть значительнымъ. Съ одной стороны, чистый ввозъ хлѣбовъ въ Германію за первые шесть мѣсяцевъ 1913 и 1914 гг. почти совпадалъ, составляя для ржи, пшеницы, ячменя, овса, кукурузы и полбы 2,219 тыс. тоннъ въ 1914 г. противъ 2,154 тыс. тоннъ въ 1913 г. Далѣе, такъ наз. „видимые запасы“, имѣвшіеся въ Германіи къ концу

июня, составляли для ржи, пшеницы, ржапой и пшеничной муки 671 тыс. тоннъ въ 1914 г. противъ 1,007 тыс. тоннъ въ 1913 г. Такимъ образомъ, они въ 1914 г. были даже ниже, чѣмъ въ 1913 г. ¹⁾). Наконецъ, въ пользу высказаннаго мною взгляда говорить и слѣдующее обстоятельство. Одной изъ мѣръ, необходимыхъ для предотвращения роковыхъ послѣдствій, долженствующихъ, по мнѣнью проф. Баллода, наступить для народнаго продовольствія Германіи въ случаѣ войны, названный ученый считаетъ образование хлѣбныхъ запасовъ. Послѣдніе, въ размѣрѣ 2,5 милл. тоннъ пшеницы и ржи, должны были бы быть заготовлены въ тѣхъ частяхъ страны, которыя не имѣютъ достаточнаго количества собственнаго хлѣба, т.-е. въ западной и южной Германіи. Высказавъ этотъ взглядъ, проф. Баллодъ присовокупляетъ, что несельскохозяйственное население этихъ мѣстностей живетъ до известной степени изо дня въ день (*aus der Hand in den Mund*), потому что, какъ показываетъ статистика г. Маннгейма, важнѣйшаго центра хлѣбной торговли юго-западной Германіи, о наличности сколько-нибудь значительныхъ зерновыхъ запасовъ *не можетъ быть и рѣчи*. Это заявленіе столь авторитетнаго статистика, какъ проф. Баллодъ, можетъ служить намъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что едва ли въ Германіи при объявленіи войны могли быть сколько-нибудь значительные хлѣбные запасы. И едва ли можно думать, чтобы такіе запасы были образованы въ послѣдній моментъ, безъ того, чтобы свѣдѣнія объ этомъ дошли до интересующихся этимъ вопросомъ лицъ.

3. Мы не знаемъ, въ какой степени „открытыя“ страны смогли до настоящаго времени и смогутъ въ будущемъ снабжать Германію пищевыми продуктами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя тенденціями. Съ *одной* стороны, судя по весьма достовѣрнымъ слухамъ, Румынія (т.-е. единственная изъ „открытыхъ“ странъ, которая обладаетъ значительными хлѣбными избытками) со времени объявленія войны усиленно старалась снабдить Германію своимъ избыточнымъ хлѣбомъ. Съ *другой* стороны, вывозъ въ Германію такихъ странъ, какъ Голландія и Данія, т.-е. странъ, которыя могли бы служить посредниками въ снабженіи Германіи хлѣбными избытками, главнымъ образомъ, Соединенныхъ Штатовъ и Аргентины, съ самаго начала войны былъ сильно стѣсненъ и продолжаетъ быть затрудненнымъ, что слѣдуетъ сказать и относительно Швеціи и Норвегіи. Въ особенности послѣ состоявшагося между Россіей, Англійей и Франціей соглашенія объ условной контрабандѣ возможность для названныхъ нейтральныхъ странъ служить посредниками въ снабженіи Германіи пищевыми продуктами, вѣроятно, и вовсе прекратилась. Къ тому же Голландія, повидимому, сама испытываетъ сильный недостатокъ

¹⁾ См. также статью Е. О. „Снабженіе Германіи и Австро-Венгрии хлѣбомъ“ въ журналѣ *Промышленность и Торговля*, № 15 за 1914 г.

въ хлѣбѣ ¹⁾). Въ виду изложенныхъ соображеній принятая мною за основаніе расчета цифра въ 1,3 милл. тоннъ едва ли можетъ считаться преуменьшенною.

4. Въ предыдущемъ изложеніи не принято во вниманіе, что населеніе Германіи, въ виду войны, вѣроятно, будетъ стремиться по возможности сократить потребление пищи. Къ этому его, несомнѣнно, будетъ побуждать неизбежный ростъ цѣнъ. Однако, такому сокращенію поставлены тѣсныя границы. Съ одной стороны, потребление тѣхъ, которые состоятъ въ дѣйствующей арміи, вѣроятно, не только не понизится, но даже повысится. (Впрочемъ, послѣдному обстоятельству можно противопоставить, что часть необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ германская армія получила и получаетъ на чужой территоріи путемъ реквизиціи.) Съ другой стороны, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сокращеніе потребления коснется на первомъ мѣстѣ болѣе дорогихъ продуктовъ животнаго происхожденія, что, въ свою очередь, повлечетъ за собою соответственный ростъ потребления продуктовъ растительнаго происхожденія.

5. Въ предыдущемъ изложеніи мною не принято во вниманіе, что часть хлѣбовъ идетъ на промышленныя цѣли. Въ среднемъ за трехлѣтіе 1909/10—1910/11 гг. 0,4 милл. тоннъ шло ежегодно на винокурение. Могутъ указать, что въ виду войны винокурение могло бы быть прекращено и соответственное количество хлѣба было бы сохранено для народнаго потребления. Однако, при оцѣнкѣ этого взгляда слѣдуетъ имѣть въ виду, что, съ одной стороны, прекращеніе потребления спирта, вѣроятно, увеличило бы потребность въ пищевыхъ продуктахъ; съ другой стороны, производство спирта даетъ отбросы, служащіе весьма цѣннымъ кормомъ для скота. Такимъ образомъ, прекращеніе винокурения едва ли сколько-нибудь значительно облегчило бы положеніе съ точки зрѣнія обезпеченія народнаго продовольствія. Наконецъ, при томъ недостаткѣ въ бензинѣ, которымъ, повидимому, страдаетъ теперь Германія, а равно и при несомнѣнномъ сокращеніи ввоза керосина, потребление спирта для промышленныхъ цѣлей и для цѣлей освѣщенія, несомнѣнно, должно будетъ возрасти.

Кромѣ производства спирта слѣдуетъ назвать пивовареніе, на которое ежегодно идетъ около $1\frac{1}{4}$ милл. тоннъ ячменя. И здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду, что отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ этого матеріала сохраняется въ видѣ отбросовъ, такъ называемой дробины, идущей на кормъ скоту. Кромѣ того, и въ отношеніи пива можно ожидать, что отмѣна его потребления повлекла бы за собою потребность увеличить потребленіе пищевыхъ продуктовъ.

¹⁾ См. статью С. И. Гольдельмана. „Обезпечена ли Германія хлѣбомъ?“ въ журналѣ *Хозяйство* за сентябрь 1914 года.

Мы видимъ, что всё тѣ оговорки, которыя мною только что приведены, едва ли мѣняютъ сущность сдѣланнаго мною вывода. Поэтому мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что население Германіи можетъ въ настоящее время считаться обезпеченнымъ пищевыми и кормовыми продуктами растительнаго происхожденія (не считая сѣна) не болѣе, чѣмъ на $9\frac{1}{2}$ —10 мѣсяцевъ, т.-е. примѣрно, считая съ 1 августа 1914 г. до 15 мая—1 июня 1915 г. Но, повторяю, это только то, что представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Если у Германіи, помимо урожая 1914 г., имѣются значительные хлѣбныя запасы или если подвозъ „открытыхъ“ странъ былъ больше обыкновеннаго, или, тѣмъ паче, если имѣли мѣсто оба эти обстоятельства, то возможно, что Германія прокормится и болѣе продолжительное время. Съ другой стороны, если урожай 1914 г. былъ ниже урожая 1912 г. и если Германія въ 1914—5 г. ввезетъ изъ „открытыхъ“ странъ меньше обыкновеннаго, то недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ наступитъ раньше ¹⁾.

Допустимъ теперь, что положеніе продовольственнаго дѣла въ Германіи дѣйствительно таково, что къ 1 июня 1915 года его пищевые и кормовые (кромѣ сѣна) ресурсы изсякнутъ. Къ какимъ послѣдствіямъ такое положеніе должно повести?

Эти послѣдствія громадны по своему значенію.

Еще въ концѣ XVII вѣка англійскій статистикъ Грегори Кингъ пытался опредѣлить связь между урожаемъ и цѣнами на хлѣбъ. При этомъ онъ установилъ законъ, и по настоящее время носящій его имя: согласно этому закону, всякое пониженіе урожая влечетъ за собою гораздо болѣе значительное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ. И чѣмъ паденіе урожая больше, тѣмъ выше та прогрессія, въ которой совершается повышеніе цѣнъ. При пониженіи урожая на $\frac{1}{10}$ цѣна хлѣба поднимается на $\frac{3}{10}$; при пониженіи урожая на $\frac{2}{10}$ она повышается уже на 1,6, а при паденіи урожая на $\frac{3}{10}$ или на половину цѣны повышается уже на цѣлыхъ 4,5. Если законъ Кинга въ настоящее время, при наличности

¹⁾ Необходимо принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Въ предыдущемъ изложеніи Германія разсматривалась съ точки зрѣнія производства, привоза и потребления предметовъ питанія и кормовыхъ средствъ, какъ одно цѣлое. Между тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что восточная Германія представляетъ собою страну съ хлѣбными избытками, которыя она отчасти вывозитъ за границу, тогда какъ западная и южная Германія, какъ мы уже видѣли, нуждается въ привозномъ хлѣбѣ, который она получаетъ не изъ восточной Германіи, но изъ-за границы. Причина этого явленія заключается въ томъ, что перевозка хлѣба изъ восточной Германіи въ западную и южную обходится весьма дорого. Теперь, вслѣдствіе блокады, Германіи придется не только терпѣть абсолютный недостатокъ въ предметахъ продовольствія, но и прибѣгнуть къ дорогой перевозкѣ этихъ предметовъ съ востока на западъ и югъ. И это придется дѣлать тогда, когда желѣзныя дороги и безъ того будутъ перегружены военскими перевозками.

обширнаго международнаго хлѣбнаго рынка, и можетъ считаться устарѣвшимъ и сохранившимъ лишь историческій интересъ, то для рынка замкнутаго, какимъ въ настоящее время является Германія вмѣстѣ съ Австро-Венгріей, онъ продолжаетъ, несомнѣнно, имѣть большое значеніе. Здѣсь область его примѣненія сохранилась въ полной неприкосновенности. Отсюда вытекаетъ слѣдующее важное послѣдствіе. Несомнѣнно, что съ приближеніемъ указаннаго выше срока, къ которому пищевые припасы Германіи должны будутъ изсякнуть, — допустимъ 1 июня 1915 г., — хлѣбныя цѣны въ Германіи будутъ расти въ гораздо большей прогрессіи, чѣмъ будутъ сокращаться запасы. Вслѣдствіе приближенія такого критическаго момента онѣ будутъ повышаться и въ гораздо большей степени, чѣмъ было только что указано при изображеніи закона Кинга. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ наступать, и притомъ въ ужасающихъ размѣрахъ, всѣ тѣ послѣдствія, которыя обычно сопровождаютъ сильное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ: ростъ преступности, увеличеніе дѣтской смертности, эпидемическія заболѣванія и т. д. И никакихъ границъ указанному повышенію хлѣбныхъ цѣнъ поставить нельзя. Ихъ можетъ поставить только администрація, но послѣдней, вѣроятно, уже нельзя будетъ ограничиться этимъ, и придется принять мѣры гораздо болѣе рѣшительныя, сводящіяся къ правительственному распредѣленію наличныхъ запасовъ между населеніемъ. Положеніе будетъ обостряться тѣмъ обстоятельствомъ, что населенію Германіи придется, вѣроятно, вовсе отказаться отъ потребления нѣкоторыхъ вкусовыхъ предметовъ, привычка къ которымъ глубоко внѣдрилась среди него. Главнымъ изъ нихъ является кофе, ввозъ котораго въ Германію, нынѣ совсѣмъ, вѣроятно, прекратившійся, въ 1912 году составлялъ 10,4 милл. пуд. на 119 милл. руб. (Въ Россіи соотвѣтствующія цифры за 1912 г. составляли 0,7 милл. пуд. на 10 милл. руб.) То же самое слѣдуетъ сказать относительно какао, который къ тому же является не только вкусовымъ, но и важнымъ пищевымъ продуктомъ: ввозъ его въ Германію въ 1912 г. составлялъ 3,3 милл. пуд. на 30 милл. руб. (для Россіи: 0,3 милл. пуд. на 3 милл. руб.).

Описанное положеніе будетъ сопровождаться послѣдствіями громадной важности и въ области народной психики.

Пишущему эти строки недавно довелось прочесть книгу, посвященную описанію осады Парижа въ 1870—71 гг. Авторъ ея, д-ръ Люсиенъ Пастъ, въ яркихъ краскахъ изображаетъ взвинченное настроеніе, господствовавшее среди жителей Парижа во время осады. Онъ предлагаетъ даже особый терминъ, чтобы характеризовать это психическое состояніе, коимъ было охвачено населеніе французской столицы, окруженное со всѣхъ сторонъ побѣдоноснымъ врагомъ и отрѣзанное имъ въ теченіе ряда мѣсяцевъ отъ всего міра: онъ называетъ это состоя-

не „осаднымъ неврозомъ“ (*névrose obsidionale*). Мнѣ кажется, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться война и чѣмъ больше въ Германіи будутъ сокращаться пищевые и кормовые запасы, тѣмъ больше среди ея населенія будетъ развиваться эта болѣзнь. Можно поэтому съ увѣренностью ждать, что повышенно-торжествующее настроеніе, которое продолжаетъ еще—хотя, по слухамъ, уже въ меньшей степени, чѣмъ прежде—господствовать у населенія Германіи, быстро будетъ падать къ веснѣ, если къ тому времени Германіи не удастся путемъ ряда рѣшительныхъ побѣдъ окончить войну въ свою пользу.

Но допустимъ, что мы ошибаемся, что неправъ и проф. Баллодъ и что Германіи удастся прокормиться до слѣдующаго урожая 1915 года. Въ этомъ случаѣ спора уже не можетъ быть о томъ, что въ слѣдующемъ затѣмъ 1915—16 продовольственномъ году, если война къ тому времени не кончится, населеніе Германіи далеко не будетъ обеспечено пищевыми и кормовыми продуктами. Причины этого заключаются въ слѣдующемъ. Съ одной стороны, если Германіи и удастся успѣшно довести до конца текущій продовольственный годъ, то это будетъ достигнуто цѣною значительнаго сокращенія численности его скота, какъ пользовательнаго, такъ и рабочаго. Германіи удастся прокормиться до слѣдующаго урожая лишь въ томъ случаѣ, если она, слѣдуя повелительнымъ требованіямъ нужды, безъ разбору будетъ обращать свой скотъ на убой. Но это уже, дѣйствительно, будетъ крайней мѣрой, и притомъ такой, которая нанесетъ сельскому хозяйству Германіи длительный ущербъ. Сокращеніе численности скота уменьшитъ приплодъ и принесетъ большой вредъ прежде всего самому скотоводству страны. Оно лишитъ сельское хозяйство части навознаго удобренія. Кромѣ того уменьшеніе численности рабочаго скота затруднитъ обработку земли и если не сократитъ посѣвную площадь, то понизитъ интенсивность ея культуры. Такое же значеніе будетъ имѣть отвлеченіе отъ сельскаго хозяйства значительной, и притомъ наиболѣе работоспособной, части мужскаго населенія, если оно не будетъ возмѣщено безработною частью промышленнаго населенія. Наконецъ и, можно сказать, *last not least*, громадный подъемъ германскаго сельскаго хозяйства, наблюдающійся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и являющійся главнымъ образомъ плодомъ колоссальной интенсификаціи германскаго сельскаго хозяйства, въ значительной степени обязанъ примѣненію искусственнаго удобренія. Насколько этотъ подъемъ великъ, видно изъ того, что средній годичный чистый сборъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ и картофеля, составлявшій за пятилѣтіе 1891—5 гг. 25,2 милл. тоннъ, за трехлѣтіе 1911—3 гг. составлялъ уже 44,2 милл. тоннъ (въ обоихъ случаяхъ картофель выраженъ въ ржи). Какую роль въ этомъ громадномъ, я сказалъ бы почти безпримѣрномъ, ростѣ сыграли искусственныя удобре-

ня, видно хотя бы изъ того, что количество ввезенной въ Германію чилийской селитры въ 1912 г. составляло 785 тыс. тоннъ на 173 милл. марокъ. Выразая эти цифры въ русскихъ мѣрахъ, мы получимъ 48 милл. пудовъ на 81 милл. рублей. Для сравнительной оцѣнки этихъ данныхъ интересно отмѣтить, что въ Россію при ея гораздо болѣе значительной посѣвной площади чилийской селитры въ томъ же 1912 г. было ввезено только 3,2 милл. пудовъ на 5,3 милл. рублей, т.-е. въ 15 разъ меньше... Въ виду войны ввозъ чилийской селитры въ Германію долженъ совершенно прекратиться. Значеніе этого обстоятельства для германскаго сельскаго хозяйства и, въ частности, для германскаго урожая 1915 года не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

В. Э. Денъ.

Война и дѣти.

Помощь.

Изъ всѣхъ нуждъ и горестей, которыя неизмѣнно несетъ съ собою война, наиболѣе насъ должны трогать страданія дѣтей. Причинъ этому нѣсколько. Во-первыхъ, дѣти при своей безпомощности и меньшей выносливости съ наибольшимъ трудомъ могутъ перенести разныя невзгоды, обрушивающіяся на нихъ. Во-вторыхъ, наиболѣе страдающія дѣти являются въ своей массѣ дѣтьми тѣхъ солдатъ и офицеровъ, которые сейчасъ защищаютъ и насъ самихъ и всю страну отъ врага. Всякое горе этихъ дѣтей отзывается съ особенной остротой въ сердцахъ тѣхъ, кого мы, напротивъ, такъ хотѣли бы оградить отъ заботъ и тяжелыхъ думъ о своей семьѣ. Въ-третьихъ, наше сознание, пониманіе важности момента помогаетъ намъ переносить многія тяжести, у дѣтей же нѣтъ этихъ помощниковъ. Наконецъ, война, съя смерть, уноситъ у многихъ дѣтей ихъ онору, ихъ кормильцевъ. А въ то же время дѣти менѣе всего повинны въ причинахъ войны, ея удачахъ или неудачахъ. По отношенію къ взрослому населенію можно сказать, что оно является той первоосновой, на которой создавалось то или иное правительство, тѣ или иныя дѣйствія послѣдняго; часто неудачи войны можно разсматривать какъ возмездіе за грѣхи, недостатки взрослыхъ; часто можно винить населеніе за самое возникновеніе войны. Но дѣти всегда будутъ невинными жертвами войны.

Вполнѣ поэтому понятно, что, какъ только разразилась война, сейчасъ же поднялся вопросъ о помощи дѣтямъ. Съ первымъ же днемъ мобилизациі явились безпризорныя дѣти. Отца берутъ на войну, матери нѣтъ или мать служитъ гдѣ-нибудь на сторонѣ: куда дѣваться ребенку? Очевидно, для такихъ дѣтей нужны пріюты или размѣщеніе ихъ по семьямъ. Эти дѣти нуждаются пока только во временномъ призрѣніи. Вернется съ войны отецъ и опять возьметъ ихъ къ себѣ. Но въдь многіе не вернутся назадъ, и придется ихъ дѣтямъ остаться надолго на

попеченіи благотворительныхъ учреждений и добрыхъ людей. Такимъ образомъ, открывая приюты въ настоящее время въ большомъ числѣ, надо разсчитывать, что значительной части изъ нихъ придется функционировать долгое время и послѣ войны; быть можетъ, превратиться даже въ постоянныя учрежденія. Въ то же время надо непременно часть приютовъ назначить специально для дѣтей больныхъ и дегенеративныхъ (напримѣръ, идиотовъ, паралитиковъ, эпилептиковъ и т. п.), такъ какъ иначе получается совершенно безвыходное положеніе. Въ обычные приюты такихъ дѣтей не принимаютъ, дома присматривать некому, въ чужія семьи ихъ также не берутъ: прямо хотъ на улицѣ бросить.

Паряду съ приютами, не меньшую роль во время войны должны играть ясли и очаги для дѣтей. Съ уходомъ изъ семей отцовъ увеличилась нужда въ заработкѣ со стороны матерей. Надо послѣднимъ дать возможность уходить изъ дому на службу, на работу или хотя бы на поиски заработка. Слѣдовательно, надо на это время приютить дѣтей, посматрѣть за ними, накормить ихъ. Пужда въ ясляхъ возрастаетъ также въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ отцы могли нести дома хотъ какой-нибудь присмотръ за дѣтьми (напримѣръ, у ремесленниковъ, у служащихъ, имѣющихъ квартиры на мѣстѣ службы, и т. п.). Съ уходомъ ихъ на войну матерямъ приходится бросать свою работу, свои мѣста, если не приходять на помощь ясли или очаги. Вообще можно сказать, что ясли и очаги, какъ широкая мѣра, являются и наиболѣе дѣйствительной, и наиболѣе экономной, и наиболѣе справедливой формой помощи семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну; и даже всякая попытка трудовой помощи неразрывно должна быть связана съ организаціей яслей.

Кромѣ организаціи указанныхъ формъ помощи, направленныхъ специально на помощь дѣтямъ, надо еще помнить о томъ, что всякое смягченіе пужды среди бѣднаго люда прежде всего отражается на дѣтяхъ. Казенный паекъ, который выдается семьямъ запасныхъ, въ общемъ для деревни можно считать удовлетворительнымъ, но для города и фабричныхъ мѣстностей, гдѣ у семей нѣтъ своихъ избъ и гдѣ война принесла съ собой безработицу, казеннаго пайка недостаточно. Пужно подыскивать для семей помѣщенія, нужно устраивать столовыя, хотъ бы для дѣтей, необходима организація мастерскихъ, посредничество спроса и предложенія труда и т. п. Вообще надо твердо помнить объ особенной необходимости охранять молодое поколѣніе—надежду будущаго—отъ вырожденія и вымиранія именно въ тяжелыя военныя времена. Пройдетъ война, кто намъ замѣнитъ павшихъ бойцовъ, на кого ляжетъ задача залѣчиванія нанесенныхъ ранъ, возстановленіе внутренней силы и благосостоянія?

Воспитаніе.

Мы не можемъ отгородить нашихъ дѣтей отъ событій текущей жизни вообще, а тѣмъ болѣе отъ такихъ грозныхъ и яркихъ явленій, какъ война. Да это и не нужно. Здоровое воспитаніе требуетъ, чтобы мы готовили дѣтей къ жизни, дѣлали изъ нихъ активныхъ и полезныхъ участниковъ послѣдней. А для этого мы не должны держать дѣтей въ оранжереяхъ, а напротивъ, должны выводить ихъ на свѣтъ Божій и пользоваться окружающими фактами для познанія добра и зла, для выработки сознательнаго отношенія къ окружающему, для укрѣпленія воли и характера. Война даетъ для этого богатѣйшій матеріалъ.

Первая важная встрѣча съ явленіями, вызываемыми войной, происходитъ во время мобилизаціи. Братья, отцы, родственники, знакомые призваны на войну. Тяжелый моментъ разставанія, но въ то же время сдержанность въ проявленіи чувствъ, сознаніе серьезности момента и великаго долга! Пикогда не чувствуется такъ сила и важность государственной связи людей, непреложность мысли *такъ надо*, какъ въ эти моменты. Вскрыть эти стороны призыва на войну, причины и значеніе правильнаго отношенія къ мобилизаціи, указать неумѣстность бахвальства, съ одной стороны, и упадка духа, съ другой, будетъ очень важно для дѣтей. Въ жизни много встрѣтится подобныхъ моментовъ въ меньшемъ масштабѣ, и это будетъ прекрасная къ нимъ подготовка.

Съ самаго начала войны дѣти жадно кидаются на газеты. И газеты вообще начинаютъ играть большую роль въ ихъ жизни. Вотъ здѣсь-то и важно внимательно слѣдить за вліяніемъ газеты, во-время подводить мысль къ критикѣ разныхъ сенсаціонныхъ сообщеній, освѣщать ненужность и жестокость кровожадныхъ предложеній и т. п. Встрѣчается, напримеръ, громкій заголовокъ: „Разгромъ германской эскадры“. Читаете, и оказывается, что въ бою участвовало только нѣсколько миноносцевъ и маленькихъ крейсеровъ. Спрашиваете молодого патриота: а какой флотъ въ Германіи? Оказывается, прекрасно знаетъ, что у Германіи есть очень много крупныхъ броненосцевъ, которые играютъ самую важную роль, а миноносецъ больше сотни. Выводъ ясенъ: до разгрома эскадры еще очень далеко.

Или, напримеръ, сообщаетъ сынъ съ радостью, что нѣмцы и сражаются не умѣютъ, и артиллерія у нихъ плоха, и сдаются они тысячами и т. д. Начинаешь на это возражать, но онъ твердо стоитъ на своемъ: „вотъ же въ газетахъ каждый день про это пишутъ“. А черезъ нѣсколько дней приходитъ извѣстіе, что французы отступили до самаго Парижа. Вотъ тутъ-то и время указать: какъ же такіе все сдающіеся солдаты могли отгнать громадную и стойкую англо-французскую армію до самой столицы Франціи?

Путемъ подобнаго сопоставленія фактовъ, сличенія разныхъ сообщений и съ помощью географической провѣрки легко выработать въ дѣтяхъ критическое и вдумчивое отношеніе къ газетамъ, телеграммамъ, корреспонденціямъ. Эта способность всегда пригодится. Особенно полезно научить раскрывать за громкими фразами и красивыми словами горькую дѣйствительность. Одинъ періодъ, на примѣръ, частныя телеграммы съ французскаго театра войны все говорили объ удачномъ отраженіи атакъ нѣмецкой арміи, ужасныхъ ея потеряхъ и удачныхъ выступленіяхъ французовъ.

Получалось впечатлѣніе, особенно въ связи съ замѣтками и статьями въ нѣкоторыхъ газетахъ, что нѣмцы все терпятъ пораженія. Но стоило только внимательно послѣдить по картѣ, пользуясь проскользнувшими въ сообщеніяхъ нѣкоторыми географическими именами, за расположеніемъ войскъ, какъ сразу выяснилось, кто шель впередъ.

Надо въ то же время выяснять на такихъ примѣрахъ, что патриотизмъ совершенно не обязываетъ къ прикрашиванію дѣйствительности, что, наоборотъ, унижая врага и низко его оцѣнивая, мы принижаемъ заслуги арміи нашей и нашихъ союзниковъ. Еще болѣе слѣдуетъ развивать критику въ отношеніи ко всякаго рода слухамъ. Какихъ только нелѣпостей не говорятъ, особенно со словъ „очевидцевъ“!

Надо также приучать дѣтей при чтеніи газетъ отдѣлять мелочи отъ серьезнаго. Очень часто серьезнымъ событіямъ посвящается нѣсколько сухихъ строчекъ, а описанію того, какъ одинъ казакъ изрубилъ 10 нѣмцевъ — цѣлый и притомъ очень красочный рассказъ. Понятно, что послѣдній производитъ громадное впечатлѣніе, тогда какъ по существу такіе эпизоды, при грандіозномъ масштабѣ современной войны, не имѣютъ серьезнаго значенія и не вліяютъ на исходъ дѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ крайне необходимо постараться предохранить дѣтей отъ вреднаго вліянія встрѣчающихся довольно часто рассказовъ кроваваго характера. Намъ важна побѣда, мы не можемъ не радоваться сокрушенію силы врага, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны смаковать мученія отдѣльныхъ людей, хотя бы они и принадлежали къ вражеской арміи. Тѣмъ болѣе надо указывать дѣтямъ на неумѣстность травли невоюющихъ австрійскихъ и нѣмецкихъ подданныхъ, находящихся въ Россіи. Арестъ и высылка ихъ дѣлаются вовсе не съ цѣлью доставить тому или другому нѣмцу побольше неприятностей, а съ цѣлью нашей самозащиты и ослабленія врага. И если съ противной стороны мы видимъ другое отношеніе, то изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны поступать такъ же бессмысленно и жестоко.

Пользуясь примѣрами изъ литературы, опираясь на отношеніе къ плѣннымъ нашихъ воиновъ, даже непосредственно пострадавшихъ отъ врага (раненыхъ), легко показать все благородство и высоту человѣче-

скаго взгляда на врага. Мало того: настоящая война даетъ намъ яркій примѣръ, какъ тупая жестокость, опьянѣніе злобой приносятъ вредъ (ожесточеніе поляковъ и евреевъ противъ нѣмцевъ).

Принося съ собой извѣстное ожесточеніе, каждая война вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ въ населеніи высокій подъемъ духа взаимопомощи и братской любви. Направить вниманіе дѣтей на эту свѣтлую сторону есть первая обязанность каждаго воспитателя и учителя. Приѣмъ раненыхъ, уходъ за ними, заботы о семьяхъ призванныхъ на войну, какаютъ взаимная уступчивость, прекращеніе внутреннихъ распрей, готовность нести всякаго рода жертвы, организація всевозможныхъ кружковъ для помощи—все это такія свѣтлыя, крупныя и общераспространенныя явленія, что при умѣломъ воспитателѣ могутъ захватить юныя души и предохранить ихъ отъ очерствѣнія. При этомъ возможно привлечь дѣтей и къ сотрудничеству въ общемъ дѣлѣ: одни могутъ помогать шить бѣлье, другіе исполнять роль посыльныхъ, третьи записывать, четвертые просто выказывать свое вниманіе жертвамъ войны и т. д. Наконецъ, все молодое поколѣніе можетъ оказать цѣнную услугу взрослымъ, если будетъ отвлекать возможно меньше силъ на уходъ и присмотръ за собой. Чѣмъ больше каждый будетъ знать свои дѣла и обязанности, тѣмъ больше силъ можно будетъ посвятить на общую работу.

Такимъ образомъ, выработывая въ дѣтяхъ сознательное отношеніе къ окружающимъ фактамъ, обращая ихъ вниманіе и энергію на высокіе порывы и взаимопомощь, вызванныя войной, выработывая въ связи съ серьезностью момента чувство отвѣтственности и сознаніе долга, мы можемъ предохранить молодое поколѣніе отъ какого-либо одичанія и даже, напротивъ, воспитать въ немъ качества очень цѣнныя и для общества и государства. А это особенно важно именно теперь, такъ какъ послѣ войны потребуется усиленная внутренняя работа, новое строительство, для чего нужны будутъ культурные общественные работники, а не одичалая толпа, умѣющая только кричать: „долой нѣмцевъ!“

Народное образованіе.

Война внесла большое разстройство въ начальное обученіе. Почти вездѣ остановились постройка и во многихъ мѣстахъ также открытіе новыхъ школъ. Пособія отъ казны на введеніе всеобщаго обученія остановились въ своемъ ростѣ; земскія средства напряжены сейчасть до крайности. Очевидно, придется на время нарушить планы и позаботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы уже существующія школы продолжали правильно функционировать и чтобы не уменьшались на нихъ ассигновки, такъ какъ и безъ того у насъ очень мало школъ и онѣ очень скудно обставлены. Поэтому надо всѣми силами протестовать противъ попытокъ

сократить выписку учебныхъ пособій и книгъ для школъ, уменьшить число учащихъ и т. п. Необходимо также настоять, чтобы уже ассигнованные пособия и ссуды отъ казны на постройку школъ были выданы, иначе органы самоуправления попадутъ въ очень тяжелое положеніе. Надѣясь на полученіе пособія, они уже закупили матеріалы, начали постройку, слѣдовательно, затратили много средствъ и вдругъ остаются ни съ чѣмъ. Мало того, что затраты на недостроенныя школы пропадаютъ даромъ, но и само земство оказывается въ тяжеломъ финансовомъ положеніи. Значительное разстройство въ нѣкоторыхъ уѣздахъ внесъ призывъ на службу учителей. Но есть надежда, что удастся замѣстить ихъ временно молодыми учительницами. Остановка въ открытіи новыхъ школъ облегчитъ эту задачу. Хотя вообще слѣдовало бы по возможности не сокращать сильно открытіе новыхъ школъ. Вѣдь тогда придется многимъ дѣтямъ отказывать въ пріемѣ. А это въ данномъ случаѣ еще болѣе тяжело, такъ какъ большинство изъ оставшихся за бортомъ школы будетъ принадлежать дѣтямъ нашихъ воиновъ.

Несмотря на общую тенденцію къ сокращенію въ школьномъ дѣлѣ, одна отрасль получить въ немъ видимо даже усиленное развитіе въ связи съ войной. Я говорю о школьныхъ завтракахъ (приваркѣ).

Несомнѣнно, обостреніе всякаго рода нужды, вслѣдствіе призыва на войну нѣсколькихъ милліоновъ самыхъ цѣнныхъ работниковъ, затруднить аккуратное посѣщеніе школы дѣтьми. Устройство приварка въ школѣ содѣйствуетъ болѣе аккуратному посѣщенію уроковъ и, кромѣ того, является очень дѣйствительной и цѣлесообразной формой помощи непосредственно самимъ дѣтямъ.

Въ связи съ войной замѣчается въ Россіи общее ослабленіе разлада между обществомъ и правительственными органами.

Всѣмъ извѣстно, что этотъ разладъ такъ недавно достигъ наибольшаго напряженія именно въ дѣлѣ начального народнаго образованія. Здѣсь велся наиболѣе сильный обходъ съ праваго фланга, что тормозило всякую положительную работу и сѣяло раздраженіе въ органахъ самоуправления и въ общественныхъ кругахъ.

Цельзя сказать, чтобы эта рознь теперь исчезла, но она по нѣкоторымъ причинамъ не такъ даетъ себя чувствовать, какъ прежде.

А. Обуховъ.

Война за миръ.

Въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ, которая окружала европейскія націи, уже давно носился призракъ грядущей европейской войны; но когда хотѣли облечь его въ болѣе наглядныя формы, представить себѣ картину надвигающейся на Европу катастрофы, воображеніе оказывалось безсильнымъ. Не мало книгъ было написано объ этой грядущей войнѣ, часто интересныхъ и логически убѣдительныхъ, но эта убѣдительность оставалась какъ-то слишкомъ отвлеченной, и слишкомъ сильны, казалось, мотивы, долженствовавшіе остановить европейскіе народы. Но одна мысль заставляла не то чтобы мириться съ возможностью войны, а дѣлать ее болѣе понятной: грядущая европейская война должна быть послѣдней. Способы, которые предлагалъ пацифизмъ, оказывались очевидно недостаточными: Европа не разоружилась, а темпъ сухопутныхъ и морскихъ приготовленій возрасталъ съ лихорадочной быстротой. Важнѣйшія постановленія второй гаагской конференціи не получали утверждения. Попытки ввести обязательный арбитражъ разбивались объ опасенія государствъ ограничить суверенитетъ въ защитѣ важнѣйшихъ своихъ интересовъ. Между тѣмъ личныя и платежныя силы населенія европейскихъ государствъ не могли быть напрягаемы до безконечности. Приближалась минута, когда великая держава, достигшая предѣла этихъ силъ раньше, чѣмъ другія, должна была почувствовать, что она готова бросить вызовъ судьбѣ. И только когда въ кровавомъ столкновении обезсилены будутъ побѣдители и побѣжденные, когда всей Европой овладѣетъ одно исканье отдыха и мира, только тогда можно плодотворно поставить проблему разоруженія и обязательнаго посредничества. Милитаризмъ долженъ исчерпать себя до конца, и важнѣйшимъ этапомъ по пути всеобщаго мира будетъ эта всеобщая, послѣдняя война.

Насколько эта надежда была обоснована? Мы знаемъ, что обычно великія военныя столкновенія только увеличивали бремя милитаризма. Такъ было въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, такъ въ особенности случилось послѣ франко-прусской войны 1870—1871 г. И, наконецъ, подобныя послѣдствія имѣли на нашихъ глазахъ послѣднія балканскія войны: онѣ дали толчокъ огромному увеличенію вооруженій не только

въ балканскихъ государствахъ, но и всюду въ Европѣ. Кто можетъ поручиться, что и послѣ настоящей войны не начнутся новыя безмѣрные напряженія побѣжденныхъ — въ мысли о реваншѣ, побѣдителей — въ пѣляхъ предупрежденія этого реванша?

И однако чувство, связанное съ этой надеждой, остается сейчасъ въ силѣ, и оно сообщаетъ глубокий моральный смыслъ войнѣ. Россія, Англія и Франція сражаются за дѣйствительный прочный миръ. Прежде могло еще подлежать спору, гдѣ находится очагъ европейскаго милитаризма. Теперь это обнаружилось съ совершенной ясностью. Обнаружилось, что если французамъ необходимъ былъ переходъ къ трехлѣтней военной службѣ, то именно для того, чтобы не быть раздавленными Германией. Напротивъ того, нѣмецкій Wehrgesetz 1913 г. явно рассчитанъ былъ на нападеніе. Правда, нѣмцы оправдывали это нападеніе понятіемъ превентивной войны. Они должны нападать, чтобы не подвергнуться нападенію со стороны Россіи съ ея огромнымъ приростомъ населенія, съ ея неисчислимой, все увеличивающейся арміей, съ ея несомнѣннымъ экономическимъ подъемомъ. Ясно однако, что превентивная война имѣла смыслъ лишь при стремленіи Германіи сохранить военную гегемонію въ Европѣ и за ея предѣлами. Можно спорить, какія причины влекли Германію по пути агрессивнаго милитаризма — сказывались ли здѣсь лишь интересы и даже вкусы ея правящихъ верховъ, или въ этомъ проявлялась болѣе глубокая социологическая необходимость, вытекающая изъ ея промышленнаго развитія, относительной бѣдности внутренняго рынка и т. п. Намъ интересуется не столько вопросъ объ отвѣтственности за эту роковую роль Германіи, намъ останавливаетъ несомнѣнный фактъ этой роли, которая символически предугазывалась даже поведеніемъ германскихъ делегатовъ на первой гаагской конференціи. *Rebus sic stantibus* въ Европѣ невозможно было другаго мира, кромѣ вооруженнаго мира, который требовалъ такихъ колоссальныхъ жертвъ, что продолжать его безконечно долгое время становилось невыносимымъ.

Именно эта моральная сторона современной войны, ея глубокое оправданіе исключаетъ всякую возможность мира преждевременнаго, мира, при коемъ не достигнуто было бы освобожденіе отъ милитаризма. Думать, что это осталось сокрытымъ отъ американскаго правительства, когда оно заговорило о посредничествѣ—это значило бы слишкомъ низко цѣнить Вильсона и его помощниковъ. Но, можетъ быть, въ Вашингтонѣ не отдавали себѣ полнаго отчета, насколько въ данномъ вопросѣ господствуетъ единодушіе между союзниками. Взаимное обязательство Россіи, Франціи и Англіи не заключать отдѣльнаго мира и устанавливать его условия лишь по общему согласію часто рассматривалось слишкомъ односторонне, какъ гарантія противъ чрезмѣрныхъ притязаній какой-либо изъ державъ. Но здѣсь есть и другая гарантія

противъ недостаточныхъ требованій, противъ того, что разрушеніе германскаго милитаризма останется недостижимымъ. Ни одна изъ союзныхъ державъ не могла бы съ этимъ примириться, и взаимное обязательство лишь подтверждаетъ уже принятыя въ отдѣльности рѣшенія.

Да и какъ они могли не быть приняты? Бросить войну неоконченной значило бы обезцѣнить великія жертвы, принесенныя на поляхъ сраженія, все равно на берегахъ Мааса и Марпы, или въ равнинахъ Галиціи, или въ болотахъ Восточной Пруссіи. Это значило бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ подготовить вторую европейскую и даже мировую войну, еще болѣе ужасную и разрушительную, и снова возложить на европейскіе народы тяжкое бремя милитаризма. Здѣсь произошла бы не только непоправимая политическая ошибка, здѣсь произошло бы моральное крушеніе всего того героическаго подъема, который внесены союзными націями въ общее дѣло. Этого не будетъ; ни одно правительство союзныхъ націй не можетъ взять на себя подобной уничтожающей отвѣтственности, какъ и общественное мнѣніе этихъ націй не можетъ предаться такому безпримѣрному слабодушію и забвенію національнаго долга.

Война будетъ доведена до конца. Но что значить этотъ конецъ? Что значить разрушеніе германскаго милитаризма? Какія измѣненія политической карты Европы, какія перемѣны въ устройствѣ и взаимоотношеніи европейскихъ государствъ могутъ дѣйствительно обезпечить прочный миръ?

Онъ прежде всего требуетъ удовлетворить здоровыя національно-политическія стремленія. Нельзя повторять ошибокъ, сдѣланныхъ 100 лѣтъ назадъ на вѣнскомъ конгрессѣ, нельзя создавать искусственныхъ политическихъ соединеній. Именно поэтому послѣдствія войны должны оказаться болѣе глубокими для современной Австро-Венгрии съ ея крайне искусственнымъ строемъ, съ отсутствіемъ въ ней національнаго ядра, чѣмъ для Германіи, хотя Германія несетъ большую отвѣтственность за войну, чѣмъ ея союзница, и хотя руками германскаго императора зажженъ былъ европейскій пожаръ. Самостоятельность славянскихъ народностей и уничтоженіе того великодержавнаго положенія, которое заняла Венгрія по дуалистическому устройству 1867 г.,—вотъ что ставится на очередь. Слѣдуетъ и здѣсь всячески избѣгать созданія грядущихъ ирредентизмовъ и искусственныхъ сочетаній. Совершенно естественно соединеніе Босніи и Герцеговины съ Сербіей; напротивъ того, пансербскія мечтанія о соединеніи съ Хорватіей вызываютъ весьма существенныя возраженія и не могутъ еще быть приняты въ силу одного чувства симпатіи къ сербскому народу. Италія имѣетъ историческое право на Триестъ и Триентъ, которое было бы прочнѣе, если бы она приняла участіе въ войнѣ; политически приемлемы и ея притязанія на Валлону, за коими

стоять дѣйствительные жизненные интересы; но во имя этихъ интересовъ въ Итали раздаются голоса съ призывомъ присоединить и Далмацию, что, несомнѣнно, повлекло бы за собой въ недалекомъ будущемъ конфликтъ Итали съ государствами балканскаго Запада. Поэтому, несмотря на всю непозволительность образа дѣйствій болгарскаго правительства, за которымъ слѣдуетъ часть мѣстной интеллигенци и противодѣйствовать которой въ достаточной мѣрѣ преданная и благодарная России народная масса оказалась не въ силахъ, въ интересахъ общаго мира бухарестскій договоръ долженъ быть исправленъ. Наконецъ, разрѣшится польскій вопросъ, исправятся вѣковыя ошибки, и объединенный польскій народъ подъ скипетромъ русскаго Монарха будетъ призванъ къ новой жизни, достойной его прошлаго, достойной его лучшихъ національныхъ идеаловъ.

Но это лишь часть дѣла; другая, и не менѣ важная, лежитъ въ уничтоженіи основъ германскаго милитаризма. Здѣсь имѣютъ значеніе естественныя территориальныя потери Германіи, какъ Эльзасъ-Лотарингія, Познань, устье Нѣмана и Вислы, колоніи. Сюда должно присоединиться срытіе ряда крѣпостей на западной и восточной границѣ и обезоруженіе въ той или другой формѣ Кильскаго канала — простѣйшимъ рѣшеніемъ была бы передача сѣвернаго берега Дани и нейтрализація. Наконецъ, въ интересахъ и общеевропейскихъ и специально русскихъ необходимо уничтоженіе командующаго положенія Германіи въ Константинополѣ и вообще въ Турціи. Когда я пишу эти строки, остается довольно неопредѣленнымъ, пересилить ли въ Турціи голосъ здраваго смысла и политическаго самосохраненія или авантюризмъ Энверъ-бея, столь же дерзкій, сколь и близорукій. Ясно однако во всякомъ случаѣ, мѣсто Турціи среди европейскихъ державъ и въ частности режимъ, установленный въ проливахъ, не останутся послѣ войны неизмѣнными. Неслыханныя жертвы, принесенныя союзными державами, даютъ имъ право принять настояща мѣры противъ новаго пожара на Ближнемъ Востокѣ.

Остается вопросъ о политическомъ переустройствѣ Германіи. Въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать, насколько германскій милитаризмъ тѣсно связанъ съ прусскою гегемоніей въ имперіи. Конечно, поражение не пройдетъ безслѣдно для тѣхъ придворныхъ и юнкерскихъ круговъ, которые несутъ отвѣтственность за войну. Уже давно чувствуется глубокое расхожденіе между правосознаніемъ нѣмецкаго народа и имперскою конституціей съ ея безотвѣтственнымъ и неорганизованнымъ правительствомъ. Эта реформа не есть только *res interna*. Высказывается мысль, что Германія изъ союзаго государства можетъ превратиться въ союзъ государствъ или даже въ два союза—сѣверный и южный: къ послѣднему тогда примкнуть и нѣмецкія области Австріи. Думается, что политическое объединеніе нѣмецкаго народа имѣетъ слиш-

комъ глубокие корни, и подобное раздробленіе вызоветъ въ немъ хроническое и неблагоприятное для общаго мира стремленіе снова получить строй единого государства. Безусловно необходимо лишь устранить господство Пруссіи. Съ этой точки зрѣнія при распадѣ Австро-Венгріи присоединеніе ея пѣмецкихъ областей къ Германіи не представляетъ опасностей, какъ кажется съ перваго взгляда. Центръ тяжести при этомъ неминуемо перемѣстится къ югу, усилится католическій элементъ за счетъ протестантскаго. Притязанія на морское владычество, на міровую роль шли прежде всего изъ Пруссіи: Австро-Германія для этой роли не будетъ имѣть не только возможностей, но и побужденій. Вѣроятно же всего создастся настоящее федеративное государство съ демократическимъ отпечаткомъ, съ сильнымъ развитіемъ мѣстной культурной жизни,—государство, радикально излѣчившееся отъ традицій и навыковъ гогенцоллернскаго имперіализма.

Все это совершенно реальныя перспективы, и грядущая политическая дѣйствительность можетъ даже далеко ихъ опередить. Но даже и въ ихъ предѣлахъ остается мѣсто для такой организациі международно-правового общенія, которая еще недавно казалась утопической. Станутъ возможными и ограниченіе вооруженій и обязательный арбитражъ. Это, конечно, не есть достиженіе вѣчнаго мира, но это несомнѣнно, огромное облегченіе бремени милитаризма, оказавшееся невыполнимымъ въ дни первой гаагской конференціи болѣе всего изъ-за противодѣйствія Германіи. Не нужно говорить, какія великія социальныя и культурныя послѣдствія несетъ за собой такое облегченіе.

Итакъ, во имя этого дѣйствительнаго европейскаго мира долженъ быть отвергнутъ всякій преждевременный миръ, несущій въ себѣ сѣмена новой войны, новаго разрушенія.

Съ полной объективностью можемъ мы при этомъ утверждать, что интересы Россіи совершенно солидарны съ интересами этого новаго порядка, который уже можно провидѣть сквозь кровавыя призраки настоящей минуты. Наша внѣшняя политика послѣдняго времени была не свободна отъ ошибокъ, но она была свободна отъ всякихъ завоевательныхъ стремленій. Искренность этого миролюбія была достаточно доказана во время балканскаго кризиса 1912—1913 г. Передъ Россіей стоятъ великія задачи экономическія, правовыя и культурныя, которыя требуютъ напряженнаго вниманія и подъема всѣхъ національныхъ силъ. Мы не стремились даже къ приобрѣтенію Восточной Галиціи съ родственнымъ ей для насъ населеніемъ, пока Австрія не выступила противъ насъ. Наша доблестная армія сражается за господство мира, за основные устои европейской культуры; наша дипломатія въ свое время да завершитъ ея побѣдное дѣло.

С. Котляревскій.

На перевалѣ.

Чѣмъ грозятъ Россіи?

Газеты и журналы воюющихъ съ нами странъ доходятъ до насъ лишь рѣдко и беспорядочно. Объ этомъ можно только пожалѣть. Правительство даже должно было бы поставить одной изъ своихъ задачъ доставленіе германскихъ и австрійскихъ изданій главнѣйшимъ серьезнымъ органамъ нашей печати. Во всякомъ случаѣ необходимо разрѣшить имъ безцензурное получение. Англійская, на примѣръ, печать безъ всякихъ стѣсненій передаетъ на своихъ столбцахъ взгляды и сообщенія германскихъ газетъ. Это придаетъ большую моральную силу и англійской полемикѣ. Настоящую войну намъ надо вести съ открытыми глазами. Значеніе ея огромно. Оно скажется на всей нашей будущей жизни, на группировкѣ партій, на образованіи міровоззрѣній. Надо знать правду о силахъ и средствахъ враговъ, объ ихъ планахъ и расчетахъ. Только знаніе такой полной правды дастъ намъ возможность серьезно бороться и со столь распространенными среди нашего общества невѣрными воззрѣніями. Въ силу полицейскихъ условій нашей жизни, у насъ честнымъ людямъ обо многомъ приходилось молчать. Такимъ образомъ въ обществѣ создавались ошибочныя представленія, царила благая ложь, повелѣвавшая молчать о тѣхъ или иныхъ нежелательныхъ, отрицательныхъ фактахъ. Политическая мысль, развивающаяся въ атмосферѣ такой благой лжи, никогда не можетъ сдѣлаться мыслью зрѣлой, а слѣдовательно и вліятельной. Наша прогрессивная мысль, которой не сегодня-завтра предстоитъ творческая государственная работа, должна быть мыслью зрячей и правдивой.

Прежде всего въ связи съ нынѣшнимъ кризисомъ она естественно должна поставить вопросъ: чѣмъ же грозятъ Россіи ея враги, на что они рассчитываютъ, каковы ихъ планы и при помощи какихъ силъ думаютъ они добиться своихъ цѣлей?

Война развязала языки. Во время мира отвѣтственные и серьезные политики всѣхъ странъ естественно выражаются очень осторожно, не

договаривают своихъ мыслей до конца. Дружественныя связи, мирныя отношенія, дипломатическія привычки международной вѣжливости—все это обязываетъ держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Офіціальныя дипломаты сдержаны (или должны такими быть) и во время войны. Но зато люди, не облеченные непосредственно властью, чувствуютъ себя свободнѣе. Конечно, нельзя считаться серьезно съ шовинистическими газетчиками, пишущими для толпы и разжигающими ея страсти...

Но если передъ нами, на примѣръ, такой, пользующійся всемірной извѣстностью, ученый, какъ Вильгельмъ Вундтъ, то къ мнѣнію его, понятно, нельзя не отнестись съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ уже глубокій старецъ. Среди десятковъ тысячъ обученныхъ и воспитанныхъ имъ людей были сотни русскихъ гражданъ. Его сочиненія пользуются въ Россіи серьезной популярностью. Вундтъ—не реакціонеръ, а прогрессистъ. Онъ независимый и честный мыслитель.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Лейпцигѣ этотъ восьмидесятидвулѣтній ученый прочелъ докладъ: „Ueber den wahrhaften Krieg“. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, подъ руками текста этого доклада и мы вынуждены довольствоваться замѣткой о немъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 219). Россія,—передаютъ *Русскія Вѣдомости* взглядъ Вундта,—не выполнила задачи приобщить къ европейской культурѣ свои земли,—задачи, которую она пыталась разрѣшить „съ нѣмецкой помощью“. Не культивированіе своихъ варварскихъ странъ, но варваризація подвластныхъ ей странъ культурныхъ—вотъ что написано на знамени современной Россіи. Борьба съ Россіей представляется Вундту, какъ борьба съ восточнымъ варварствомъ, отъ котораго необходимо освободить подвластные ему культурные народы. Эти народы: поляки, балтійскіе нѣмцы и финны.

Русская Польша должна, по взглядамъ Вундта, войти въ составъ Австро-Венгріи. Тамъ она получитъ тѣ же права и тѣ же вольности, какими пользуются въ Австро-Венгріи „все народы соединенные подъ ея скипетромъ“ (и галицкіе русскіе въ томъ числѣ??). Балтійскіе нѣмцы, которымъ Россія такъ хорошо отплатила за оказанныя ими услуги, должны быть вновь возвращены нѣмецкой родинѣ, которой лучше изъ нихъ всегда оставались въ сердцѣ своемъ вѣрныя. Наконецъ, чтобы доказать, что Германія ведетъ борьбу не только за свое національное существованіе, но и „ради человѣчества“, Финляндіи должна быть предоставлена независимость. „Это покажетъ,—говоритъ Вундтъ,—что эта война—справедливая война, dass er ein wahrhafter Krieg ist“.

Таковъ одинъ голосъ изъ Германіи. Другой голосъ изъ Австріи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, для насъ даже болѣе важный, мы можемъ привести цѣликомъ, несмотря на чрезвычайно рѣзкій тонъ его лживыхъ выводовъ противъ Россіи. Мы приводимъ статью члена австрій-

скаго рейхсрата украинскаго депутата Е. Левицкаго цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, чтобы насъ не могли упрекнуть въ приписываніи нашимъ врагамъ „никогда не высказывавшихся ими взглядовъ“.

Русское общество должно знать полную правду о цѣляхъ и задачахъ своихъ враговъ. Вотъ эта статья:

Оттѣсненіе Россіи отъ Чернаго моря.

Д-ра Евгения Левицкаго, члена австрійскаго парламента.

Berliner Tageblatt, № 498, отъ 1-го октября н. ст.

„Ни одинъ народъ русскаго государства не подвергался такимъ кровавымъ и безжалостнымъ гоненіямъ, какъ украинскій. Уже царь Петръ Великій въ 1720 году запретилъ употребленіе украинскаго языка, какъ литературнаго; царица Екатерина II изгнала украинскій языкъ изъ употребленія въ общественной жизни и при помощи самыхъ тяжелыхъ насильственныхъ мѣръ прикончила автономію украинцевъ. Было запрещено даже слово Украина, и страна однимъ росчеркомъ пера перекрещена въ Малороссію. Кровавое преслѣдованіе украинскаго народа, его литературы и языка красной нитью проходитъ черезъ всю русскую исторію отъ Петра I до новѣйшихъ временъ. Величайшій поэтъ вновь пробудившейся Украины, Тарасъ Шевченко, свои лучшие годы провелъ изъ-за своей литературной дѣятельности въ Петропавловской крѣпости и въ ссылкѣ на Уралѣ, пока физически разбитый незадолго до своей смерти не получилъ возможности вернуться на родину. За нимъ послѣдовали другіе. Появился, наконецъ, извѣстный указъ (высочайшее повелѣніе) 1876 года, позоръ XIX столѣтія, которымъ украинская литература и украинскій литературный языкъ запрещались въ имперіи царей безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Страхъ передъ Украиной и стоявшее въ связи съ этимъ кровавое преслѣдованіе украинскаго народа станетъ легко понятнымъ, если мы вспомнимъ о значеніи Украины для Россіи. Только черезъ Украину московское государство Ивана III сдѣлалось европейской великой державой, безъ Украины оно должно было бы превратиться въ лишенное всякаго вліянія государство второго ранга. Путемъ приобрѣтенія украинскихъ владѣній русское государство достигло на югѣ Чернаго моря.

Захватъ Россіей Украины привелъ къ концу великую борьбу на востокѣ Европы. Россія окончательно утвердилась во владѣніи украинскими землями и обезпечила себѣ этимъ, равно какъ и доступомъ къ Черному морю, ту силу, которую она являетъ собой теперь къ величайшему вреду для угнетенныхъ народовъ и для поддержанія европейскаго равновѣсія.

Но аппетитъ приходитъ во время ѣды. Послѣ того, какъ Россія вступила во владѣніе украинской страной на Черномъ морѣ, она тотчасъ же стала думать о новыхъ захватахъ на Балканахъ. Православная вѣра должна была служить для этого предлогомъ. Такъ возникла мечта Екатерины II водрузить на константинопольскихъ мечетяхъ трехконечный крестъ, — мечта, которая и понынѣ не даетъ спокойно спать крупнѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ имперіи царей. Конечно, до сихъ поръ мечта эта не осуществилась. Въ лицѣ дунайской монархіи передъ царской державой возсталъ могущественный конкурентъ, который способенъ препятствовать каждому расширенію вліянія Россіи на югѣ Европы. Дорога Россіи ведетъ черезъ Босфоръ и Дарданелы въ Малую Азію и Африку, до-

рога Дунайской монархii ведетъ въ томъ же направленiи черезъ Бѣлградъ и Митровицу въ Салоники. Обѣ дороги идутъ параллельно, не имѣя возможности при обычныхъ политическихъ условiяхъ довести до конечной цѣли: доступа къ Эгейскому и Средиземному морьямъ.

Разрѣшенiе дпящагося столѣтiя кризиса можетъ послѣдовать только при устраненiи основной причины. *Cessante causa cessat eventus*: Московитская Россiя должна быть отбѣсна отъ Чернаго моря и между Россiей и Балканами въ области Украины долженъ быть продвинутъ затворъ. Когда Россiя отъ Южной Европы будетъ, какъ клиномъ, отдѣлена самостоятельной Украиной, она посвятитъ все свое вниманiе своимъ внутреннимъ дѣламъ и своимъ владѣнiямъ въ Азiи. Иными словами, балканскiе народы, которые больше не будутъ ни подстрекаться, ни терроризироваться Россiей, свободно вздохнутъ и упорядочатъ свои международныя отношенiя на національной основѣ, исключаящей серьезныя замѣшательства.

Украинскiя гавани на Черномъ морѣ, какъ, напримѣръ, Одесса съ ея почти полумиллионнымъ населенiемъ и ея громаднымъ торговымъ оборотомъ, далѣе Николаевъ и Херсонъ скоро сдѣлаются средоточiями мирового обмѣна и сравнятся съ крупнѣйшими портами Европы. Точно такъ же широко раскроются ворота для торговли съ Дальнимъ Востокомъ, въ особенности съ центральной Азiей, а также и для колонизацiи этой области.

Не меньшую важность, чѣмъ для мировой торговли, представляютъ украинскiя владѣнiя и для внутренней торговой политики Австро-Венгрии и Германii. Украина охватываетъ огромное пространство въ 680.009 квадратныхъ километровъ, изъ которыхъ 75.000 падаютъ на Восточную Галицiю. Эта область равна по пространству австро-венгерской монархii и на 150.000 квадратныхъ километровъ превышаетъ площадь Балканъ со всѣми ихъ государствами. Населенiе Балканскаго полуострова точно такъ же меньше—оно по переписи 1900 г. равняется едва 21 миллиону, т. е. почти на десять миллионъ менѣ цифры украинскаго населенiя!

Украинскiя земли принадлежатъ къ тому же къ плодороднѣйшимъ землямъ во всей Европѣ. Какъ извѣстно, Украина является житницей для всей Россii, такъ что украинскiй хлѣбъ идетъ не только на внутренния нужды, но и въ огромныхъ размѣрахъ вывозится за границу. Экспортъ хлѣба изъ одной Одессы ежегодно представляетъ цѣнность свыше 200 миллионъ рублей.

Вслѣдствие колоссальныхъ трудностей, съ которыми сопряжено теперь приобрѣтенiе новыхъ колонiй, въ торговой политикѣ современныхъ государствъ мѣсто колонiй заняло такъ называемое экономическое проникновенiе. Оно состоитъ въ перенесенiи собственнаго капитала и своихъ материаловъ къ туземной рабочей силѣ чужой страны, чтобы такимъ образомъ съ прибылью пускать въ дѣло свои капиталы и обезпечить переработку и продажу туземныхъ продуктовъ. Не надо и доказывать, какiя выгоды и перспективы въ этомъ отношенiи открываетъ независимая Украина для Дунайской монархii и союзной съ ней Германii. Украина послѣ паденiя китайской стѣны, отдѣляющей ее отъ Запада, не только будетъ восполнять недостатокъ въ сырыхъ материалахъ экономически связанныхъ съ ней народовъ, но также представитъ очень удобное основанiе для той научной и производительной внѣшней дѣятельности, въ которой она при ея нынѣшней заброшенности такъ нуждается сама и которая скоро приведетъ ее самое на высшую ступень культурнаго и экономическаго подъема“.

Трудно себѣ представить, чтобы, напримѣръ, за подписью интеллигентнаго передового члена русской Государственной Думы могла по-

явиться статья столь невѣжественная и неумная. Неумная во всѣхъ смыслахъ. Если европейскіе читатели повѣрятъ на слово г. Левицкому, что „ни одинъ народъ въ Россіи не подвергался такимъ кровавымъ и безжалостнымъ гоненіямъ, какъ украинскій“, а затѣмъ изъ статьи узнаютъ, что эти „кровавыя гоненія“ сводились къ ссылкѣ Шевченка и указу 1876 г., то не скажутъ ли они, что нигдѣ въ мірѣ національная борьба не ведется въ столь мягкой формѣ, какъ въ Россіи? Заявленіе объ *украинскихъ* берегахъ Чернаго моря, объ *украинскихъ* гаваняхъ Одессы (турецкомъ Хаджибеѣ?), Херсонѣ и Николаевѣ (иностранцы могутъ подумать, что Екатерина II и была украинской императрицей)—способны, конечно, вызвать лишь искренній смѣхъ. Но что сказать объ австрійскомъ политикѣ, выступающемъ съ такимъ багажомъ! Какое бездонное легкомысліе кроется подъ всей этой австрійской авалтюрой, приведшей къ мировой войнѣ! Но не смѣхъ, а презрѣніе вызываютъ старанія „славянина“ Левицкаго заинтересовать Германію въ проектѣ отдачи славянъ на съѣденіе нѣмцамъ. Какъ онъ заботится объ устраненіи „подстрекательства“ Россіи, о предоставленіи балканскимъ народамъ, напримѣръ, Сербіи, „упорядочить свои международныя отношенія на національной основѣ, исключая серьезныя замѣшательства“! Любая сербская крестьянка можетъ по достоинству оцѣнить это „упорядоченіе“. Съ какимъ маккиавелистическимъ расчетомъ „украинецъ“ Левицкій умалчиваетъ о судьбѣ Польши! Онъ вѣдь пишетъ въ берлинской газетѣ для своихъ союзниковъ, для Германіи и знаетъ, что усиленіемъ Польши ея не соблазнишь, и, привлекая нѣмцевъ „самостоятельной Украиной“, онъ ни словомъ не обмолвился о „самостоятельной Польшѣ“. О эти украинско-австрійскіе маккиавели, думающіе, что никто не разберется въ ихъ „политикѣ“, что они „проведутъ“ весь міръ..., который только весело смѣется надъ ихъ невѣжествомъ, надъ ихъ географіей, надъ ихъ политикой...

Но, конечно, какъ *австрійскій* политикъ, г. Левицкій имѣетъ полное право на составленіе всѣхъ этихъ проектовъ во славу „Дунайской монархіи“. Пусть соблазняетъ Германію хоть присоединеніемъ къ будущему украинскому королевству не только Одессы, Кіева и Харькова, но и Воронежа и Москвы. Намъ интересуетъ другое. Вѣдь то, что членъ австрійскаго рейсрата, членъ національной фракціи, насчитывающей нѣсколько десятковъ депутатовъ, можетъ строить подобные планы, основывается на томъ, что въ населеніи Южной Россіи, въ значительной части принадлежащемъ къ малорусскому племени, какіе-то политики видятъ опору для своихъ фантазій о „самостоятельной Украинѣ“. На нашихъ южнорусскихъ согражданъ, говорящихъ по-малоросійски или по-украински, взводится явная бездеремонная клевета, будто они способны сыграть роль „заввора“ противъ Россіи, помочь обратить ее въ средневѣковую

Московию. Что это—безмысленная клевета, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя. Не только наши солдаты-малоруссы успѣли уже убѣдительно доказать австрiйцамъ и нѣмцамъ, чего стоятъ фантази гг. Левицкихъ, но даже и галицкiе русские, эта „опора“ фантазеровъ „независимой Украины“, весьма недвусмысленно показали, какъ они смотрятъ на Россю и какъ относятся къ Австрiи.

По крайней мѣрѣ, въ рѣзкой анти-русской австро-польской краковской *Nowa Reforma* въ № 372 отъ 29 августа 1914 г. н. ст. мы находимъ такую интереснѣйшую замѣтку: „Въ № 2051 отъ 26 августа *Gazeta Wieczorna* подъ заглавiемъ „Пересмотръ русинскаго вопроса“ помѣщаетъ слѣдующую весьма знаменательную при нынѣшнихъ отношенiяхъ статью: „Мы выращивали въ нашемъ краѣ много фикцiй, искусственныхъ созданий, гипотетическихъ „предначертанiй“, множество политической лжи. Такою политическою ложью былъ антироссiйскiй фронтъ большинства русинскаго населенiя. То обстоятельство, что надо было арестовать выдающихся парламентарiевъ, высшихъ сановниковъ суда, цѣлый рядъ священниковъ и украинскихъ дѣятелей по подозрѣнiю въ государственной измѣнѣ, то, что сотни русинскаго крестьянства въ оковахъ идутъ въ тюрьмы, что они во многихъ мѣстностяхъ края помогали нашимъ врагамъ или мѣшали военнымъ дѣйствiямъ нашей армии,—вѣдь все это сплетенiе фактовъ, изъ котораго нельзя не дѣлать соответствующихъ выводовъ. Логическiе же выводы таковы: или украинское анти-россiйское направление, несмотря на увѣренiя его вождей, не пустило глубокихъ корней, или влiянiе тѣхъ людей, которые въ глубинѣ души считали себя „тирольцами востока“, на широкiя массы не было достаточно сильно, чтобы уравновѣсить „мирную работу“ Бобринскихъ и его прiятелей. Тѣ нѣсколько сотъ людей изъ интеллигенцiи, которые въ мирное время ручались, какъ уполномоченные представители народа, дѣлали это за него добросовѣстно, но, когда наступила война, неожиданно занавѣсь иллюзiй и лжи упалъ, и обнаружилось отсутствiе влiянiя этихъ вождей и—что еще хуже—обнаружилось, что тотъ цементъ, который эти массы русинскiя скрѣплялъ съ государственной австрiйской идеей, былъ сдѣланъ изъ очень сквернаго матерiала.“

Признанiя чрезвычайной важности...

Какъ видно изъ горькихъ признанiй газеты *Nowa Reforma*, „искусственныхъ предначертанiй“ гг. Левицкихъ играли огромную роль въ австрiйской политикѣ, руководителемъ которой былъ человекъ, лишенный чуткiя реальности, визионеръ-эрцгерцогъ, такъ и не очнувшiйся въ этомъ мирѣ отъ своихъ фантастическихъ мечтанiй. Мечты увлекали и людей, неизмѣримо болѣе умныхъ и образованныхъ, чѣмъ депутатъ Левицкiй. За нѣсколько мѣсяцевъ до войны извѣстный социаль-демокра-

тичскій публицистъ Отто Бауэръ писалъ въ № 4 *Der Kampf* (цитирую по *Украинской Жизни*, 1914 г. № 1, стр. 62 и сл.): „На Украинѣ,— писалъ Отто Бауэръ,— является еще нерѣшеннымъ вопросъ, станутъ ли украинцы отдѣльнымъ народомъ съ собственнымъ литературнымъ языкомъ, или они ассимилируются съ русскимъ народомъ и будутъ пользоваться и въ школѣ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ публичной жизни близко родственнымъ русскимъ языкомъ. Этотъ вопросъ есть дѣйствительно вопросъ жизни не только... для государственной организации Россіи, но и для самого русскаго народа“. По этому поводу,— пишетъ *Украинская Жизнь*,—Бауэръ приводитъ любопытную историческую иллюстрацію изъ прошлаго Германіи. Было когда-то время, когда изъ нижненѣмецкихъ нарѣчій пытались создать особый языкъ письменности: и въ одной части Германіи—Голландіи—это удалось сдѣлать: Голландія и по языку и по культурѣ отдѣлилась отъ нѣмецкаго народа. Если бы за ней пошли и остальные нѣмцы Нижней Германіи, то образовались бы двѣ отдѣльныхъ націи, раздѣленныхъ и по языку, и по культурѣ, и по государственной жизни. Вся европейская исторія пошла бы по иному пути. Для Германіи этотъ вопросъ былъ рѣшенъ еще въ XVI столѣтіи; для Россіи же онъ до сихъ поръ остается открытымъ“.

Отто Бауэръ жестоко ошибся. Дѣло обстоитъ для Россіи далеко не такъ трагически, какъ онъ думаетъ. Вопросъ, рѣшенный для Германіи еще въ XVI столѣтіи, безповоротно рѣшенъ и для Россіи еще въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху Отечественной войны. Послѣ Пушкина, декабристовъ, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевскаго, освобожденія крестьянъ не приходится бояться культурнаго распада Россіи и раздѣленія русскаго народа „на двѣ націи“. Можно было только думать, что въ австрійской Галиціи удастся создать „русскую Голландію“. Великая война 1914 года безповоротно рѣшаетъ и этотъ вопросъ. Теперь можно лишь опасаться, какъ бы усердіе не по разуму какихъ-нибудь „москвофиловъ“ не привело къ гоненіямъ въ области рѣчи и вѣры, не вдохнуло бы новыхъ силъ въ умирающую „голландскую“ мечту. Преслѣдованія рождаютъ фанатизмъ и поддерживаютъ вѣру на такомъ градусѣ горѣнія, который и въ наше время можетъ нѣкоторую группу людей обособить въ отдѣльное культурное цѣлое. Широкая терпимость, свобода и рядомъ съ ними напряженная культурная работа, быстрое распространеніе народнаго образованія, подъемъ благосостоянія галиційскихъ крестьянъ и уплотненіе сѣти экономическихъ связей между Россіей и Галиціей — скоро заставятъ позабыть о вопросѣ, который умный Отто Бауэръ считаетъ „нерѣшеннымъ“, а не столь умный г. Левинскій кладетъ въ основу своего фантастическаго плана „оттѣсненія Россіи отъ Чернаго моря“.

И Вильгельмъ Вундтъ и Е. Левицкий, оба стремятся „оттѣснить“ Россію отъ морей: одинъ—отъ Балтійскаго, другой—отъ Чернаго. Обои имъ очень улыбается мысль вмѣсто великой европейской Россіи получить азіатскую Московію. Для достиженія своей цѣли, какъ аргументомъ, они пользуются работой россійскихъ черносотенцевъ, всегда бывшихъ у насъ преданными сторонниками прусскихъ Гогенцоллерновъ. Въ основѣ обвиненій Вундта и Левицкаго лежитъ та ложь, будто Россія не выполняетъ цивилизующей миссіи. Это — неправда. Конечно, наши реакціонныя силы, находящія всегда поддержку въ правящихъ германскихъ кругахъ, не мало старались надъ тѣмъ, чтобы затормозить поступательный ходъ культуры въ Россіи. Но, несмотря на эти усилія, Россія при ея огромномъ пространствѣ и сто семидесятимилліонномъ разноплеменномъ населеніи замѣтно движется впередъ. А послѣдній достигнутый нами 17 октября 1905 г. этапъ открываетъ широкія перспективы для ближайшаго будущаго...

А С. Изгоевъ.

Король Карль румынскій.

Балканскій полуостровъ, съ тѣхъ поръ какъ турецкая имперія стала терять въ Европѣ одну область за другой и изъ ея обломковъ начали образовываться самостоятельныя государства, имѣлъ возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ чужихъ князей, отправлявшихся управлять совершенно невѣдомыми имъ странами и народами, будучи твердо увѣрены въ томъ, что они принадлежатъ къ кастѣ господъ, предназначены брать въ свои руки власть, гдѣ и надъ кѣмъ угодно. По выраженію русскаго историка, при маленькихъ дворахъ Западной Европы не было недостатка въ „головахъ, оставшихся безъ коронъ, которыя охотно хватались за короны, оставшіяся безъ головъ“. Нерѣдко эти опыты кончались довольно неблагопріятно для смѣлыхъ искателей коронъ,—стоитъ лишь вспомнить послѣдняго представителя этой серіи, принца Вильгельма Видскаго, который, къ своему изумленію, не нашель у „своихъ“ албанцевъ никакихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако приглашенные правители оказывались подходящими для выпавшей на ихъ долю миссіи, успѣвали координировать свои личные и династическіе интересы съ исполненіемъ задачъ доставшихся имъ государствъ и становиться орудіемъ національной политики народовъ, существованіе которыхъ имъ дотолѣ врядъ ли даже было извѣстно. Къ такому слѣдуетъ причислить и только что скончавшагося румынскаго короля Карла I.

Въ послѣднее время имя румынскаго короля очень часто упоминалось въ связи съ европейской войной. Нейтралитетъ, который сохраняла до смерти короля Румынія, объяснялся многими тѣмъ обстоятельствомъ, что король Карль, самъ членъ семьи Гогенцоллерновъ, не желаетъ повести румынскихъ войскъ противъ союзницы Германіи, Австро-Венгріи. На самомъ дѣлѣ едва ли можно допустить, что именно это соображеніе имѣло рѣшающее значеніе въ политикѣ Румыніи. Что у Карла I, сына князя Карла-Антоня Гогенцоллернъ-Зингмарингенскаго и бывшаго офицера прусской гвардіи, симпатіи къ Германіи были

велики, не может, конечно, подлежать никакому сомнѣнiю. Но внимательное разсмотрѣнiе его дѣятельности въ теченiе почти полувѣкового (1866—1914) перiода его управленiя Румынiей, сначала въ качествѣ вассальнаго князя Турци, а съ 1881 г. уже въ качествѣ короля Румынiи, ставшей независимой послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 г., показываетъ, что эти германскiя симпатiи никогда не мѣшали ему руководствоваться въ своихъ поступкахъ интересами румынскаго государства.

Если всѣмъ балканскимъ государствамъ постоянно приходится балансировать между различными великими державами, противоположные интересы которыхъ скрещиваются на Балканскомъ полуостровѣ, и ихъ политика поэтому часто представляется противорѣчивой и полной неожиданныхъ зигзаговъ, то положенiе Румынiи, страны не славянской, окруженной со всѣхъ сторонъ славянскими народами, является, пожалуй, еще болѣе сложнымъ, чѣмъ международное положенiе ея сосѣдокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ одной стороны, о дѣйствительной дружбѣ между Румынiей и Австро-Венгriей не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока въ венгерской Трансильванiи живутъ почти 2 миллiона, а въ австрiйской Буковинѣ около 300 тысячъ румынъ. Послѣднiе пользуются хоть той свободой, которую предоставляла Австрiя своимъ национальностямъ; трансильванскiе же румыны подвергаются политикѣ систематической и беспощадной мадьяризации, и ихъ судьба часто вызываетъ глубокое возмущенiе румынскаго общества. Съ другой стороны, препятствiемъ къ сближенiю съ Россiей является часть Бессарабiи, отданная Молдавиѣ парижемъ трактатомъ 1856 г. и возвращенная Россiи послѣ русско-турецкой войны, несмотря на рѣшительные протесты румынскаго правительства и румынскаго общества, которыя до сихъ поръ отказываются видѣть въ Добруджѣ, полученной Румынiей взаменъ Бессарабiи, достаточную компенсацию за послѣднюю. Даже, если-бъ Россiя не взяла на берлинскомъ конгрессѣ у Румынiи, бывшей ея союзницей въ войнѣ съ турками, Бессарабiи, румынское общественное мнѣнiе едва ли было бы склонно къ тѣсному сближенiю съ Россiей. Страхъ передъ „панславизмомъ“ крѣпко сидитъ въ румынскихъ головахъ, и венгерскiе политики всегда ловко умѣли использовать это опасенiе румынъ, считающихъ себя принадлежащими къ латинской расѣ, быть затопленными въ славянскомъ морѣ. Однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ мадьярской политической фразеологии, часто повторяющимся и въ Румынiи, является утвержденiе, что историческая миссия румынъ въ такой же мѣрѣ, какъ и мадьяръ, состоитъ въ томъ, чтобы быть оплотомъ противъ движенiя Россiи на Балканскiй полуостровъ и противъ подчиненiя балканскихъ славянъ въ томъ или иномъ видѣ влиянiю Россiи. Если-бъ южные славяне подпали подъ влиянiе Россiи, доказы-

вают сторонники этого мнѣнія, румынамъ такъ же, какъ и мадьярамъ, угрожала бы опасность совершенно потерять свою національную индивидуальность, такъ какъ эти два народа тогда были бы со всѣхъ сторонъ окружены враждебной имъ славянской расой и раздавлены ея численнымъ превосходствомъ ¹⁾. Отнятие Бессараби, въ которомъ румыны видятъ нарушение договора, заключеннаго между Россіей и Румыніей 4/16 апрѣля 1877 г., наканунѣ турецкой войны, обѣщавшаго Румыніи неприкосновенность ея территории, только усилило это антирусское теченіе въ Румыніи, которая уже и безъ того находила значительную опору въ опасеніяхъ, внушаемыхъ агрессивнымъ „панславизмомъ“. Этотъ же страхъ передъ панславизмомъ заставлялъ Румынію находиться, въ отличіе отъ прочихъ балканскихъ христіанскихъ государствъ, въ сравнительно хорошихъ отношеніяхъ съ Турціей и смотрѣть съ крайнимъ недовѣріемъ на усиленіе славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Въ частности въ отношеніи Болгаріи въ Румыніи считалось догматомъ, что чрезмѣрный ростъ Болгаріи является недопустимымъ для Румыніи, ибо онъ угрожаетъ интересамъ королевства и равновѣсію на Балканахъ. Въ Румыніи часто сравнивали отношеніе между Болгаріей и Румыніей съ отношеніями, существовавшими между Франціей и Пруссіей передъ австро-прусской войной 1866 г., и часто указывалось на то, что Румыніа не должна повторить ошибки, сдѣланной Наполеономъ III, который далъ Пруссіи настолько усилиться, чтобы разбить сначала Австрію, а затѣмъ и Францію.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи очень любопытно письмо итальянскаго посла въ Вѣнѣ, маркиза Пеполи, дяди румынскаго короля, отъ 24 ноября 1868 г. Письмо напечатано въ дневникѣ только что скончавшагося короля, изданнаго подъ заглавіемъ „Aus dem Leben König Karls von Rumänien, Aufzeichnungen eines Augenzeugen“, 4 тома, Stuttgart, 1894 г.—1900 г. Въ дневникѣ о королѣ Карлѣ говорится все время въ третьемъ лицѣ, но несомнѣнно, что онъ написанъ самимъ королемъ или же во всякомъ случаѣ чело-вѣкомъ, пользовавшимся его полнымъ довѣріемъ. Въ этомъ письмѣ Пеполи, рекомендуя Карлу сближеніе съ графомъ Андраши, говорить: „у Венгріи только одинъ интересъ: élever les forteresses contre l'inondation Slave, qui menace l'Orient. Румыніа не славянское государство, поэтому можетъ только все выиграть и ничего не потерять отъ того, если она воспрепятствуетъ натиску славянской расы. Въ противоположномъ случаѣ ей могла бы угрожать участь Польши. La Romanie est une des ces nationalites distinctes que la Providence a placées sur les chemin des ambitions slaves vers l'Orient. Въ такомъ же положеніи находится и Венгрія, у обѣихъ странъ та же mission providentielle, les mêmes intérêts. La force de l'un est la force de l'autre. Acceptez la main que le Cabinet hongrois vous offre franchement et loyalement“ (Aus dem Leben etc., т. I, стр. 369). На это письмо Карль отвѣтилъ, что сближеніе съ Венгріей возможно только послѣ улучшенія положенія румынъ въ Трансильваніи.

Дневникъ короля содержитъ много документовъ, представляющихъ большой интересъ для исторіи царствованія Карла I. Опубликованные четыре тома обнимаютъ періодъ отъ избранія Карла княземъ до 1881 года, т.-е. до превращенія Румыніи въ королевство.

Этой борьбой двухъ направлений, которыя на практикѣ сводились къ австрофильской или руссофильской политикѣ, опредѣлялась вся политика Румыніи въ царствованіе только что скончавшагося короля. Очень возможно, что если-бъ Россія не отняла у Румыніи Бессарабію, въ молодомъ королевствѣ взяло бы верхъ теченіе, которое говорило, что присоединеніе Трансильваніи и румынской Буковины для Румыніи является задачей болѣе важной и легче осуществимой, чѣмъ возвращеніе Бессарабіи, и что призракъ воинствующаго панславизма не такъ страшенъ, какъ это кажется многимъ румынамъ. Но послѣ того какъ Россія взяла Бессарабію, антирусское теченіе въ Румыніи безусловно восторжествовало, и Румыніа оказалась вовлеченной въ сферу германо-австрийской политики. Слухи о тайныхъ соглашеніяхъ, заключенныхъ Румыніей съ государствами тройственного союза, не переставали появляться, несмотря на официальные опроверженія правительства. Мало того, Румыніа даже координировала свою политику съ политикой Турціи, и всѣмъ еще памятно, какъ долго удерживалъ Болгарію отъ нападенія на Турцію страхъ, что Румыніа придетъ на помощь Турціи въ силу взятыхъ на себя обязательствъ. Непосвященные въ тайны дипломатическихъ кабинетовъ и теперь еще не въ состояніи сказать, существовали ли въ дѣйствительности такіа обязательства, но всѣ еще помнятъ, съ какой безцеремонностью Румыніа во время балканской войны извлекала для себя выгоду изъ положенія, сдѣлавши ее рѣшающимъ факторомъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Было бы неправильно видѣть въ такой политикѣ Румыніи по отношенію къ Болгаріи слѣдствіе антиславянскихъ тенденцій германскаго принца, бывшаго королемъ Румыніи. Интересы Австріи или Германіи вовсе не требовали умаленія Болгаріи, наоборотъ, Австро-Венгерія въ силу своего антагонизма съ Сербіей имѣла всѣ основанія желать усиленія соперницы Сербіи,—Болгаріи. Отнимая у Болгаріи Силистрію и южную часть Добруджи, Румыніа дѣлала не то, чего добивались Германія или Австріа, а то, что соотвѣтствовало ея государственнымъ интересамъ. Нападая на обезсилѣвшую во время второй балканской войны Болгарію, Румыніа поступала по принципамъ ничѣмъ не прикрытаго государственнаго эгоизма, которыхъ она придерживается и до сихъ поръ въ европейской войнѣ. Такъ же, какъ и во время балканской войны, Румыніа ждетъ минуты, когда положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій настолько опредѣлится, что присоединеніе къ тому или другому изъ воюющихъ лагерей не будетъ сопряжено для нея ни съ какимъ рискомъ. Очень возможно, что такая черезчуръ расчетливая политика можетъ,—какъ, впрочемъ, всякая другая,—оказаться въ концѣ-концовъ ошибочной. Но во всякомъ случаѣ поведеніе Румыніи подвергалось слишкомъ элементарному упрощенію, когда оно разсматрива-

лось только какъ результатъ германскаго происхожденія ея короля. Гораздо правильнѣе сказать, что личныя симпатіи покойнаго короля, писавшаго Бисмарку въ началѣ 1872 года, что онъ „неуклонно стремится къ тому, чтобы привить нѣмецкую культуру Востоку“¹⁾, находили для себя благоприятную почву въ широко распространенномъ въ румынскомъ обществѣ недовѣрїи къ русской и славянской политикѣ.

Когда молодой принцъ Карлъ отправлялся въ Румынію, ни онъ, ни его близкіе не были увѣрены въ томъ, что ему удастся справиться съ выпавшей на его долю задачей. Его отецъ писалъ тогда королю Вильгельму Прусскому: „Виттельсбахи не могли удержаться въ Греціи и Габсбургамъ, по всей вѣроятности, не удастся удержаться въ Мексикѣ“²⁾, а Бисмаркъ говорилъ Карлу румынскому на всякій случай, что если его миссія не удастся, у него останется „воспоминаніе объ интересномъ событіи (Cout) въ его жизни, за которое ему не въ чемъ будетъ себя упрекать“³⁾. Судьба однако оказалась болѣе благосклонной къ Карлу, чѣмъ онъ, можетъ быть, самъ ожидалъ, когда пробирался по Австріи въ избравшее его княжество въ качествѣ пассажира второго класса съ паспортомъ, выданнымъ на имя Карла Геттингена. Ему удалось удержаться на своемъ престолѣ и оставить Румынію въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ то, въ которомъ онъ ее засталъ въ 1866 г. Многіе склонны видѣть въ этомъ внѣшнемъ благополучіи судьбы Карла доказательства выдающихся способностей, которыми онъ будто бы обладалъ, а одна итальянская газета даже воспѣшила послѣ его смерти наградить его эпитетомъ „Великій“. Едва ли такія восхваленія соотвѣтствуютъ заслугамъ Карла. Кромѣ румынской арміи, которой онъ посвятилъ много вниманія, которую ему дѣйствительно удалось довести до высокаго уровня боевой годности, Карлъ не проявлялъ индивидуальной инициативы ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ управленіи. Его главная забота сводилась къ упроченію своего положенія и положенію его династіи въ Румыніи, а для достиженія этого онъ всегда старался по возможности не расходиться съ господствовавшими въ странѣ группами и избѣгать съ ними конфликтовъ, хотя въ душѣ онъ очень низко цѣнилъ румынскихъ политическихъ дѣятелей. Въ письмѣ, написанномъ имъ въ декабрѣ 1870 г., когда онъ собирался отречься отъ престола, Карлъ говорилъ, что несчастье Румыніи заключается въ томъ, что вожди ея политическихъ партій „пріобрѣли свое политическое и соціальное образованіе за границей, забыли условія жизни ихъ отечества и теперь стремятся перенести усвоенныя ими тамъ идеи, не подвергая

¹⁾ Aus dem Leben etc., т. II, стр. 250.

²⁾ Aus dem Leben etc., т. I, стр. 15. Трагическая смерть императора Максимилиана въ Мексикѣ дѣйствительно подтвердила предсказаніе принца Карла-Антоня.

³⁾ Ibid., т. I, стр. 18.

ихъ сперва испытанію, на родину“¹⁾. Карлъ не отдавалъ себѣ при этомъ, очевидно, отчета, что такой упрекъ въ беспочвенности по адресу мѣстныхъ политическихъ дѣятелей менѣе всего умѣстенъ въ устахъ пришельца изъ Германіи, знакомаго съ Румыніей во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ румыны, обучавшіеся за границей. Несмотря, однако, на такое пренебрежительное отношеніе къ румынскимъ политикамъ, Карлъ предоставлялъ имъ управлять страной и вступалъ съ ними въ серьезные конфликты только тогда, когда задѣвались интересы его династии. Румынія и сейчасъ поэтому является очень отсталой въ политическомъ и культурномъ отношеніи страной. Въ ней продолжаетъ политически и экономически господствовать крупное землевладѣніе, крестьянство же страдаетъ отъ остраго малоземелья, находится на крайне низкомъ экономическомъ и культурномъ уровнѣ и выражаетъ свое недовольство въ періодически повторяющихся аграрныхъ беспорядкахъ. Не стало еще фактомъ до сихъ поръ въ Румыніи и гражданское равноправіе, несмотря на постановленіе берлинскаго конгресса, который обусловилъ признаніе независимости Румыніи осуществленіемъ въ ней равенства гражданъ безъ различія вѣроисповѣданій. Въ этомъ отношеніи Румынія стоитъ далеко позади не только европейскихъ правовыхъ государствъ, но даже своихъ сосѣдокъ на Балканскомъ полуостровѣ.

И. О. Левинъ.

¹⁾ Ibid., т. II, стр. 139.

Англія и ея колоніи.

Письмо изъ Лондона.

I.

Вотъ уже третій мѣсяць, какъ льется кровь, пылаютъ города и деревни, топчутся посѣвы, портятся деревья, про которыя еще въ библии съ такимъ благородствомъ и благоразуміемъ говорится: „если долгое время будешь держать городъ въ осадѣ, то не порти деревъ его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей“; рушатся и ломаются памятники, творенія художниковъ, предметы поклоненія народовъ; сѣются злоба, ненависть, отчужденіе... Для меня пронизывающій ужасы войны свѣтлый лучъ заключается въ томъ замѣчательномъ явленіи, что во всѣ европейскіе народы, участвующіе въ настоящей войнѣ, стремятся придать ей идеальный характеръ, ее идеализировать.

II.

Для Англии идеализация войны получаетъ особое значеніе. Она, эта идеализация, обрѣла для Англии симпатіи всѣхъ тѣхъ заморскихъ демократій, которыя въ Россіи мы еще продолжаемъ называть англійскими колоніями, но которыя въ самой Англии уже извѣстны подъ новой, болѣе почтенной кличкой „Dominions“, т. - е. государства, или sister-nations (сестры-націи). Собственно говоря, эти „самоуправляющіеся доминионы“, какъ они именуется официально въ Англии, т. - е. Канада, Австралія, Нью-Фаундлендъ, Новая Зеландія и Союзъ южной Африки, такъ сильно связаны своими интересами съ Англійей, что послѣдняя всегда можетъ разсчитывать на ихъ помощь, права ли она или нѣтъ. Англійскій флотъ, англійскій капиталъ и англійская торговля имъ безусловно нужны для ихъ собственной цѣлости и независимости и для ихъ экономическаго развитія. И не столько Англія дорожитъ доминионами, сколько послѣдніе Англійей. Своимъ политическимъ тактомъ, своей

могучей творческой способностью она создала изъ маленькихъ отдаленныхъ колоній богатыхъ, сильныхъ и преданныхъ союзниковъ, готовыхъ всегда стать за нее горою. Не слѣдуетъ забывать, что столь неудачно называемый у насъ англійскій имперіализмъ на самомъ дѣлѣ представляетъ собою лишь систему круговой поруки. Какъ между самими доминионами, такъ и между ними и ихъ „метрополіей“ есть только та связь, что они другъ друга оберегаютъ и другъ другу помогаютъ. Каждый членъ этой системы вполне самостоятеленъ, но стоить напасть на одного изъ нихъ, чтобы всѣ вступились за него, и бѣдствіе одного вызываетъ сейчасъ же помощь со стороны другихъ. Нѣчто подобное въ финансовомъ мірѣ, но, конечно, въ болѣе мелкомъ масштабѣ, представляютъ собою разныя фирмы членовъ семейства Ротшильдъ. Лондонъ, Парижъ, Франкфуртъ, Вѣна ведутъ дѣла на собственный страхъ и рискъ, но когда одному изъ нихъ грозитъ банкротство или другая какая-либо бѣда, всѣ другіе шлютъ свой совѣтъ и капиталы, ибо сила каждаго изъ нихъ—въ общемъ ихъ благополучіи.

Вся колониальная система Англии или такъ называемый англійскій имперіализмъ сводится къ тому, чтобы включить въ цѣпь круговой поруки рѣшительно всѣ свои заморскія владѣнія. И такъ какъ эта цѣпь можетъ быть дѣйствительно крѣпкой лишь при добровольномъ характерѣ каждаго звена и при полной его самостоятельности, то Англія исподволь подготавливаетъ каждую свою колонію къ полному автономному управленію. Сѣтъ англійскихъ колоній представляетъ поэтому собою цѣлую гамму способовъ управленія, начиная съ чисто бюрократическаго и кончая республиканскимъ. Съ виду эта гамма можетъ казаться пестротой и случайнымъ, произвольнымъ наборомъ разныхъ видовъ управленія. Одна Индія съ ея пестрымъ разнообразіемъ зависимыхъ и полузависимыхъ принцевъ и законодательныхъ палатъ можетъ произвести впечатлѣніе какой-то безсистемности и хаотичности. Но, приглядѣвшись поближе къ каждой формѣ управленія и вникая въ исторію той или другой провинціи или колоніи, невольно приходишь къ заключенію, что во всемъ этомъ кроется дивная стройность, какой-то бессознательный ростъ великаго государственнаго организма, медленно, но удивительно цѣлесообразно подготавливающаго каждый членъ свой. И вся эта внутренняя стройность, кажущаяся снаружи такой разнородной и разномастной, истекаетъ изъ одного источника—изъ чувства добропорядочности и доброжелательства, изъ желанія создать себѣ не новыхъ „подданныхъ“, не „управляемыхъ“, а союзниковъ и друзей, создать одинаковость государственныхъ интересовъ, стихійно влекущую за собою крѣпкую взаимную, добровольную связь.

Я нарочно остановился здѣсь нѣсколько на колониальной системѣ Англии, чтобы, во-первыхъ, для читателя была болѣе ясна преданность

доминионовъ своей метрополи и, во-вторыхъ, важность для Англии показать себя въ ореолѣ правды и справедливости, особенно передъ лицомъ тѣхъ колоній, какъ Индія, Вестъ-Индія и нѣкоторыя другія владѣнія ея, которыя еще не достигли полного государственнаго сознанія, какъ звенья одной великой цѣпи. И слѣдуетъ сказать, что Англии это удалось въ высшей степени, удалось потому, что население во всѣхъ ея отдаленнѣйшихъ колоніяхъ вѣрится въ нее, въ ея честность и гуманность.

Конечно, наиболѣе слабымъ мѣстомъ казалась Индія, не потому, чтобы въ Инди правленіе англичанъ было чѣмъ-либо хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но потому, что за предѣлами Инди жители ея, темнокожіе индусы, встрѣчаютъ со стороны другихъ частей британской имперіи далеко не хорошее къ себѣ отношеніе. Австралія, Союзъ южной Африки и Канада въ большей или меньшей степени установили ограниченія для вѣзда „азиатовъ“, хотя бы и британскихъ подданныхъ. Такое отношеніе не только не могло воспитывать чувство общности и имперскаго братства, но скорѣе должно было посѣять озлобленіе и отчужденность въ сердцахъ индусовъ противъ главныхъ британскихъ доминионовъ, и можно было опасаться, что это же озлобленіе будетъ перенесено на всю цѣпь круговой поруки и, слѣдовательно, на самое Англию. Очень вѣроятно, что на такое озлобленіе Инди противъ самой метрополи и рассчитывала Германія. Но въ такомъ случаѣ послѣдняя, какъ показали событія, глубоко ошиблась. Быть можетъ, во всей исторіи Англии, во всякомъ случаѣ во всей исторіи англійской колониальной политики, ни одно посланіе, ни одно сообщеніе не могло такъ наполнить сердца англичанъ справедливой гордостью, какъ посланіе вице-короля Инди, прочитанное 9 сентября (н. с.) въ засѣданіи англійскаго парламента. Вице-король сообщилъ, что рѣшительно всѣ правители и принцы вассальныхъ территорій, числомъ до семисотъ человекъ, единодушно предложили какъ свои личныя услуги, такъ и свои войска и имущество на защиту имперіи. Нѣкоторые ветераны-старики изъ махараджъ умоляли вице-короля послать ихъ на театръ войны вмѣстѣ съ индійскимъ войскомъ. Многіе дербары (туземныя правительства) соединились для устройства судового госпиталя подъ именемъ „Лояльность“ для сопровожденія экспедиціонной арміи.

Правитель Гваліора предложилъ огромныя суммы денегъ и высказалъ готовность поставить для британской арміи тысячу лошадей. Изъ Пэнджаба и Белуджистана изъявили готовность доставить даромъ верблюдовъ и содержать ихъ вмѣстѣ съ ихъ погонщиками во все время войны. Махараджа изъ Ревы предложилъ, кромѣ войска и денегъ, даже его личныя драгоценныя вещи изъ золота и брилліантовъ.

Здѣсь было бы долго и монотонно приводить всѣ доказательства

вѣрности, перечисленные въ телеграммѣ вице-короля Индіи. Достаточно сказать, что когда Чарльзъ Робертсъ, товарищъ министра по дѣламъ Индіи, прочелъ эту телеграмму, то членъ парламента, социалистъ Вилль Торнъ, воскликнулъ: „пошлите копію съ нея кайзеру!“

И дѣйствительно, ничто больше не могло такъ свидѣтельствовать о силѣ и мощи Англии и о грубомъ промахѣ Германіи, какъ это посланіе вице-короля. Недаромъ *Daily News* на другой день могла съ гордостью заявить въ своей передовой статьѣ: „Либеральный принципъ самоуправленія, составляющій краеугольный камень британской имперіи, получилъ въ послѣдніе дни свое торжественное оправданіе“. Въ то же время *Times* напечаталъ выдержки изъ рѣчей туземныхъ членовъ законодательнаго совѣта въ Бомбей. Совѣтъ этотъ, состоящій изъ 68 членовъ, включаетъ множество индусовъ, изъ которыхъ 27 выборныхъ, и вождь послѣднихъ Малавайя между прочимъ заявилъ слѣдующее: „Индія признаетъ свой долгъ въ этотъ моментъ и, если на то будетъ воля Бога, не остановится передъ жертвами, людьми и деньгами, для того, чтобы доставить торжество британскому оружію, потому что только отъ этого оружія мы ждемъ торжества права надъ силой, цивилизаціи надъ милитаристскимъ варварствомъ Германіи, правомѣрной свободы надъ милитаристскимъ рабствомъ“.

Вы видите, какъ важно было для Англии внушить и своимъ индусскимъ народамъ мысль и убѣжденіе въ высокой идеалистической цѣли войны и какую прекрасную службу ей сослужила ея давнишняя честная и гуманная политика въ управленіи многомиллионными народами Индіи, снискавшая ей довѣріе и признаніе. Хотя въ то же время слѣдуетъ признать, что въ тайнѣ души своей индусы питаютъ надежду, что это братство народовъ британской имперіи на полѣ битвы не можетъ не привести и къ равенству и въ мирной жизни. По крайней мѣрѣ, это видно изъ словъ вице-короля, отвѣчавшаго на дебаты въ законодательномъ совѣтѣ Индіи. „Не могу не сознавать,—сказалъ онъ,—что результатомъ явится установленіе лучшихъ отношеній между составными частями британской имперіи; многія недоразумѣнія будутъ устранены, и существующія теперь неудовольствія будутъ разрѣшены дружелюбнымъ и великодушнымъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ зло можетъ послужить добромъ для Индіи, чего мы всѣ желаемъ“.

Но каково бы ни было истинное объясненіе лояльности индусовъ, она дала полное право королю Георгу V въ своемъ посланіи къ „князьямъ и народамъ моей индійской имперіи“ высказать имъ глубокую благодарность за сочувствіе и заявить, что „среди всѣхъ проявленій единодушнаго выступленія народовъ моей имперіи въ защиту ея единства и цѣлости ничто больше меня не тронуло, какъ страстная преданность моему трону, выраженная одинаково какъ моими индійскими

подданными, такъ и вассальными князьями и правящими старшинами Индіи“.

Само собою разумѣется, что для Англіи не столько важна помощь Индіи, ея армія и средства, хотя и эта помощь имѣетъ свою большую военную цѣнность. Значеніе лояльности Индіи заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она даетъ возможность британской имперіи сосредоточить все свое вниманіе и всѣ свои силы на одной борьбѣ съ Германіей, безъ опасеній и страха за цѣлость самаго крупнаго жемчуга въ коронѣ британской имперіи, за безопасность самой Индіи. При выраженіяхъ этой лояльности Англіи нечего бояться въ этотъ опасный для нея моментъ возстаній и тайныхъ козней враговъ среди фанатично настроеннаго и быстро воспламеняемаго населенія. Одно то, что Англія можетъ спокойно вывезти изъ Индіи часть своего войска, и безъ того очень небольшого для такой обширной и столь плотно населенной территоріи, какъ Индостанъ и прилежащія къ нему провинціи, уже говорить о прочности ея престижа на Востокъ и о великомъ искусствѣ ея колониальной политики.

III.

Мы видѣли, какъ даже народы Индіи, чуждые по расѣ, религіи и языку, обиженные доминіонами и не признаваемые послѣдними, какъ равноправные члены одной великой имперіи, горячо примкнули къ своей метрополи, хотя что они нѣмцамъ и что нѣмцы имъ? Тѣмъ больше, конечно, было основаніе не только принять сторону своей метрополи, но и проявить большое матеріальное участіе для доминіоновъ, связанныхъ съ нею кровными узами, культурой, языкомъ, религіей и общими историческими преданіями и славой. Если въ глазахъ индусовъ Англія обязана была морально охорашиваться и выступать борцомъ за великіе принципы, то передъ доминіонами она всегда была бы права уже тѣмъ, что ей грозитъ какая-либо опасность. Едва разразился военный кризисъ, изъ всѣхъ колоній стали появляться въ Лондонѣ телеграммы съ сообщеніями о предложеніи помощи людьми и товарами, военными и коммерческими судами. Изъ провинцій Канады, изъ штатовъ Австраліи и южной Африки, изъ Родезіи и Новой Зеландіи, изъ Ямайки и Цейлона, и разныхъ другихъ колоній передавались сочувственныя резолюціи, принятія единодушно мѣстными представительными учрежденіями, на публичныхъ митингахъ и въ собраніяхъ разныхъ обществъ. Въ Канадѣ готовность помогать метрополи была высказана не только нынѣшнимъ премьеръ-министромъ Борденомъ, но и его предшественникомъ, нынѣшнимъ главою оппозиціи, сэромъ Вильфридомъ Лорье, который, вообще, извѣстенъ за сторонника невмѣшательства Канады въ

войны, затѣваемая метрополіей. Возможно, что въ данномъ случаѣ нападеніе Германіи на Францію не могло не вызвать въ немъ, какъ въ природномъ французѣ, чувства протеста и отпора.

Въ Австрали какъ разъ въ первые дни войны происходили общіе выборы, на которыхъ побѣдила рабочая партія, и вмѣсто Кука въ должность премьера вступилъ опять вождь ея Фишеръ, бывший уже главою кабинета въ 1908—1909 гг. и съ 1910 по 1913 г. Но перемѣна кабинета ничуть не повліяла на отношеніе Австраліи къ войнѣ. Потому ли, что политически она болѣе заинтересована въ исходѣ борьбы, или по другой причинѣ, но она еще болѣе горячо, чѣмъ Канада, выказала свое сочувствіе и словами, и дѣломъ. Еще наканунѣ телеграфъ передалъ заявленія нѣкоторыхъ главныхъ членовъ кабинета Австраліи, сдѣланныя ими на публичномъ митингѣ, происходившемъ по случаю торжественнаго чисто мѣстнаго событія. „Подавление безумнаго милитаризма потребуетъ много времени, но мы будемъ продолжать посылку людей до самаго конца войны“, сказалъ министръ обороны Пирсъ. Премьеръ-министръ Фишеръ сказалъ: „Англія воюетъ за челоуѣчество, ради поддержки безсмертной Бельгіи и ради права маленькихъ народовъ на жизнь, и австралийцы отдадутъ послѣдній кусокъ, нужный для ихъ существованія, чтобы помогать ей“.

Юзъ, генеральный атторней (государственный юрисконсультъ), замѣтилъ: „Кайзеръ, самъ того не вѣдая, сплотилъ и упрочилъ британскую имперію, совершивъ разомъ то, чего не могли бы сдѣлать и пятьдесятъ лѣтъ пропаганды“.

Особенно, конечно, поразительна лояльность и сочувствіе Союза южной Африки, этого доминиона, въ которомъ главную роль играютъ буры, еще сравнительно такъ недавно боровшіеся ожесточенно противъ Англии съ оружіемъ въ рукахъ. Быть можетъ, ни на какой-другой колоніи Англии такъ ярко не сказалась волшебная сила принциповъ свободы національности и доброжелательнаго отношенія, какъ на Союзѣ южной Африки.

Положеніе Союза южной Африки оказалось особеннымъ не только потому, что его правительство состоитъ почти изъ однихъ буровъ и что глава этого правительства, генераль Бота, былъ въ свое время главнокомандующимъ бурской арміи въ войнѣ противъ Англии. Это придавало вопросу объ отношеніяхъ Союза къ войнѣ своего рода пикантность и романтизмъ, но этимъ дѣло не ограничивалось. Отъ южноафриканскаго Союза требовалось нѣчто большее, чѣмъ одно выраженіе сочувствія или посылка отряда въ Европу. Во-первыхъ, отрядъ могъ бы быть набранъ изъ англичанъ, а не изъ буровъ, а одно выраженіе сочувствія безъ дѣла мертво есть. Нѣтъ, Союзъ выдержалъ болѣе серьезную пробу, такъ какъ Англія обратилась къ нему съ просьбой

взять на себя военныя дѣйствія противъ германской колоніи въ юго-западной Африкѣ. Тутъ уже дѣло шло о томъ, чтобы именно буры, главное государство которыхъ, Трансвааль, находится въ близкомъ разстояніи отъ нѣмецкихъ владѣній, уже всецѣло, какъ народъ, вступили въ войну съ Германіей. Бота сейчасъ же принялъ это предложеніе, но когда онъ съ своей стороны предложилъ главнокомандующему оборонительными силами Союза южной Африки, генералу Бейерсу, тоже бурскому вождю, привести въ исполненіе желаніе метрополи, то послѣдній подалъ въ отставку, и Бота долженъ былъ самъ принять на себя главное начальствованіе надъ южно-африканскимъ войскомъ. Дѣйствія Боты нашли полное одобреніе въ народѣ и парламентѣ, и этимъ, собственно, съ формальной стороны инцидентъ между двумя бурскими генералами былъ исчерпанъ. Но съ внутренней стороны онъ раскрылъ психологію буровъ и въ то же время подалъ поводъ къ весьма любопытнымъ заявленіямъ недавнихъ враговъ Англии. Здѣсь потребовалось бы слишкомъ много мѣста для полнаго воспроизведенія этихъ заявленій. Но не можемъ не привести наиболѣе существенныя выдержки изъ нихъ.

Въ своемъ письмѣ отъ 15 сентября н. с., посланномъ министру обороны Сметсу, тоже буру, генералъ Бейерсъ заявляетъ о своемъ отказѣ отъ должности главнокомандующаго и при этомъ онъ объясняетъ причины этого своего поступка.

„Утверждаютъ,—пишетъ онъ,—что Великобританія приняла участіе въ войнѣ во имя права и справедливости, ради защиты независимости меньшихъ государствъ и ради достоюлжнаго исполненія договоровъ. Но уже тотъ фактъ, что три министра въ Англии подали въ отставку, показываетъ, что и въ самой Англии есть значительное меньшинство, которое не убѣждено въ справедливости войны съ Германіей. Исторія учитъ насъ, что въ концѣ-концовъ и Великобританія не всегда соблюдаетъ священныя права независимости меньшихъ народовъ или святость трактатовъ...

„Заявляютъ, что война ведется противъ варварства нѣмцевъ. Я простилъ, но не забылъ всѣ тѣ варварства, которыя были учинены въ нашей собственной странѣ во время южно-африканской войны. За очень малыми исключеніями всѣ фермы, не считая многихъ городовъ, были Лувснами, о которыхъ мы такъ много слышимъ теперь...“

Доказывая дальше, что никакой опасности нападенія со стороны нѣмцевъ на территорію Союза нѣтъ, что и намѣренія такого со стороны нѣмцевъ никогда не было, генералъ Бейерсъ говоритъ, что „если бы такое нападеніе случилось, то буры и британцы защищали бы эту страну бокъ-о-бокъ, и я считалъ бы тогда великой честью и привилегіей стать во главѣ нашихъ силъ въ защиту отечества“.

Какой же отклик встрѣтилъ Бейерсъ на это столь обидное для Англїи заявленіе?

Раньше всего ему отвѣтилъ генераль Сметсъ, принявшій его отставку, хотя и съ большой болью въ дунѣ. Послѣ нѣкоторыхъ упрековъ чисто дѣлового характера Сметсъ пишетъ: „Ваши жестокія нападки на Великобританію не только не имѣютъ никакого основанія, но еще къ тому очень неумѣстны въ военное время въ устахъ главнаго командира въ одномъ изъ британскихъ доминионовъ. Ваша ссылка на варварскія дѣйствія въ южно-африканскую войну не можетъ служить оправданіемъ преступнаго опустошенія Бельгїи и можетъ только посѣять вражду и раздоры среди народа въ южной Африкѣ. Вы забыли упомянуть, что со времени южно-африканской войны британскій народъ далъ южной Африкѣ полную свободу подѣ конституціей, которая даетъ намъ возможность развивать наши національные идеалы въ какомъ угодно намъ направленіи и которая, напримѣръ, позволяетъ вамъ безнаказанно писать письмо, за которое въ германской имперїи вы, несомнѣнно, подлежали бы самому суровому наказанію...“

„Въ отношеніи части населенія, говорящей на голландскомъ языкѣ,—говоритъ дальше Сметсъ,—я не могу представить себѣ болѣе фатальной и унижительной политики, какъ та, которая дѣлаетъ ничего нестояща заявленія лояльности въ тихую погоду и выражаетъ нейтральность и про-германскія чувства въ дни грозы и бури. Если многого, послѣ нашей прошлой войны, мы не въ силахъ будемъ сдѣлать, то все же я убѣжденъ, что народъ поддержитъ правительство въ исполненіи имъ воли парламента, и только этимъ путемъ мы исполнимъ нашъ долгъ по отношенію къ южной Африкѣ и Имперїи и сохранимъ нашу честь, столь дорого намъ обошедшуюся, незапятнанной для будущихъ временъ“.

Слѣдуетъ, однако, признать, что генераль Бейерсъ, отказавшись повести войско противъ германцевъ, ничуть не имѣлъ въ виду чѣмъ-либо обидѣть Англїю, которой онъ безусловно вѣренъ. Онъ бы отказался напасть на германскую колонію, если бы онъ шелъ и подѣ роднымъ бурскимъ флагомъ. Онъ просто счелъ невозможнымъ нападеніе, разъ нѣмцы оставляютъ англійскую колонію въ покоѣ. И когда на митингѣ фермеровъ въ Лихтенбергѣ (въ Трансваалѣ), гдѣ онъ объяснялъ свое поведеніе, кто-то изъ слишкомъ усердныхъ его поклонниковъ развернулъ старый флагъ Оранжевой республики, генераль Бейерсъ сказалъ: „Пожалуйста, этихъ глупостей намъ здѣсь не надо“.

Еще болѣе показателенъ для настроенія бурскаго населенія и поучителенъ манифестъ, изданный партией гертцогистовъ. Эта партія, слѣдующая за генераломъ Гертцогомъ, принадлежитъ къ наиболѣе крайнимъ націоналистамъ и очень сильна въ Оранжевомъ штатѣ, имѣя въ

то же время не мало сторонниковъ и въ капской, и трансваальской провинціяхъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого манифеста:

„Мы настоящіе и вѣрные южно-африканцы. Англія не наша родина, не страна нашего происхожденія, и поэтому отъ насъ нельзя ожидать того энтузіазма, какой могутъ проявить тѣ, которые называютъ Великобританію „родиной“, „старой страной“, „отечествомъ“... Прошло всего 12 лѣтъ, какъ буры потеряли свою независимость. Несмотря на это, среди нихъ нѣтъ ни одного человѣка теперь, который хотѣлъ бы видѣть англійскій флагъ волочащимся въ прахъ... Англія дала намъ, народу южной Африки, независимость и сдѣлала насъ полными господами нашихъ собственныхъ судебъ. Мы одни отвѣтственны за наши дѣйствія. Даже въ настоящій критическій моментъ Англія не стала бы навязывать кому-либо изъ самоуправляющихся доминионовъ тотъ взглядъ, что онъ обязанъ принимать участіе въ войнѣ. Если бы доминионы держались въ сторонѣ и провозгласили себя нейтральными, то это, вѣроятно, наполнило бы горечью великое сердце Англіи, но ни малѣйшаго принужденія она бы не оказала. Но, благодареніе Богу, мы знаемъ, что для доминионовъ было бы невозможно оставаться простыми зрителями того, какъ силы Англіи истощаются и она истекаетъ кровью. Слава Богу, до такого положенія дѣло еще не дошло, и нужно молиться, чтобы никогда такого положенія и не случилось. Но если бы доминионы такъ поступили, то они покрыли бы себя вѣчнымъ срамомъ и заслужили бы быть стертими съ лица земли. Вотъ каково положеніе дѣла. Англія дала намъ независимость и предоставила намъ самимъ рѣшить, принять ли добровольное участіе въ войнѣ или нѣтъ“.

С. И. Рапопортъ.

Лермонтовъ и современность.

Страннымъ можетъ показаться это сопоставленіе: поэтъ-титанъ, пѣвецъ личности, „поэтъ сверхчеловѣчества“ и наше „безлично“-массовое время.

Гдѣ у насъ личность? Исчезла, потонула въ кровавомъ туманѣ... Или это мы огрубѣли, потеряли способность воспринимать что-нибудь отдѣльное, индивидуальное? Мы понимаемъ, чувствуемъ только стихію... Это стихія не подавленности и унынія, а, напротивъ, какого-то трагическаго, *предельнаго* героизма,—героизма, отъ котораго уже стонетъ земля; только стоновъ этихъ мы не слышимъ, ибо охвачены однимъ страстнымъ желаніемъ итти безостановочно до конца.

Мысли теперь мчатся такимъ же горячечнымъ вихремъ, какъ и событія. Онѣ тоже яркія, рѣзко опредѣленныя. Ихъ невозможно остановить на чемъ-нибудь маленькомъ, тихомъ, будничномъ.

Вотъ почему такъ трудно сейчасъ сосредоточиться на обыденной, „психологической“, еще недавно почти злободневной для насъ литературѣ. Какъ-то внезапно оборвались всѣ связывающія съ нею нити...

Мы такъ привыкли къ тому, что эта насквозь „индивидуалистическая“ литература—наша, что она прислушивается къ біенію нашего сердца и реагируетъ на каждый булавочный уколъ, отражаетъ наши настроенія... И, вдругъ, все это стало ненужнымъ.

Не случайно ступевалась, отгѣснена другимъ матеріаломъ эта статическая, рефлектирующая литература будней. Съ нею порвалась связь читателя. Угасъ къ ней интересъ. Нѣтъ для нея мѣрила.

Давно ушедшій отъ насъ, мятежный поэтъ бурь былъ чуждъ всего будничнаго и обыденнаго. Это и сближаетъ его съ нашей современностью.

Русское героическое, дѣйственное начало ни въ комъ изъ нашихъ поэтовъ не воплотилось съ такой силой и цѣльностью, какъ въ Лермонтовѣ. Оно органически присуще его художнической природѣ, его личности.

Въ Лермонтовѣ не было и не могло быть ни при какихъ услови-

яхъ той раздвоенности, на которую жаловался Некрасовъ: „Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ, пѣсня мнѣ мѣшала быть борцомъ“...

Лермонтовской поэзіи борьба не помѣшала бы. Она, можетъ быть, положила бы ранній предѣлъ жизни поэта точно такъ, какъ его нелѣпая дуэль. Но лиры она не обезсилила бы, а, напротивъ, окрылила бы.

Борьба была насущной потребностью Лермонтова. Сталъ ли бы онъ активнымъ революционеромъ, какъ это мерещится нѣкоторымъ критикамъ, или героемъ-патріотомъ, сражающимся „на передовыхъ позиціяхъ“ такой войны, какъ наша,—все равно: это дало бы выходъ „необъятнымъ силамъ“ его души.

„Всегда кипить и зрѣть что-нибудь въ моемъ умѣ... желанье и тоска тревожатъ безпрестанно эту грудь“... — восклицаетъ юноша-поэтъ.—„Мнѣ жизнь все какъ-то коротка, и все боюсь, что не успѣю я свершить чего-то... Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь великаго героя и понять я не могу, что значить отдыхать“...

А кругомъ, въ это время, была общественная пустыня, въ которой замерла всякая жизнь.

И пламенное стихотвореніе „На смерть Пушкина“, и замѣчательная „Дума“ проникнуты мятежнымъ отрицаніемъ современности. Поэтъ упрекаетъ свое поколѣніе за вялость чувствъ, за „бездѣйствіе“.

Къ добру и злу постыдно равнодушны
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы...

„Бездѣйствіе“ для Лермонтова—худшій изъ пороковъ. Ему „жизнь скучна, когда боренья нѣтъ“... Въ активности—въ борьбѣ для него содержаніе жизни. Исканіе ея, „жажда бури“—одинъ изъ главныхъ мотивовъ его поэзіи, звучащій съ одинаковою силой и въ раннихъ, и въ позднихъ произведеніяхъ.

И задача поэта, по Лермонтову, заключается въ томъ, чтобы „могучими словами“ „воспламенить“ „бойца для битвы“. Поэта виѣ этой цѣли онъ сравниваетъ съ заржавленнымъ кинжаломъ. Особенно бунтарски звучитъ конецъ этого стихотворенія.

Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

По выраженію Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, „двѣ души жили въ Лермонтовѣ: одна—страстная, сильная, бурная, героическая, другая—усталая, разочарованная, „увидшая въ буряхъ рока, подъ знойнымъ солнцемъ бытія“.

Эта-то первая, основная душа Лермонтова особенно родственна намъ теперь, въ дни трагизма.

Почти вся наша литература, от Пушкина до новѣйшихъ писателей: Чехова, Зайцева — созерцательная. Она отражаетъ и раскрываетъ подлинно русскія національныя черты. Мы привыкли ей вѣрить и представляемъ себѣ русскаго человѣка именно такимъ, какимъ она его показываетъ: пассивнымъ созерцателемъ, мечтателемъ, склоннымъ къ „недѣланію“. Одной стороною — „усталой душой“ — Лермонтовъ тоже примыкаетъ къ этой національной психологии. Но вторая, „бурная, героическая“ душа Лермонтова въ эти рамки не вмѣщается и говоритъ о совѣмъ другихъ нашихъ національныхъ свойствахъ. Какъ метеоръ, онъ внезапно озарилъ въ насъ это другое и исчезъ. Если бы не онъ, мы, можетъ быть, такъ и не знали бы, что оно въ насъ есть.

Только въ эти дни національнаго подъема и изступленной борьбы мы всей душой чувствуемъ, что это лермонтовское другое — подлинно наше, что, по природѣ, русскій человѣкъ не только философъ-моралистъ, а и боець, активный созидатель своей жизни.

Борьба всѣхъ видовъ и бури наполняютъ поэзію Лермонтова. Въ этомъ ея пафосъ. Самыя яркія сцены его поэмъ — тѣ, въ которыхъ изображена борьба: въ „Мцыри“ борьба героя съ барсомъ, въ „Измаиль-беѣ“ и „Валерикѣ“ жаркія схватки съ горцами. Даже колыбельная пѣснь у Лермонтова — „казачья“, боевая.

Смѣло вдвнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье...
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью.

Каждый изъ героев лермонтовскихъ произведений, несмотря на печать разочарованія и усталости, заимствованную отъ вѣка, брызжетъ энергіей, каждый — отчаянный смѣльчакъ и храбрець.

Таковъ и самъ Лермонтовъ-офицеръ. Тотъ фактъ, что онъ бросилъ университетъ со всѣми его научными и философскими кружками ради военной службы, показываетъ, какъ нетерпѣливо онъ стремился поскорѣе ринуться въ жизнь. Онъ не разъ отличался въ бояхъ и былъ представляемъ къ наградамъ, организовывалъ подъ своей командой партизанскій отрядъ смѣльчаковъ для набѣговъ на непріятели и, вообще, показывалъ чудеса храбрости.

Военная психологія Лермонтова очень сложна и весьма характерна для него, какъ писателя и русскаго человѣка.

Онъ сражается со всѣмъ пыломъ, упивается успѣхомъ, чуть не поэтизируетъ страшную стихію войны. Объ этомъ говорить не только настроеніе его героев въ описываемыхъ бояхъ, а и его непосредственныя признанія. Послѣ кровопролитной стычки при Валерикѣ онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: „У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а у нихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ, — кажется, хорошо!... Я вошелъ

во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными“...

Но военный энтузіазмъ страннымъ образомъ уживается въ Лермонтовѣ съ органическимъ отрицаніемъ самой идеи войны, тѣмъ безповоротнымъ отрицаніемъ, которое свойственно всей нашей гуманной литературѣ и ярче всего выразилось у Толстого.

Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?

Это раздумье мы встрѣчаемъ въ „Валерикѣ“ послѣ одной изъ описанныхъ тамъ „увлекательныхъ“ схватокъ, когда „люди рѣзались жестоко“, „какъ звѣри молча, съ грудью грудь“, и „мутная волна“ рѣки „была тепла, была красна“...

Въ своемъ отрицаніи Лермонтовъ идетъ еще дальше. Въ его мечтахъ о будущемъ челоѣчества совсѣмъ нѣтъ мѣста для войны.

„Теперь я вижу: пышный свѣтъ не для людей былъ сотворенъ. Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ... Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ, чистѣйшимъ существамъ... Не будутъ проклинать они... И братьевъ праведную кровь они со смѣхомъ не прольютъ... Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли) слетаться ангелы. А мы увидимъ этотъ рай земли, окованы надъ бездной тьмы“...

Эта лермонтовская двойственность въ вопросѣ о войнѣ должна встрѣчать у насъ особенно живой откликъ. Развѣ не испытываемъ мы такой же раздвоенности?

Жесточайшая изъ войнъ, которой мы стали участниками и свидѣтелями, требуетъ безпрестанныхъ страшныхъ усилій, неисчислимыхъ жертвъ, неслыханнаго геройства. Ни въ чемъ этомъ нѣтъ недостатка. И идущіе, и остающіеся сливаются въ одномъ общемъ чувствѣ солидарности—въ любви другъ къ другу и къ родинѣ, въ страстномъ желаніи побѣды...

Но развѣ и тѣ, что безстрашно уходятъ съ готовностью умереть, и тѣ, что съ мучительной тоской ихъ провожаютъ, не находятъся подъ гнетомъ одной и той же ужасной всезаполняющей мысли?

Не о конкретной необходимости *этой* войны, не о ея благородныхъ мотивахъ и благихъ цѣляхъ всѣ думаютъ. Думаютъ, каждый про себя, въ тайнѣ, о неприемлемой сущности всякой войны.

Отвлечь отъ этой для всѣхъ роковой, способной свести съ ума мысли можетъ только одно: все растущая, быть можетъ, иррациональная увѣренность, что эта катастрофа—послѣдняя для культурнаго челоѣчества, что приближается моментъ, когда повтореніе ея станетъ невозможнымъ.

Придутъ, послѣ насъ, „другія чистыя существа“... Они не будутъ проливать братской крови... Къ нимъ станутъ слетаться ангелы...

Есть въ Лермонтовѣ еще одна черта, которая роднитъ его съ нами: его живое національное чувство.

Еще въ юные дни романтизма, когда поэтъ мечталъ о вѣнцѣ Байрона, въ немъ ярко прорывалось національное самосознаніе:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Лермонтовъ — настоящий искренній патриотъ. Но его патриотизмъ— весьма сложный аккордъ разнообразныхъ чувствъ: отъ простодушной восторженности „Бородина“ до „странной любви“ къ „отчизнѣ“, которую поэтъ высказываетъ въ стихотвореніи „Родина“.

Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ тѣлѣхъ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожаще огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Это всегда любовь славянофильскаго оттѣнка, при всемъ разнообразіи ея проявленій. Да и можетъ ли она быть иною?

„Умомъ Россіи не понять... Въ Россію можно только вѣрить“... писалъ въ одномъ изъ патриотическихъ стихотвореній Тютчевъ.

„У Россіи нѣтъ прошедшаго. Она вся въ настоящемъ и будущемъ“... пишетъ Лермонтовъ въ своей записной книжкѣ.

„Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21 году проснулся отъ тяжелаго сна, и всталъ, и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей, и побѣдилъ ихъ и сѣлъ надъ нами царствовать... Такова Россія“.

Характерно, что эти героическія записи сдѣланы въ 1841 г., въ томъ самомъ году, когда написана и мирная идиллическая „Родина“.

Лермонтовъ жаловался на то, что у него не было русской няни, какъ у Пушкина. Но къ источникамъ родной поэзіи онъ пріобщился очень рано—къ тому его располагала его „русская душа“. Изумительная красота и колоритность такихъ его произведеній, какъ „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“, показываютъ, что народные корни были въ его поэзіи прочнѣе и сочинѣе всѣхъ „байронизмовъ“. Это — совсѣмъ нашъ поэтъ.

Е. Колтоновская.

Начало войны.

Опытъ дипломатической исторіи.

Какъ началась война?

Можетъ казаться, что нѣтъ надобности ставить вопроса. Повидимому, весь міръ знаетъ, что и какъ произошло за тѣ тринадцать дней, которые отдѣляютъ врученіе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи отъ врученія англійскаго ультиматума Германіи, тринадцать, вѣроятно, самыхъ яркихъ дней въ исторіи послѣдняго столѣтія, и я ничего не могу прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя съ начала войны сдѣлались достояніемъ гласности. И тѣмъ не менѣе попытка еще разъ мысленно вернуться къ общеизвѣстному и всѣми обдуманному можетъ, на мой взглядъ, быть оправдана. Мы читали газеты, слушали рѣчи министровъ, изучали оранжевую книгу, можетъ быть, прочли документы, представленные англійскому парламенту, и документы, представленные рейхстагу, но все это проходило черезъ наше сознание по мѣрѣ того, какъ издавалось или какъ попадало въ Россію, т.-е. проходило въ порядкѣ случайномъ, не такъ, какъ развивались событія, а такъ, какъ мы о нихъ узнавали. Теперь можно собрать всѣ данныя, попытаться каждое изъ нихъ поставить на свое мѣсто и по свѣжимъ слѣдамъ возстановить истинный ходъ исторіи. Я не имѣю претензіи открыть глубокія и отдаленныя причины войны и сомнѣваюсь даже въ возможности свести къ фатальной и необходимой игрѣ такихъ „причинъ“ ея возникновеніе. Условій, вызвавшихъ борьбу, безконечное множество, малыхъ и большихъ, близкихъ и отдаленныхъ, какъ безконечно сложно то, что мы называемъ однимъ и, съ перваго взгляда, простымъ словомъ „война“. Графъ Берхтольдъ велъ свой историческій разговоръ 15/28 поля съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ такъ, а не иначе,—и потому, что онъ обладалъ опредѣленными личными свойствами, и потому, что его окружала опредѣленная среда, и потому, что былъ убитъ эрцгерцогъ, и потому, что австро-венгерская политика потерѣла фiasco во время балканскаго кризиса 1912—1913 годовъ, и потому, что до Берхтольда на Баллыладѣ си-

дѣлъ графъ Эренталь и объявилъ аннексию Босніи и Герцеговины, а до того совершалась турецкая революція, а ранѣе русско-японская война и еще ранѣе былъ Берлинскій конгрессъ и жилъ Андраши, и т. д., и т. д. Вмѣсто обманчиваго „прагматизма“ я ищу лишь точнаго описанія всего важнаго въ томъ, что на самомъ дѣлѣ совершилось. Такое описаніе есть первый ключъ къ исторіи: какъ было—лучшее объясненіе, почему было. Я предлагаю опытъ таковаго описанія начала войны, хочу возможно полно рассказать, что совершилось за тѣ тринадцать дней, въ теченіе которыхъ мирная вѣра Европа вошла въ полосу величайшаго историческаго испытанія.

1.

В ѣ н а.

15/28 іюня 1914 г. былъ убитъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. 10/23 іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ, содержащій рядъ всѣмъ памятныхъ требованій и приглашавшій сербовъ дать имъ удовлетвореніе въ теченіе 48 часовъ. Уже продолжительность срока, отдѣлявшаго день убійства отъ дня ультиматума, указывала, что бумага австрійцевъ писалась не торопясь, много разъ обдумывалась, вѣроятно, обсуждалась во всѣхъ инстанціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что весь австро-венгерскій дипломатическій аппаратъ былъ заведенъ самымъ аккуратнымъ и тщательнымъ образомъ: всѣмъ посламъ и посланникамъ было сказано, что, гдѣ и какъ говорить, объясняя бумагу; у союзниковъ — навѣрное въ Берлинѣ и, вѣроятно, въ Римѣ — была испрошена поддержка; посланнику въ Бѣлградѣ было сказано, какъ онъ долженъ уѣзжать въ случаѣ отказа принять ультиматумъ. Несомнѣнно столь же внимательно были обсуждены и военныя мѣры воздѣйствія на Сербію. Даже сербамъ было точно указано, что имъ надлежало дѣлать, въ какой газетѣ печатать повинную за „соучастіе“ въ убійствѣ эрцгерцога, даже на какой страницѣ газеты. Дипломатическая техника торжествовала. Спрашивается, торжествовало ли дипломатическое искусство? Были ли согласованы цѣли и средства, были ли зрѣло обдуманы задачи, ясно оцѣнены всѣ возможности?

Прежде всего, какова была задача? Австрійскіе дипломаты давали разныя объясненія, приуроченныя къ разнымъ слушателямъ. Есть, прежде всего, официальная версія, которую имъ предписано было излагать въ столицахъ великихъ державъ, передавая текстъ ультиматума. Это—версія, такъ сказать, „оборонительная“: Австро-Венгріи угрожаетъ „преступная агитація“ Сербіи, „интриги“ Сербіи вызвали царубійство, надо побудить Сербію остановить „разрушительное“ движеніе. „Импера-

торское и королевское правительство убѣждено“, говорилось въ официальномъ документѣ, который оставилъ австрійскій посолъ въ Вѣнѣ графъ Менздорфъ сэру Эдуарду Грею на слѣдующій день послѣ передачи ультиматума, „что, принимая этотъ шагъ, оно находится въ полномъ согласіи съ чувствами, раздѣляемыми всѣми цивилизованными націями, которыя не могли бы допустить, чтобы царубійство сдѣлалось оружіемъ, которымъ можно было бы безнаказанно пользоваться въ политической борьбѣ, и чтобы европейскій миръ постоянно нарушался течениями, исходящими изъ Бѣлграда“¹⁾. Это объясненіе задачъ Австріи множество разъ повторялось на разные лады: можно думать, что вѣрили въ его особливую убѣдительность. Его повторяли даже тогда, когда событія его опровергли съ достаточной наглядностью. Германскіе послы, которымъ имперскій канцлеръ предписалъ телеграммой, отправленной въ день австрійскаго ультиматума, поддерживать этотъ шагъ Австріи, особенно охотно къ нему возвращались. Въ упрощенной формѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ телеграммѣ императора Вильгельма Государю 15/28 іюля: „Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ преступленіемъ, жертвой котораго сдѣлался эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, который заставилъ сербовъ убить своего собственного короля и его супругу, еще и сегодня господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со мной, что Мы оба, Ты и я, какъ и всѣ суверены, имѣемъ общій интересъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ, кто несетъ отвѣтственность за ужасное убійство, потерпѣли заслуженное наказаніе“. Или еще проще въ разговорѣ германскаго военнаго уполномоченнаго въ Петербургѣ²⁾ съ помощникомъ командующаго главной квартирой княземъ Ю. И. Трубецкимъ, который германское правительство почему-то пожелало занести на страницы своей бѣлой книги: „Въ Германіи послѣ сараевскаго убійства больше не понимаютъ словъ Россія: мы не можемъ оставить безъ помощи нашихъ братьевъ въ Сербіи“.

Я сказалъ, что официальная австрійско-германская „оборонительная“ версія была опровергнута весьма скоро: въ этомъ заслуга Пашича. Во множествѣ дипломатическихъ документовъ, изъ которыхъ складывается переписка, предшествовавшая войнѣ, можетъ быть, самый мудрый и совершенный есть сербскій отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ: въ немъ вылилось истинное искусство. Австрійскія требованія противорѣчили сербскому суверенитету, даже самое ихъ число было рассчитано на то, чтобы вызвать отказъ со стороны сербовъ; Пашичъ при-

¹⁾ Пользуюсь по возможности переводами въ русскомъ изданіи англійской синей книги: Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Петроградъ, 1914.

²⁾ Пишу „Петербургъ“, чтобы сохранить имя, существовавшее въ тѣ дни, которые описываю.

няли всё малые и большае требованія, далъ объясненіе по всѣмъ пунктамъ, но—почти незамѣтно и очень остроумно—вытравилъ все то, что рассчитано было на умаленіе сербскаго суверенитета и прямое униженіе страны. Торжественно возвѣщенные австрійскими дипломатами мотивы „государственной обороны“ монархіи, призывы охранять монархическій принципъ сразу поблѣднѣли и разсѣялись. „Цареубійцы“ заявили полную готовность карать „преступную агитацію“ и выполнить—только въ согласіи съ державными правами королевства—все, чего желали въ Вѣнѣ. Съ совершенной очевидностью обнаружилось, что въ обстоятельствахъ смерти эрцгерцога искали лишь предлога для выступления, задачи котораго стояли далеко отъ всѣхъ, поминавшихся въ австрійскомъ ультиматумѣ Принциповъ, Габриловичей, Цигановичей, „Народныхъ Одбранъ“ и т. д.

Австрійскіе дипломаты хорошо знали, что, кромѣ официальной версіи, есть и то существо дѣла, о которомъ говорить не было поручено, но о которомъ невольно говорить приходилось. Впрочемъ, даже въ той официальной бумагѣ, которой истолковывался въ большихъ центрахъ ультиматумъ, заключался намекъ на истинныя цѣли австрійскаго вмѣшательства. „Соблюдая благожелательное отношеніе къ политическимъ интересамъ Сербіи“, говорилось тамъ, „императорское и королевское правительство надѣялось, что королевство рѣшится въ концѣ-концовъ слѣдовать съ своей стороны аналогичной линіи поведенія. Австро-Венгрія ожидала такого рода перемѣны въ политическихъ идеяхъ Сербіи въ особенности съ того времени, когда, послѣ событій 1912 года, императорское и королевское правительство, занявъ незаинтересованное и чуждое зложелательства положеніе, сдѣлало возможнымъ столь значительное расширеніе Сербскаго королевства“. Этотъ туманный намекъ на сербскую „неблагодарность“ нѣсколько разъясняется въ словахъ, сказанныхъ австро-венгерскимъ посломъ Грею нѣсколькими днями позднѣе (14/27 поля): „Пока Сербія граничила съ Турціей, Австрія никогда не принимала очень суровыхъ мѣръ въ силу своей привязанности къ политикѣ свободнаго развитія балканскихъ государствъ. Нынѣ же, когда Сербія удвоила свою территорію и народонаселеніе, чему Австрія не чинила ни малѣйшихъ препятствій, подавленіе сербскихъ революціонныхъ тенденцій стало для Австріи вопросомъ самозащиты и самосохраненія“. Опять-таки не откровенно, обинякомъ, но все же уже яснѣе здѣсь указывается, что австрійскіе дипломаты думали, прежде всего, на-верстать упущенія своей прошлой политики, политики времени балканскаго кризиса, когда составляли сербскій ультиматумъ. У насъ писали и, кажется, думали, что балканскій кризисъ былъ выгоденъ Австро-Венгріи. Эта легенда теперь можетъ быть сдана въ архивъ. Невыгоды были такъ велики, что Австрія, пытаясь исправить ихъ, рискнула европей-

ской войной. Отказъ отъ пути на Салоники и удвоенная Сербія, съ сомнительнымъ утѣшеніемъ албанской анархіи и распри съ Италией, таковъ былъ итогъ балканскаго кризиса для Австро-Венгіи; этотъ итогъ пожелали скинуть со счетовъ. Генеральный секретарь итальянскаго министерства иностранныхъ дѣлъ правильно понималъ, когда говорилъ английскому послу въ день предъявленія ультиматума Сербіи: „Серьезность положенія лежитъ въ убѣжденіи австро-венгерскаго правительства, что совершенно необходимо для его престижа, послѣ столькихъ разочарованій, вызванныхъ ходомъ событій на Балканахъ, добиться окончательнаго успѣха“.

Что интересно отмѣтить: при всей сдержанности профессиональныхъ дипломатовъ попытка возстановить политическія потери 1912—1913 гг., сдѣланная вѣнскимъ правительствомъ, сразу же обнаружила въ нихъ какъ будто сданныя въ архивъ традиціи габсбургскаго „имперіализма“. Онъ не сказывался въ разговорахъ съ русскими, но съ англичанами австрійцы были откровенны: это понятно, ибо, какъ я покажу ниже, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ вѣрили въ нейтралитетъ Англии. Вотъ два эпизода. На слѣдующій день послѣ объявленія войны Сербіи австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Грея о впечатлѣніи, которое война произведетъ въ Россіи, сказалъ: „До балканской войны о Сербіи всегда говорили, что она находится въ сферѣ австрійскаго вліянія“. Въ тотъ же день на другомъ концѣ Европы, въ Константинополь, австрійскій посолъ заговорилъ о Салоникахъ. „Я пришелъ къ заключенію“, телеграфируетъ английскій представитель въ Турціи въ Лондонѣ, „что намѣренія Австріи, быть можетъ, простираются гораздо дальше санджака и карательнаго занятія сербской территоріи. Я сдѣлалъ этотъ выводъ на основаніи замѣчанія здѣшняго австрійскаго посла, который говорилъ о плачевномъ положеніи Салоникъ подъ управленіемъ Греціи и о помощи, на которую можетъ разсчитывать австрійская армія со стороны мусульманскаго населенія, недовольнаго сербскимъ владычествомъ“.

Воскресеніе габсбургскаго „имперіализма“, которое мы чувствуемъ въ этихъ, отмѣченныхъ документами, эпизодахъ, какъ всегда бываетъ, льстило толпѣ и опиралось на фундаментъ скрытыхъ народныхъ инстинктовъ. Объ этомъ рассказываетъ английскій посолъ въ Вѣнѣ, сэръ М. ди Бунзенъ, въ своемъ общемъ обзорѣ кризиса, написанномъ по возвращеніи въ Лондонъ: „Поведеніе населенія въ Вѣнѣ и, мнѣ сообщали, въ другихъ главныхъ городахъ монархіи краснорѣчиво обнаруживало популярность мысли о войнѣ съ Сербіей, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что маленькая кучка политическихъ людей Австріи и Венгріи, которые рѣшились на памятное выступленіе, правильно оцѣнивали настроеніе и, можно сказать, рѣшимость народа, за исключеніемъ, вѣроятно, частей провинцій, населенныхъ славянскими

племенами. Вездѣ было много разочарованія, что война съ Сербіей была избѣгнута во время аннексіоннаго кризиса 1908 г. и опять въ связи съ балканской войной. Мирная политика графа Берхтольда не встрѣтила сочувствія въ делегаціяхъ. Теперь двери были открыты, и все населеніе, и вся пресса нетерпѣливо требовали немедленнаго и примѣрнаго наказанія ненавистнаго сербскаго народа“.

Таковы были задачи, въ которыхъ признавались открыто, и тѣ, въ которыхъ официально не признавались, но которыя скрыть было нельзя. Средства ихъ достигнуть были обдуманы не менѣе тщательно. Они рисовались такъ. Ультиматумъ, принятіе котораго означало, какъ выразился С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Пурталесомъ, превращеніе Сербіи въ Бухару, а непринятіе вызывало войну и тотъ же конечный результатъ; для обезпеченія невмѣшательства Россіи сразу же, одновременно съ обнародованіемъ ультиматума, предупредительная угроза Германіи по ея адресу, а кстати и по адресу Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, повидимому, не сомнѣвались въ дѣйствительности этого, въ общемъ довольно несложнаго плана, скопированнаго съ образца, даннаго даровитымъ предшественникомъ мало способнаго графа Берхтольда—Эренталемъ въ періодъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Сначала дѣйствительно все разыгрывалось, какъ по нотамъ; всѣ были разставлены на мѣста и говорили то, что нужно; если и обнаружилось довольно скоро, что на австрійское выступленіе отвѣчаютъ не такъ, какъ по расписанію слѣдовало, то первоначально этому ни Вѣна, ни Берлинъ, видимо, не придавали значенія, увлеченные своими собственными замыслами и своимъ собственнымъ пониманіемъ положенія.

Сначала—ультиматумъ и заявленія австрійскихъ пословъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ на тему о преступной агитаціи и цареубійствѣ, заявленія, сами по себѣ лишеныя интереса и исчерпывавшіяся воспроизведеніемъ уже извѣстной намъ официальной версіи о задачахъ ультиматума. Далѣе—появленіе въ кабинетахъ С. Д. Сазонова, Бьенвеню-Мартена (замѣнявшаго ѣздившаго съ президентомъ Вивіани) и сэра Эдуарда Грея, слѣдомъ за австрійскими, германскихъ пословъ, весьма рѣшительно заговорившихъ въ пользу австрійскаго выступленія. Заявленія германскихъ представителей даютъ возможность измѣрить политическую температуру первыхъ дней кризиса. Выступленіе ихъ есть результатъ предварительнаго сговора между Берлиномъ и Вѣной—въ этомъ нельзя сомнѣваться уже въ виду того простаго факта, что инструкціи изъ Берлина были даны посламъ еще до врученія ультиматума Сербіи; значитъ, степень энергии, вложенной въ германскую поддержку, была опредѣлена общимъ соглашеніемъ и признана достаточной для достиженія цѣли. Заявленіе германскихъ пословъ заканчивалось слѣдующими положеніями (въ Лондонѣ они были сдѣланы и письменно): „Если

австро-венгерское правительство не желает окончательно потерять своего великодержавнаго положенія, то для него нѣтъ иного выбора, какъ только добиться отъ сербскаго правительства исполненія своихъ требованій путемъ энергичнаго давленія и даже, если будетъ необходимо, съ помощью вооруженной силы, такъ какъ выборъ средствъ долженъ быть предоставленъ ему одному. Имперское правительство находитъ нужнымъ настойчиво подчеркнуть свое мнѣніе, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ лишь о дѣлѣ, которое должно быть улажено исключительно между Австро-Венгріей и Сербіей, и великія державы должны серьезно озаботиться тѣмъ, чтобы ограничить дѣло исключительно двумя непосредственно заинтересованными сторонами. Имперское правительство настоятельно желаетъ локализациі конфликта, такъ какъ всякое вмѣшательство со стороны другой державы повлекло бы за собой, въ виду различныхъ союзныхъ обстоятельствъ, неисчислимыя послѣдствія. Когда это заявленіе на слѣдующее утро попало въ печать—а попало оно въ печать въ Парижѣ,—оно было истолковано, какъ угроза; бар. ф.-Шенъ пріѣзжалъ во французское министерство доказывать, что никакой угрозы нѣтъ, но оцѣнка была, конечно, вѣрной. Надѣясь, очевидно, сразу же обезпечить успѣхъ австрійскаго шага, Германія—раньше, чѣмъ даже могло выясниться отношеніе державъ—дѣйствительно обратилась къ угрозамъ. Много говорилось о томъ, знала или не знала Германія текстъ ультиматума Сербіи; германскій посолъ въ Парижѣ, германскій посолъ въ Петербургѣ и самъ статсъ-секретарь ф.-Яговъ тщательно отрицали свою освѣдомленность, причемъ ф.-Яговъ, разговаривая съ англійскимъ посломъ, даже заявилъ „частнымъ образомъ“, что австрійская нота „оставляетъ, какъ дипломатическій документъ, многого желать“, и что во всякомъ случаѣ „содержаніе ноты“ ему было извѣстно. Мы знаемъ теперь, что нота была до ея врученія сообщена германскому послу въ Вѣнѣ и имъ протелеграфирована императору Вильгельму¹⁾; но допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ текстъ ультиматума не былъ редактированъ по предварительному соглашенію и что ф.-Яговъ сумѣлъ бы сдѣлать ноту, „какъ дипломатическій документъ“, болѣе совершенной, чѣмъ это удалось графу Берхтольду. Но и при такихъ условіяхъ останется несомнѣннымъ, что политическій смыслъ ультиматума—а въ немъ все дѣло—былъ хорошо понятъ и вполне одобренъ

1) Англійскій посолъ въ Вѣнѣ сэръ М. ди Бунзель въ телеграммѣ 17 поля: „Хотя я и не могу провѣрить этого, но получилъ частныя свѣдѣнія о томъ, что германскій посолъ зналъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и протелеграфировалъ его германскому императору. Я слышалъ отъ самого германскаго посла, что онъ подписывается подъ каждымъ его пунктомъ“.

германскимъ правительствомъ раньше, чѣмъ онъ былъ предъявленъ. Конечно, ф.-Бетманъ-Гольвегу не было надобности включать въ инструкцію германскимъ посламъ угрожающихъ ссылокъ на „союзныя обязательства“ и настоятельно призывать къ „локализаци конфликта“, если бы рѣчь шла о неизвѣстномъ Германіи и къ тому же несовершенномъ упражненіи вѣнской дипломатической канцеляріи. Германское правительство знало, что дѣлало. Я не думаю, что оно связывало уже съ этимъ первымъ своимъ выступленіемъ сознательный расчетъ вызвать европейскую войну; эта рѣшимость созрѣла нѣсколькими днями позднѣе. Но все же объясненія ф.-Шена и ф.-Ягова были, конечно, неискренними. Первое выступленіе внушено было совершенно опредѣленнымъ стремленіемъ, занявъ угрожающее положеніе, обезпечить успѣхъ австрійскаго выступления и нанести политическій ударъ Россіи.

Пославъ ультиматумъ и вооруживъ его германскими угрозами, дипломатія двухъ союзниковъ рѣшила, что дѣло сдѣлано и что остается только ждать времени, когда можно будетъ пожать плоды проявленной энергии. Графъ Берхтольдъ, рассказавъ содержаніе ультиматума русскому повѣренному въ дѣлахъ князю Н. А. Кудашеву, уѣхалъ изъ Вѣны въ Ишль и не сталъ дожидаться русскаго отвѣта. Когда этотъ отвѣтъ пришелъ и оказался просьбой продлить срокъ ультиматума, съ нимъ пришлось объясняться по телефону и посылать телеграммы, что значительно упрощало отказы. Даже въ Берлинѣ англійскому послу на просьбу поддержать отсрочку ультиматума отвѣтили, что за отъѣздомъ Берхтольда въ Ишль сдѣлать это невозможно. Когда ультиматумъ былъ Сербіей отвергнутъ и объявленіе ей войны было отправлено, графъ Берхтольдъ снова появился въ Вѣнѣ, но продолжалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ заявлять, что Австро-Венгрія не можетъ измѣнить принятаго рѣшенія.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ ждали изо дня въ день, что задуманная развязка дипломатической кампаніи, развязка, которую назвали „локализацией спора“, наконецъ, наступитъ безъ всякихъ новыхъ усилій, только съ твердымъ сохраненіемъ разъ занятой австрійскими и германскими дипломатами позиціи. Эта увѣренность питалась двумя коренными заблужденіями,—заблужденіями, которыхъ, конечно, никогда не простятъ руководителямъ внѣшнихъ судебъ двухъ странъ ихъ народы, какъ только они въ состояніи будутъ размысливать спокойно и узнаютъ правду. Первое основное заблужденіе заключалось въ полной увѣренности, что Россія уступитъ, какъ только увидитъ серьезность положенія; второе—не менѣе основное—въ убѣжденіи, что скрывавшаяся въ формулѣ „локализация войны“ угроза заставитъ Францію и Англію отказать Россіи въ поддержкѣ и тѣмъ самымъ уединитъ Россію и дипломатически, и въ войнѣ, если бы, паче чаянія, война началась.

Дипломатическіе документы даютъ множество свидѣтельствъ, что и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ рассчитывали на уступчивость Россіи. Эти свидѣтельства настолько любопытны, что ихъ стоитъ собрать воедино. Н. Н. Шебеко телеграфировалъ 14/27 юля въ Петербургъ: „Надо полагать, что Австрія рассчитывала подъ вліяніемъ завѣреній германскаго представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализациі конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ“. Англійскій посолъ въ Вѣнѣ, описывая уже по возвращеніи на родину все, что произошло за время кризиса, писалъ, что въ Вѣнѣ царила полная увѣренность, будто выступленіе Австро-Венгрии не повлечетъ за собой вооруженнаго вмѣшательства другихъ великихъ державъ. С. Д. Сазоновъ говорилъ англійскому послу въ Петербургѣ утромъ въ день объявленія войны Германіей: „Германія неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петербургѣ: первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрію, а второй успокаивалъ свое правительство, что Россія никогда не согласится на войну“. „Германскій посолъ увѣренъ—доносилъ сэръ М. ди Бунзенъ въ Лондонъ 13 юля,—что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи, которой Австрія рѣшила подвергнуть Сербію, такъ какъ она получила завѣренія, что Австро-Венгрия не присоединитъ сербской территоріи. На мой вопросъ, не будетъ ли принуждено русское правительство вмѣшаться въ силу требованій общественнаго мнѣнія, такъ какъ дѣло идетъ о родственной народности, онъ сказалъ, что все зависитъ отъ личности русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который, если онъ захочетъ, легко можетъ произвести давленіе на нѣсколько газетъ. Онъ указалъ на то, что дни панславистской агитаціи въ Россіи прошли и что Москва совершенно спокойна. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ думаетъ его превосходительство, не будетъ столь неблагоприятенъ, чтобы сдѣлать шагъ, который, вѣроятно, вызвалъ бы постановку многихъ пограничныхъ вопросовъ, въ коихъ Россія заинтересована, ибо на очередь станутъ вопросы шведскій, польскій, рутенскій (sic), румынскій и персидскій. Франція также не находится въ такомъ состояніи, чтобы помышлять о войнѣ“. „Австрійскій коллега сказалъ мнѣ сегодня“, доносилъ 15/28 юля англійскій посолъ въ Берлинѣ, „что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Мнѣ кажется“, прибавляетъ Гошенъ, „что это мнѣше раздѣляется здѣсь (въ Берлинѣ) весьма многими“.

По понятнымъ причинамъ германское правительство не включило въ изданные имъ документы тѣхъ донесеній своихъ пословъ, въ которыхъ они писали, что Россія воевать не будетъ; австрійское правительство вообще документовъ не печатало. Но достаточно прочесть приведенныя

выше свидѣтельства и особенно телеграммы англійскаго посла въ Вѣнѣ, съ которымъ всѣ участники событій были весьма откровенны, чтобы утверждать, что оба союзныхъ правительства получали изъ Петербурга донесенія о полной неспособности Россіи къ дѣятельному выступленію. Я увѣренъ, что наличность этихъ документовъ въ архивахъ Берлина и Вѣны оспариваться не можетъ. Но даже и въ осторожной,—сдѣланной послѣ начала войны,—редакціи германской бѣлой книги есть слѣды той же близорукой вѣры съ пассивность русскаго правительства. Германское правительство питалось заржавѣвшими отъ времени, совершенно лубочными представленіями, что въ Россіи есть двѣ силы и два течения: „панславизмъ“—пресловутый „Panславismus“ временъ еще Бисмарка—и разумные консервативные верхи, традиціонно вѣрные Германіи, причемъ эти верхи и традиція, которую они представляли, безъ труда могутъ и должны справиться съ „панславизмомъ“. Эта упрощенная картина современной Россіи—Россіи послѣ 1905—1906 гг.—составляетъ предпосылку той оцѣнки положенія, которую давалъ ф.-Бетманъ-Гольвегъ въ своемъ обращеніи къ союзнымъ правительствамъ въ разгаръ кризиса (15/28 іюля), обнародованномъ въ бѣлой книгѣ:

„Отдѣльные голоса въ Россіи“, пишетъ канцлеръ, „видятъ само собой разумѣющееся право и задачу Россіи въ вмѣшательствѣ въ пользу Сербіи въ конфликтѣ между ней и Австро-Венгріей. За европейскую смуту, которая явится послѣдствіемъ такого шага Россіи, *Новое Время* дѣлаетъ отвѣтственнымъ Германію, поскольку она не побудитъ Австро-Венгрію къ уступчивости. Русская печать тѣмъ самымъ совершенно извращаетъ положеніе...

„Образъ дѣйствій имперскаго правительства въ этомъ вопросѣ намѣчается ясно. Агитація панславистовъ противъ Австро-Венгріи имѣетъ конечной цѣлью, путемъ разрушенія дунайской монархіи, добиться уничтоженія или ослабленія тройственнаго союза и, какъ слѣдствіе, уединенія германской имперіи. Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“...

Въ разгаръ кризиса участникъ событій, имѣвшій возможность сохранить наибольшее спокойствіе и объективность оцѣнокъ,—итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди Санъ Джулиано, обсуждая опасность положенія, видѣлъ ее въ томъ, что „представлялось труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Россіи серьезны“ (that Russia was in earnest)—(разговоръ съ англійскимъ посломъ 16/29 іюля). И тутъ же онъ давалъ понять, что Германія равнымъ образомъ не допускаетъ возможности вмѣшательства Англии, и совѣтовалъ своему собесѣднику вывести Германію изъ этой увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, убѣжденіе въ необходимой пассивности Россіи сочеталось въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ кореннымъ заблужденіемъ относительно роли Франціи и

Англии въ европейскомъ кризисѣ. Францію надѣялись запугать, а съ Англійей расчитывали итти заодно на всемъ протяженіи кризиса.

Германскій посолъ въ Парижѣ, баронъ ф.-Шенъ, каждый день ѣздилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и можно прослѣдить за всѣми его попытками устрашенія Франціи. Первый визитъ намъ уже извѣстенъ: это визитъ 11/24 іюля, на другой день послѣ австрійскаго ультиматума, съ заявленіями о „локализаци“ и о „разнообразныхъ союзныхъ обязательствахъ“. На слѣдующій день, когда въ газетахъ было напечатано о его „угрозахъ“, онъ приѣхалъ, говорилъ, что „угрозы“ не было, но кончилъ словами: „Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи, и, конечно, разъ стрѣла выпущена, Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями“. Баронъ ф.-Шенъ лично, быть можетъ, и не стремился продолжать разговоръ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: онъ не новая фигура на европейской дипломатической сценѣ, и во время его министерства въ Берлинѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, франко-германскія отношенія были налажены удовлетворительно, но, видимо, въ Берлинѣ этимъ угрозамъ придавалось большое значеніе, ибо черезъ день послѣ его второго объясненія ему была отправлена канцлеромъ новая телеграфная инструкция, гдѣ было сказано, что на Россіи лежитъ отвѣтственность за европейскій миръ, и которая кончалась словами: „Мы возлагаемъ надежду на Францію, съ которой мы одинаково стремимся къ сохраненію европейскаго мира, въ томъ, что она употребитъ свое вліяніе на Россію въ успокоительномъ смыслѣ“. Посолъ поспѣшилъ выполнить приказаніе. Это третье заявленіе вызвало уже не только въ печати, но и въ правительствѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе: „Директоръ политическаго департамента“, телеграфируетъ въ этотъ день въ Петербургъ М. М. Севастопуло, „высказалъ, какъ личное мнѣніе, что послѣдовательныя германскія выступленія въ Парижѣ имѣютъ цѣлью запугать Францію и вызвать воздѣйствіе ея въ Петербургѣ“. 14/27 іюля ф.-Шенъ снова появился въ министерствѣ и уже письменно повторилъ, что раньше заявлялъ словесно. Впечатлѣніе осталось снова совершенно опредѣленное; на этотъ разъ его изложилъ вернувшемуся въ тотъ день въ Парижъ А. П. Извольскому министръ юстиціи Бьенвеню-Мартенъ, замѣнявшій Вивіани, такъ: „выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнною цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь французское правительство на путь представленій въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію“. Франко-германскіе разговоры такъ до конца и велись въ этомъ тонѣ устрашенія: наканунѣ войны, 16/29 іюля, канцлеръ приказывалъ ф.-Шену угрожать уже безъ обиняковъ военными мѣрами, а 18/31-го ф.-Шенъ потребовалъ

въ опредѣленный срокъ отвѣта, какое положеніе займетъ Франція въ русско-германской войнѣ, чтобы выслушать на слѣдующій день полный достоинства отвѣтъ Вивіани, что Франція поступитъ такъ, какъ ей повелѣваютъ ея интересы.

Разговоры съ Англіей велись совершенно иначе и обнаруживали, что расчетъ на ея невмѣшательство былъ построенъ на надеждѣ усилить энергію англійскаго правительства мягкостью и миролюбіемъ австрійскихъ и германскихъ выступленій. Расчетъ былъ наивенъ, ибо Англію не могло ввести въ заблужденіе миролюбіе тона князя Лихновскаго и графа Менздорфа въ то время, какъ весь міръ кругомъ былъ наполненъ шумомъ угрозъ и бряцаніемъ оружія австрійцевъ и германцевъ. Наивность расчета особенно наглядно видна въ дѣятельности Менздорфа, австрійскаго посла въ Лондонѣ, который, повидимому, былъ совершенно неспособенъ усвоить себѣ обстановку. 12/25 іюля онъ пришелъ къ сэру Эдуарду Грею и формально, ссылаясь на приказанія своего правительства, объяснилъ, что выступленіе въ Бѣлградѣ не есть ультиматумъ, а есть лишь „*démarche*“ съ указаніемъ срока, а что если австрійскія требованія не получатъ удовлетворенія, то австро-венгерское правительство прерветъ дипломатическія отношенія и начнетъ военныя приготовленія, но не военныя дѣйствія. Сэръ Эдуардъ Грей поспѣшилъ протелеграфировать это заявленіе въ Парижъ и Петербургъ, прибавляя, что острота положенія скорѣе уменьшилась, и въ Вѣну, выражая полное удовлетвореніе по поводу рѣшенія Австро-Венгріи. Но уже на слѣдующій день со всѣхъ сторонъ стали приходиться извѣстія, что война будетъ Австріей объявлена немедленно. Что могло быть результатомъ, кромѣ убѣжденія Грея въ неискренности австрійцевъ? Когда 14/27 іюля Менздорфъ пришелъ объяснить Грею, что Австро-Венгрія „вынуждена“ воевать съ Сербіей, онъ выслушалъ только слова суроваго упрека; но и въ этомъ второмъ разговорѣ проглядываетъ увѣренность, что добрымъ словомъ не трудно убавить Англію. „Высокое чувство справедливости британскаго народа и британскихъ государственныхъ людей“, убѣждалъ посоль, „не позволить имъ осудить австрійское правительство за то, что оно мечомъ будетъ защищать свое достоинство... Австрійское правительство, полагаясь на дружескія отношенія съ нами (Англіей), чувствуетъ, что оно можетъ рассчитывать на наше сочувствіе въ борьбѣ, на которую его вынудили, и на нашу помощь для локализаци борьбы въ случаѣ надобности“... Почти наканунѣ войны (16/29) Менздорфъ принесъ въ англійское министерство длинный меморандумъ, въ которомъ, по его словамъ, заключалось „полное объясненіе необходимости австрійскаго выступленія“; при всей корректности дипломатическихъ документовъ изъ отчета Грея объ этой бесѣдѣ видно, что на этотъ разъ собесѣдника взяла досада: „Я сказалъ“, пишетъ Грей, „что не имѣю никакого желанія обсу-

ждать, кто правъ въ вопросѣ между Австріей и Сербіей. Сегодняшнія извѣстія кажутся мнѣ очень дурными для европейскаго мира...“ Руководители и дѣятели германской политики еще въ большей степени, чѣмъ австрійцы, пребывали въ увѣренности, что Англія будетъ поддерживать ихъ въ теченіе всего кризиса, какъ бы далеко они ни пошли. Правда, эта увѣренность не выражалась въ столь наивной формѣ, какъ у Менздорфа,—германскій посолъ въ Лондонѣ, князь Лихновскій, велъ дѣло гораздо тоньше,—но ее также легко обнаружить. Достаточно прочесть самый, быть можетъ, любопытный документъ изъ всѣхъ обнародованныхъ въ связи съ войной—описаніе разрыва съ Германіей, сдѣланное англійскимъ посломъ сэромъ Э. Гошеномъ; вотъ описаніе послѣдняго свиданія Гошена съ имперскимъ канцлеромъ 22 іюля/30 августа. „Я нашелъ канцлера“, пишетъ посолъ, „въ большомъ волненіи. Его превосходительство сразу же началъ рѣчь (a harangue), которая длилась около 20 минутъ. Онъ сказалъ, что поступокъ правительства его величества до послѣдней степени ужасенъ; только изъ-за слова „нейтралитетъ“—слова, которое такъ часто нарушалось, только изъ-за листка бумаги Великобританія готова вести войну съ родственнымъ народомъ, который больше ничего не желалъ, какъ быть ея другомъ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи были сдѣланы безплодными этимъ послѣднимъ шагомъ, и политика, которой онъ, какъ я знаю, себя посвятилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, распалась, какъ карточный домикъ. То, что мы сдѣлали, невообразимо; это было ударомъ сзади въ чело-вѣка, въ то время какъ онъ борется за свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ ужасныя событія, которыя могутъ случиться“... Сопоставимъ эти слова, въ которыхъ, черезъ сухой и дѣловой пересказъ Гошена, чувствуется вся глубина потрясенія, которое испытали въ Берлинѣ послѣ англійскаго ультиматума, съ тономъ того, что принцъ Генрихъ прусскій телеграфировалъ всего за шесть дней передъ тѣмъ и наканунѣ германскаго ультиматума Россіи (17/30) англійскому королю: „...теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, Германія и Англія должны оказать другъ другу взаимную поддержку для предотвращенія катастрофы, которая иначе кажется неотвратимой“, или съ тѣмъ, что писало германское правительство въ бѣлой книгѣ, розданной за нѣсколько часовъ до объявленія войны Англіей: „плечомъ къ плечу съ Великобританіей работали мы надъ посредничествомъ“. Здѣсь измѣряется вся глубина заблужденія, въ которомъ пребывали руководители германской политики, когда думали объ Англіи.

2.

П е т е р б у р г ъ .

То, что было задумано въ Вѣнѣ и санкціонировано въ Берлиѣ, не осуществилось, не осуществилось потому, что и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ все произошло не такъ, какъ ожидали. Въ Петербургѣ не капитулировали передъ угрозой Пурталеса, въ Парижѣ не устрашились ф.-Шена, въ Лондонѣ не повѣрили усердной вкрадчивости Менздорфа и Лихновскаго. Случилось большее: русская дипломатія объединила вокругъ своей политики—въ той или иной формѣ—въ сущности всю Европу. Повторилось то, что было въ Крымскую войну, только наоборотъ: европейскій крестовый походъ былъ объявленъ за Россію.

Едва ли когда-нибудь удастся съ полной точностью учесть, въ какой мѣрѣ достоинства нашей политики и въ какой—ошибки политики нашихъ противниковъ создали ту совершенно исключительную по своимъ выгодамъ международную обстановку, въ которой происходитъ война; такой результатъ былъ, конечно, достигнуть сочетаніемъ этихъ достоинствъ и этихъ ошибокъ. Но мы уже теперь можемъ выяснитъ многие факторы, вызвавшіе торжество русской политики.

Война есть великое нравственное испытаніе, въ которомъ неисчислимо значеніе нравственнаго достоинства поставленной цѣли. За насъ были моральныя цѣнности: благородство задачи, которую мы себѣ поставили въ началѣ кризиса, и сложившееся въ концѣ его сознаніе—не только наше собственное, но и переданное другимъ,—что не Россія вызвала грозную борьбу европейскихъ народовъ и ея тяжкія бѣдствія. Для каждаго изъ насъ и то, и другое положеніе ясны: они—тотъ нравственный фондъ, на который мы ведемъ войну. Теоретическимъ доказываніемъ и развитіемъ этихъ положеній для постороннихъ я заниматься не буду: я пишу не политическое оправданіе, а историческій обзоръ событій. Меня занимаетъ поэтому только то, какъ въ европейскихъ событіяхъ отразились два основныхъ моральныхъ фактора, руководившихъ русской политикой.

Если въ Вѣнѣ радовались ультиматуму и предстоявшей „карательной“ войнѣ съ маленькимъ сосѣдомъ, а въ Берлиѣ сухо и отчетливо удостовѣряли, что надо было бороться „съ некультурностью и преступною политической моралью“ Сербіи (выраженіе памятной записки, которой открывается германская бѣлая книга) ¹⁾, то, напротивъ того, въ Россіи ультиматумъ и война были встрѣчены сразу же, какъ актъ политически „безнравственный“. Германскій императоръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что русское правительство повиновалось стремле-

¹⁾ „Kampf gegen Unkultur und politische Verbrechermoral“.

пямь „ненасытнаго націонализма“. Всякій объективный наблюдатель событий въ Россіи долженъ засвидѣтельствовать, что чувство „неправды“ было гораздо ярче чувства „невыгоды“ при извѣстїи объ ультиматумѣ. Въ первомъ разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ тотчасъ послѣ получения этого извѣстїя, 11/24 июля, первымъ словомъ министра было: „поведеніе Австріи—провокаторское и безнравственное“. „Политика Австріи“, повторилъ онъ же наканунѣ дня объявленія войны Германіей, „была все время коварной и безнравственной“. Въ телеграммѣ Государя Императора, отправленной императору Вильгельму 16/29 июля, сказано: „Я радъ, что ты возвратился въ Германію. Въ этотъ серьезный моментъ настоятельно прошу тебя Мнѣ помочь. Постыдная война объявлена слабой странѣ, возмущеніе по этому поводу, которое я всецѣло раздѣляю, въ Россіи неслыханно. Я предвижу, что скоро Я не въ состоянїи буду противостоять давленію, которое на Меня оказывается, и вынужденъ буду принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ. Чтобы избѣжать бѣдствїя, какимъ будетъ европейская война, прошу тебя во имя Нашей старой дружбы, сдѣлать все, что можешь, дабы удержать твоего союзника отъ слишкомъ далеко идущихъ шаговъ“.

Чувство нравственнаго осужденія того, что затѣвала Австрія, было, конечно, не единственнымъ: оно соединялось съ мыслью, что Россіи замыслили нанести политическій ударъ; но нѣтъ сомнѣнїя, что силу русскаго правительства въ началѣ кризиса создавала именно нравственная правда дѣла, которое она брала подъ свою защиту. Эта правда сознавалась и другими, и русская политика находила за границей первый естественный оплотъ въ этомъ сознанїи. И для Франціи, и для Англии дѣло Сербїи было всетаки дѣломъ чужимъ. Когда Грею въ первый разъ пришлось говорить о возможности австрійскаго выступленія въ Бѣлградѣ еще до того, какъ оно послѣдовало, онъ уронилъ слѣдующую характерную фразу: „Я ненавижу мысль о войнѣ между какими-либо великими державами, и если одна изъ нихъ будетъ вовлечена въ войну Сербїей, то это будетъ отвратительно (would be detestable)“. Въ томъ первомъ послѣ ультиматума разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ, о которомъ я упоминалъ, послѣдній весьма твердо заявилъ, что „британскіе интересы въ Сербїи ничтожны и что война изъ-за этой страны никогда не будетъ освящена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ“. Эта отдаленность сербской проблемы отъ прямыхъ интересовъ Англии, конечно, сознавалась въ Лондонѣ до конца кризиса, и тѣмъ не менѣе уже съ первыхъ его дней чувство измѣнилось: нравственная оцѣнка австрійскаго выступленія перестаетъ совпадать съ его оцѣнкой рациональной и политической, а всякій, кто сколько-нибудь знаетъ Англию, знаетъ, что значитъ такое расхожденіе для политики страны.

14/27 июля Грей послѣдовательно говорилъ съ Лихновскимъ и Менздорфомъ, и тонъ этихъ двухъ разговоровъ невольно совпадалъ съ тѣмъ, что говорилось въ Россіи. „Сербскій отвѣтъ“, говорилъ Грей Лихновскому, „идеть навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Германскій статсъ-секретарь самъ сказалъ, что въ австрійской нотѣ есть нѣкоторые пункты, принятія коихъ отъ Сербіи едва ли можно ожидать... Если Австрія отброситъ сербскій отвѣтъ, какъ ничего не стоящій, и вступить въ Сербію, то это значитъ, что она рѣшила раздавить Сербію во что бы то ни стало, не считаясь съ послѣдствіями, которыя это можетъ повлечь“. „Мнѣ кажется“, сказано было Менздорфу, „что сербскій отвѣтъ уже означаетъ величайшее униженіе Сербіи, какому, насколько знаю, никогда не подвергалась ни одна страна, и мнѣ очень досадно, что къ этому отвѣту австрійское правительство отнеслось такъ, какъ если бы онъ былъ неудовлетворительнымъ или чисто отрицательнымъ“.

Въ нашемъ распоряженіи сравнительно мало данныхъ относительно Франціи, но трудно сомнѣваться, что и въ Парижѣ было налицо, когда кризисъ открывался, достаточное равнодушіе къ чисто сербскому дѣлу, смѣнившееся совершенно яснымъ сознаніемъ неправоты Австріи, какъ только выяснилось, чего она домогается. Любопытная подробность: даже австрійскій посоль въ Парижѣ оказался зараженнымъ этимъ настроеніемъ. Директоръ французскаго политическаго департамента сообщилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ М. М. Севастопуло 13/26 июля, что, когда онъ передалъ австрійскому послу содержаніе сербскаго отвѣта на ультиматумъ, посоль не скрылъ своего изумленія по поводу того, что Гизль ¹⁾ имъ не удовлетворился.

Но сербскій вопросъ въ теченіе нѣсколькихъ дней превратился въ вопросъ европейскій, въ которомъ уже перестали играть роль всякія оцѣнки правоты и неправоты Австро-Венгріи или Сербіи. Конечно, то настроеніе, которое было вызвано сознаніемъ „безнравственности“ австрійской политики и „постыдности“ ея войны противъ маленькаго сосѣда, не пропало даромъ. Но въ исторіи кризиса несравненно большее значеніе получилъ второй факторъ, опредѣлявшій русскую политику—мысль, что она все сдѣлала для сохраненія мира и что не она вызвала войну.

Мы подходимъ здѣсь вплотную къ основному разнорѣчію въ оцѣнкѣ совершившагося: какъ извѣстно, Германія, объявляя намъ войну, утверждала, что только „принимала вызовъ“, а Австро-Венгрія, въ своемъ объявленіи, говорила, что „Россія, согласно сообщенію берлинскаго кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи“; потомъ на всѣ лады повторялось, что Россія, по выраженію имперскаго

¹⁾ Австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ.

канцлера въ рейхстагѣ, „подожгла домъ“, и, кажется, эту мысль удалось—конечно, на время—внушить и нѣмецкому общественному мнѣнію. Чтобы выяснитъ, гдѣ правда, надо остановиться на общемъ ходѣ переговоровъ.

12/25 іюля русское правительство обнародовало въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ австро-сербскому столкновению; наканунѣ С. Д. Сазоновъ имѣлъ объясненіе съ графомъ Пурталесомъ, которое тотъ передалъ въ Берлинъ слѣдующей телеграммой: „Содержаніе вашего предписанія 592 я только что подробно развилъ въ продолжительной бесѣдѣ съ Сазоновымъ. Министръ разразился безмѣрными жалобами на Австро-Венгрію и былъ весьма возбужденъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ онъ заявилъ: Россія не можетъ допустить, чтобы австро-сербскій споръ разрѣшился между одними его участниками“. Положеніе было достаточно уяснено: съ 13/26 іюля всѣ знали, что австро-сербскій конфликтъ превратился въ конфликтъ между Россіей и Австро-Венгріей.

Мы знаемъ, какъ надѣялись разрѣшить этотъ конфликтъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, и знаемъ, что эти надежды не получили осуществленія. Разсчитывали на капитуляцію Россіи, которой не послѣдовало. Но развѣ только этотъ путь вель къ миру и развѣ искреннее стремленіе сохранить миръ не должно было побуждать добросовѣстно испробовать и другіе пути? Австро-русскіе конфликты—не новость для современной Европы: они не прекращались съ 1907 г., съ того времени, какъ баронъ Эренталь выступилъ съ проектомъ соединенія боснійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ турецкими и какъ кончилось сотрудничество Россіи и Австро-Венгрии въ дѣлѣ македонскихъ реформъ; правда, часть этихъ конфликтовъ рѣшалась именно такъ, какъ хотѣли рѣшить возникшее 11/24 іюля столкновение—уступкой Россіи, но со временъ балканской войны 1912—1913 гг. дѣйствительность этого средства должна была, по справедливости, считаться сомнительной, и во всякомъ случаѣ пришлось испробовать другія, которыя дали удовлетворительные результаты. Съ декабря 1912 г. по мартъ 1913 г. тянулся споръ между Россіей и Австро-Венгріей о границахъ Албаніи и кончился взаимными уступками, облегченными посредничествомъ сэра Эдуарда Грея и князя Лихновскаго и непосредственными объясненіями между С. Д. Сазоновымъ и тогдашнимъ австро-венгерскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Турномъ.

Въ теченіе европейскаго кризиса въ минувшемъ іюлѣ русское правительство готово было принять всѣ пути разрѣшенія конфликта: ни одно предложеніе, клонившееся къ обезпеченію мира, не было отвергнуто. Напротивъ того, каждое изъ нихъ было отвергнуто или Австро-Венгріей, или Германіей или обоими союзниками вмѣстѣ. Этихъ предложеній выдвигалось довольно много, но за необыкновенно быстрымъ развитіемъ

событій часть ихъ отпадала, не успѣвая даже созрѣть до точнаго выраженія. Ихъ можно пересчитать по очереди.

Первое, выдвинутое въ самомъ началѣ кризиса и уже по одному этому имѣвшее большіе шансы на успѣхъ, исходило отъ Грея. Оно было выражено имъ такъ: „Расположенъ ли министръ иностранныхъ дѣлъ“—предложеніе было обращено въ Парижъ, Берлинъ и Римъ—„дать инструкцію здѣшнему послу немедленно собраться здѣсь съ представителями Франціи, Итали, Германіи и мною на конференцію съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ бы осложненія? Спросите министра иностранныхъ дѣлъ, согласенъ ли онъ на это; если да, то представители въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ должны быть уполномочены, доведя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія державъ, при которыхъ они аккредитованы, просить ихъ о недопущеніи какихъ бы то ни было активныхъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока будетъ засѣдать конференція“ (13/26 іюля).

Предложеніе было принято Россіей, Франціей и Италіей и было отвергнуто Австро-Венгріей и Германіей. Повидимому, германскіе дипломаты чувствовали, что этотъ отказъ знаменовалъ собой очень многое и что онъ значительно уменьшалъ шансы мирнаго исхода. Мы можемъ прослѣдить по документамъ колебаніе Германіи, продолжавшееся однако одну минуту. Грей заговорилъ съ Лихновскимъ о своемъ предложеніи 12/25 іюля, еще до его окончательной формулировки: Лихновскій сказалъ, что Австрія не можетъ отступить отъ своихъ требовацій Сербіи, но что, если намѣренія Грея сводятся къ посредничеству между Австріей и Россіей, то Австрія, сохраняя свое достоинство, могла бы его принять и что онъ, Лихновскій, ему сочувствуетъ. На это Лихновскому была послана имперскимъ канцлеромъ такая телеграмма: „Дѣлаемое сэромъ Эдуардомъ Греемъ различіе между австро-сербскимъ и австро-русскимъ конфликтами совершенно правильно. Мы такъ же мало, какъ Англія, желаемъ вмѣшиваться въ первый, и теперь, какъ и ранѣе, придерживаемся взгляда, что этотъ вопросъ долженъ быть тѣмъ локализованъ, что всѣ державы воздержатся отъ вмѣшательства. Поэтому наша настоятельная надежда, что Россія воздержится отъ всякаго активнаго выступленія въ сознаніи своей отвѣтственности и серьезности положенія. Мы готовы, если возникнетъ австро-русскій споръ, оговаривая наши извѣстныя союзныя обязательства, выступить совместно съ другими великими державами съ посредничествомъ между Россіей и Австріей“. Конечно, въ этомъ разсужденіи не было логики: „локализация“ австро-сербскаго конфликта означала отсутствіе конфликта австро-русскаго, и тогда о какомъ посредничествѣ между Австріей и Россіей могла идти рѣчь? Но при недостаткѣ логики согласіе на по-

средничество все же было симптоматичнымъ для настроенія въ Берлинѣ въ первую минуту—мелькало сознание, что обстоятельства повелительно требовали итти навстрѣчу усилямъ Грея сохранить миръ. Германское правительство въ предпосланной бѣлой книгѣ памятной запискѣ утверждало, что предложеніе Грея не увѣчалось успѣхомъ изъ-за того, что его отклонила Австро-Венгрія. Документы доказываютъ, что это утвержденіе совершенно ложно. Предложеніе Грея было отвергнуто самой Германіей. Излагая его, Грей—весьма естественно послѣ разговора съ Лихновскимъ—съ большою тщательностью исключилъ всякій намекъ на то, что рѣчь шла о посредничествѣ въ австро-сербскомъ спорѣ: это было вполне искренно при томъ сознательномъ равнодушіи къ сербскому вопросу, изъ котораго исходилъ Грей. При такихъ условіяхъ надо было ожидать, что инструкция имперскаго канцлера требовала принятія предложенія. И тѣмъ не менѣе предложеніе принято не было. Утромъ 14/27 юля ф.-Бетманъ-Гольвегъ, повидимому, еще допускалъ возможность посредничества четырехъ державъ между Россіей и Австро-Венгріей ¹⁾, и въ этотъ день, повинувшись его указаніямъ, Лихновскій выразилъ Грею принципиальное согласіе на это посредничество. Но нѣсколькими часами позднѣе настроеніе въ Берлинѣ рѣзко измѣнилось. Англійскій посоль сэръ Э. Гошенъ и французскій Жюль Камбонъ выслушали рѣшительный отказъ ф.-Ягова принять предложеніе Грея. Первому онъ сказалъ, что конференція означаетъ третейскій судъ между Россіей и Австріей, который не можетъ состояться безъ просьбы этихъ двухъ государствъ, и что вообще она неосуществима, а второму отвѣтилъ въ еще болѣе категорической формѣ. Въ этой перемѣнѣ настроенія Вѣна была не отвѣтственна. Повидимому, утромъ того же дня, одновременно съ отправленіемъ въ Лондонъ первоначальнаго принципиальнаго согласія на посредничество, имперскій канцлеръ телеграфировалъ германскому послу въ Вѣнѣ Чиршкому о Греевскомъ предложеніи посредничества, не высказываясь отрицательно. Отвѣтъ изъ Вѣны пришелъ только на слѣдующій день, 15/28 юля. Этотъ отвѣтъ былъ отказомъ („Графъ Берхтольдъ проситъ меня выразить вашему превосходительству искрен-

¹⁾ Въ бѣлой книгѣ германскаго правительства помѣщена слѣдующая телеграмма имперскаго канцлера князю Лихновскому 14/27 юля: „О предложеніи сэра Эдуарда Грея собрать въ Лондонѣ четверную конференцію, здѣсь пока ничего не извѣстно. Мы не можемъ влечь нашего союзника въ его распрѣ съ Сербіей предъ европейскій судъ. Наша посредническая дѣятельность должна ограничиваться опасностью австро-русскаго конфликта“. Надо полагать, что эта телеграмма есть отвѣтъ на необнародованный запросъ Лихновскаго о томъ, какъ ему отнестись къ предложенію Грея, которое было извѣстно въ Лондонѣ ранѣе его официальной передачи правительствомъ. При всей неясности указаній телеграммы она, конечно, не была отказомъ, и такъ ее и попялъ Лихновскій. Телеграмма Грея была отправлена изъ Лондона 13/26 вечеромъ и была сообщена ф.-Ягову, вѣроятно, лишь во второй половинѣ слѣдующаго дня.

нюю благодарность за сообщение англійскаго предложенія посредничества. Онъ замѣчаетъ однако при этомъ, что послѣ начатія военныхъ дѣйствій Сербіей и послѣ объявленія тѣмъ временемъ войны онъ долженъ смотрѣть на выступленіе Англии, какъ на запоздавшее“), но отказъ Берхтольда сталъ извѣстенъ въ Берлинѣ гораздо позднѣе, чѣмъ Германія отвергла предложеніе Грея.

Предложеніе Грея было, вѣроятно, лучшимъ изъ намѣчавшихся средствъ мирной ликвидаціи спора. Отвѣтственности за его неудачу Россія не несла, и всѣ знали, что она падала на Германію.

Второй путь, который могъ вести къ миру, заключался въ непосредственныхъ переговорахъ между Россіей и Австро-Венгріей. Онъ также былъ добросовѣстно испробованъ русскимъ правительствомъ уже съ самаго начала кризиса. 13/26 іюля германскій посолъ въ Петербургѣ предложилъ С. Д. Сазонову повидать австро-венгерскаго посла, чтобы выяснитъ положеніе дружескими объясненіями. Графъ Сапари былъ въ тотъ же день у министра, который ему сказалъ, послѣ отдѣльныхъ замѣчаній относительно ультиматума, что въ интересахъ сохраненія мира, который одинаково дорогъ и для Австріи, какъ для всѣхъ державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ натянутому положенію; съ этой цѣлью казалось бы очень желательнымъ, чтобы австро-венгерскій посолъ былъ уполномоченъ войти съ нимъ въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей австрійской ноты 10 іюля; такимъ путемъ, быть можетъ, удалось бы найти формулу, которая, будучи приемлемой для Сербіи, дала бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу. Сапари оказался не въ состояніи дать отвѣтъ; его далъ Берхтольдъ Н. Н. Шебеко по своему возвращеніи въ Вѣну 15/28 іюля. Этотъ отвѣтъ, которымъ разрывалась вторая нить, державшая миръ, изложенъ въ телеграммѣ посла такъ: „Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполне сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что австро-венгерское правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Отвѣтъ Сербіи служить доказательствомъ неискренности ея завѣреній для будущаго, добавилъ министр“. Отказъ не могъ быть болѣе категорическимъ. И нельзя не сказать, что въ этомъ отказѣ отвѣтственность несетъ не только Австрія, но и германское правительство. Разговоръ съ Сапаромъ происходилъ съ вѣдома и одобренія германскаго посла въ Петербургѣ, который сейчасъ же телеграфировалъ о немъ въ Берлинъ; въ Берлинѣ успѣшили имъ воспользоваться, какъ однимъ изъ предлоговъ для того, чтобы провалить предложеніе Грея о четверной конференціи, но въ то же время

отказались поддержать въ Вѣнѣ необходимость продолженія разговоровъ, несмотря на то, что завѣдомо для германскаго правительства безъ его уговоровъ графъ Берхтольдъ долженъ былъ отвѣтить русскому правительству простымъ отказомъ: это неизбежно вытекало изъ принятаго ранѣе въ Берлинѣ и Вѣнѣ рѣшенія добиться „локализаціи“ австро-сербскаго спора. Отвѣтъ ф.-Ягова на просьбу русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о поддержкѣ великолѣпенъ: „Яговъ отвѣтилъ“, телеграфировалъ А. Н. Броневскій 14/27 юля, „что онъ придерживается мнѣнія, выраженнаго Пурталесомъ, что разъ Салари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ германскому послу въ Вѣнѣ. На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ итти въ этомъ примирительномъ направленіи, онъ возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступить“. Мы не знаемъ, была ли при такихъ условіяхъ ссылка на петербургскіе переговоры при отказѣ отъ англійскаго предложенія простой отпиской, вызывавшейся легкомысленной вѣрой въ уступчивость Россіи и въ торжество намѣченной дипломатической кампаніи, или же недобросовѣстной попыткой ввести въ заблужденіе Англію,—вѣроятнѣе второе, но несомнѣнно, что германскіе канцлеръ и государственный секретарь несутъ сугубую отвѣтственность за неуспѣхъ и первой, и второй попытки спасти миръ.

С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Салари намѣчалъ еще и третій вариантъ переговоровъ о пересмотрѣ австрійскихъ требованій Сербіи: посредничество Англіи и Итали. Мысль эта носилась въ воздухѣ и, казалось, подсказывалась обстановкой: Италія числилась еще въ составѣ тройственнаго союза, и портфель министра иностранныхъ дѣлъ находился въ рукахъ ди Санъ Джуліано, много сдѣлавшаго для укрѣпленія союза. Самъ ди Санъ Джуліано заговорилъ съ англійскимъ посломъ объ англо-итальянскомъ посредничествѣ послѣ того, какъ и предложеніе Грея, и предложеніе С. Д. Сазонова были отвергнуты, 16/29 юля. Мы опредѣленно не знаемъ, предлагалъ ли онъ эту процедуру въ Берлинѣ и Вѣнѣ: это вѣроятно ¹⁾, но надо полагать, что и она была отвергнута.

Этимъ попыткамъ найти выходъ изъ положенія, исходившимъ изъ Петербурга, Лондона и Рима, ни въ Австріи, ни въ Германіи не было противопоставлено ничего другого, кромѣ стремленія такъ или иначе устранить Россію изъ австро-сербскаго спора. Первоначальный замыселъ уже извѣстенъ: это—формула „локализаціи“ со всѣми ея послѣдствіями. Когда этотъ замыселъ не осуществился, и въ Россіи сказали,

¹⁾ На это намекаетъ послѣдняя часть телеграммы сэра Р. Родда отъ 16/29 юля и его телеграмма 17/30 юля.

что тамъ не намѣрены просто-напросто уйти изъ австро-сербскаго спора, надо было подумать о какой-нибудь уступкѣ. Но вмѣсто того, чтобы предложить что-нибудь реальное—согласиться на предложенія Грея или ди Санъ Джуліано или начать переговоры въ Петербургѣ, въ Берлинѣ рѣшили, что въ качествѣ уступки можно выдвинуть обѣщаніе Австро-Венгрии не присоединять къ себѣ сербской территоріи. Въ сущности тутъ никакой новой уступки не было: что Австро-Венгрия не присоединить къ себѣ сербской земли, было заявлено князю П. А. Кудашеву въ первомъ же его объясненіи съ графомъ Берхтольдомъ, до отъѣзда послѣдняго въ Ишль. Но черезъ нѣсколько дней, тогда, когда уже ясно обозначился конфликтъ съ Россіей, обѣщаніе было выдвинуто опять, будто бы вызванное занятымъ Россіей положеніемъ. 13/26 юля графъ Сапари въ уже извѣстной намъ бесѣдѣ съ С. Д. Сазоновымъ повторилъ слова Берхтольда Кудашеву; освѣдомившись о такомъ заявленіи, германскій канцлеръ поспѣшилъ отправить во всѣ столицы телеграммы, возвѣщавшія объ этомъ, какъ о событіи, рѣшительно измѣнявшемъ общее положеніе,—хотя онъ и зналъ, что обѣщаніе дано было Вѣной ранѣе всякаго вмѣшательства Россіи въ споръ и что, слѣдовательно, оно было учтено въ Петербургѣ до того, какъ рѣшеніе вмѣшаться было принято. И что характерно для пріемовъ германской дипломатіи,—выдавая заявленіе о „территориальной незаинтересованности“ Австро-Венгрии за ея готовность пойти навстрѣчу возраженіямъ Россіи, она снабжала эту „уступку“ новыми угрозами по русскому адресу. „Послѣ того какъ Австро-Венгрия официально заявила Россіи“, читаемъ въ телеграммѣ канцлера послу въ Парижѣ,—„что она не ищетъ территориальныхъ приращеній, рѣшеніе, будетъ ли европейская война, лежить на Россіи, которая несетъ всю отвѣтственность“. Могли ли разговоры вестись въ этомъ тонѣ съ великими державами, въ Берлинѣ, повидимому, себя не спрашивали: выработанная привычкой вѣра въ спасительность угрозъ въ международныхъ дѣлахъ была такъ велика, что ими полны даже документы, предназначенные для внутренняго употребленія Германіи—о „тяжести отвѣтственности“ Россіи послѣ заявленія графа Берхтольда говорится въ томъ обращеніи германскаго канцлера къ союзнымъ германскимъ правительствамъ, которымъ имперія предупреждалась о серьезности международнаго положенія (15/28 юля). Повтореніе германскихъ угрозъ подъ новымъ предлогомъ, конечно, не способно было измѣнить положеніе и ни на іоту не приближало къ разрѣшенію кризиса. „Территориальная незаинтересованность“ Австро-Венгрии не отражалась на постановкѣ всего вопроса, выяснившейся съ отвѣтомъ Россіи на австрійскій ультиматумъ: рѣчь шла о суверенныхъ правахъ Сербіи, и противопоставленіе имъ „земельной неприкосновенности“ только подчеркивало значеніе австрійскаго выступленія, особенно

въ тотъ моментъ, когда сталъ извѣстенъ сербскій отвѣтъ на ультиматумъ, а Австрія тѣмъ не менѣе объявила ей войну и начала обстрѣль Бѣлграда. Естественно поэтому, что заявленія германскихъ дипломатовъ на тему о „территориальной незаинтересованности“ Австро-Венгрии не нашли и не могли найти отклика: въ нихъ видѣли, конечно, въ лучшемъ случаѣ только попытку обойти вопросъ, и уже во всякомъ случаѣ не выражение добросовѣстнаго исканія примирительнаго выхода. Въ документахъ записаны отвѣты, данные германскимъ посламъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Лондонѣ, судя по датамъ, вѣроятно, заранѣе не согласованные. Въ Парижѣ 15/28-го баронъ ф.-Шенъ заявилъ, что Австрія будетъ уважать неприкосновенность Сербіи, но, спрошенный, будетъ ли равнымъ образомъ уважаема независимость, онъ не далъ никакихъ увѣреній. Въ Лондонѣ 16/29-го князь Лихновскій сказалъ Грею, что Австрія не возьметъ сербской территоріи, на что Грей замѣтилъ, что, „не захватывая территоріи и оставляя номинальную сербскую независимость, Австрія можетъ на дѣлѣ обратить Сербію въ вассальное государство, а это отразится на всемъ положеніи Россіи на Балканахъ“. Въ Петербургѣ на слѣдующій день (17/30-го) разговоръ происходилъ такъ. Германскій посольскій спросилъ С. Д. Сазонова, не можетъ ли Россія удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла бы дать Австрія, не нарушать цѣлости сербскаго королевства, и указать, на какихъ условіяхъ она еще согласилась бы приостановить вооруженія; министръ продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ слѣдующее заявленіе: если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военные приготовленія.

Такимъ образомъ, пять дней изъ восьми, въ теченіе которыхъ мирный исходъ могъ быть найденъ, Германія потратила на защиту предложенія, которое Россіей завѣдомо не могло быть принято. Германскіе дипломаты не хотѣли или не умѣли отдать себѣ отчета, что принятіе условія, которое ими выдавалось за австрійскую „уступку“, для Россіи при создавшейся обстановкѣ равнялось капитуляціи, а простое предложеніе капитулировать не было исканіемъ мирнаго выхода. Оно не ввело въ заблужденіе ни Парижа, ни Лондона: миролюбіе Россіи не было заподозрѣно оттого, что она не преклонилась передъ угрозой, которой хотѣли придать несвойственное ей „мирное“ значеніе.

3.

Берлинъ.

Европейская война, конечно, не была цѣликомъ обусловлена ни тѣмъ, что задумала Австро-Венгрія, ни тѣмъ, какъ отнеслась къ этому замыслу

Россия, ни тѣмъ, какъ были встрѣчены намѣчавшіяся мирныя предложенія. Все это создавало только обстановку, въ которой развивались событія, лишь опредѣляло направление этихъ событий; для того, чтобы война возникла, надо было, чтобы одно изъ государствъ рѣшилось ее начать. Мы знаемъ, что съ внѣшней стороны это рѣшеніе было принято Германіей, которая 19 іюля/1 августа объявила войну Россіи. Я хочу показать, что это не было только внѣшней инициативой, но что и на дѣлѣ война была начата Берлиномъ и что на германскомъ правительствѣ—даже не на Австріи—лежитъ прямая и непосредственная за нее отвѣтственность.

Въ исторіи тринадцати дней, которую я рассказывало, при внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживается минута, когда совершается окончательный поворотъ къ войнѣ, и послѣдняя становится неизбежной. И послѣ этой поворотной точки продолжаютъ говорить о мирѣ, наскоро выдвигаютъ какія-то примирительныя предложенія, но дѣло мира уже проиграно. Я считаю, что она надаетъ хронологически на 14/27 и 15/28 іюля. Австро-русскій конфликтъ къ этому времени получаетъ нѣсколько болѣе яркое выраженіе—Австрія объявляетъ войну Сербіи и производитъ частную мобилизацію 15/28 іюля, на которую Россія отвѣчаетъ частной же мобилизаціей 16/29 іюля, но дѣло уже не въ австро-русскомъ конфликтѣ. За сутки отъ второй половины дня 14/27-го до вечера 15/28-го происходитъ рѣшительный поворотъ настроенія въ Берлинѣ. Мы видѣли, какъ еще утромъ 14/27-го германское правительство готово было принять мирную формулу Грея и какъ во второй половинѣ дня эта формула была рѣзко отвергнута и одновременно русскому повѣренному въ дѣлахъ отказано поддержать необходимость австро-русскихъ объясненій въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ созрѣли какія-то новыя рѣшенія,—рѣшенія, вылившіяся въ двухъ документахъ большой важности.

Одинъ изъ нихъ — инструкція, отправленная графу Пурталесу 15/28 іюля—намъ въ подлинникѣ не извѣстенъ: онъ не вошелъ въ германскую бѣлую книгу и не вошелъ по причинамъ довольно понятнымъ. Но мы знаемъ, какъ посоль эту инструкцію выполнилъ, и отсюда узнаемъ ея содержаніе. Этой инструкціей графу Пурталесу было предписано передать русскому правительству угрозу германской мобилизаціей. Такая угроза появляется здѣсь впервые; правда, и предшествующія объясненія германскихъ дипломатовъ выдержаны были въ тонѣ устрашенія, но до 15/28-го словъ: германская мобилизація, произнесено не было. Мы знаемъ, что значать эти слова: 18-го въ полночь Германія сказала, что она мобилизуетъ на слѣдующій день, а на слѣдующій день была объявлена война; основанное на военныхъ соображеніяхъ равенство для Германіи войны и мобилизаціи было, конечно, извѣстно въ Берлинѣ 15/28-го такъ же хорошо, какъ 18/31-го.

Поэтому посланная 15/28-го инструкция графу Пурталесу, несомненно, означала решимость воевать. У насъ двѣ записи разговора посла съ министромъ, сдѣланныя обоими собесѣдниками въ отправленныхъ ими телеграммахъ. Запись С. Д. Сазонова кратка: „Сегодня германскій посоль сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій...“ Запись посла болѣе подробна, но, надо полагать, въ германской бѣлой книгѣ воспроизведена не цѣликомъ и тѣмъ значительно смягчена ¹⁾. Разговоръ, мы знаемъ, начался съ того, что Пурталесъ передалъ угрозу мобилизации. „Министръ пытался“, доноситъ Пурталесъ, „убѣдить меня высказаться передъ моимъ правительствомъ за участіе въ разговорѣ вчетверомъ, дабы найти средство дружественнымъ образомъ побудить Австро-Венгрію отказаться отъ требованій, противорѣчащихъ державности Сербіи. Я, обѣщавъ лишь передачу разговора, сталъ на ту точку зрѣнія, что послѣ того, какъ Россія рѣшилась на опасный шагъ мобилизации, мнѣ кажется всякій обмѣнъ мнѣніи весьма затруднительнымъ, если не невозможнымъ. То, что Россія теперь требуетъ отъ насъ относительно Австро-Венгріи, заключается въ томъ же, въ чемъ Австро-Венгрію упрекали относительно Сербіи: покушеніе на права суверенитета; Австро-Венгрія обѣщала, заявивъ о своей территоріальной незаинтересованности, принять во вниманіе русскіе интересы,—большая уступка со стороны воюющаго государства. Поэтому надо предоставить двуединой монархіи одной уладить свое дѣло съ Сербіей. Всегда будетъ время при заключеніи мирнаго договора вернуться къ огражденію сербскаго суверенитета. Очень серьезно я добавилъ, что въ настоящее время все австро-сербское дѣло уходитъ на второй планъ сравнительно съ опасностью европейскаго пожара, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы показать воочию министру всю величину этой опасности. Было невозможно разубѣдить Сазонова въ томъ, что Россія не можетъ оставить Сербію безъ помощи“.

Одновременно съ посылкой инструкцій графу Пурталесу и въ сознаніи серьезности принятаго рѣшенія германскій имперскій канцлеръ обратился 15/28 іюля съ конфиденціальнымъ циркуляромъ ко всѣмъ союзнымъ германскимъ правительствамъ, предупреждавшимъ о предстоявшей войнѣ. Въ этомъ циркулярѣ канцлеръ естественно не сознавался и не могъ сознаваться, что въ Берлинѣ рѣшились воевать; какъ

¹⁾ Бѣлая книга состоитъ изъ мемуара и документовъ. Нѣкоторые документы введены въ составъ мемуара и цѣликомъ не воспроизведены, очевидно, съ цѣлью облегченія ихъ переработки въ мемуарѣ. Къ числу этихъ документовъ, подвергшихся переработкѣ, относится и телеграмма Пурталеса 16/29 іюля, помѣщенная въ составѣ мемуара. Она начинается съ возраженія С. Д. Сазонова и, очевидно, опускаетъ заявленіе Пурталеса, съ котораго разговоръ начался.

всѣ документы, исходившіе изъ его канцеляри, и этотъ циркуляръ стараются доказать, что война навязана Германіи. Но самая отправка циркуляра, вызванная сознанный именно въ эту минуту необходимостью предупредить о войнѣ, и то, что въ немъ было написано, показываютъ не менѣе опредѣленно, чѣмъ инструкція Пурталесу, что рѣшимость перейти линію, отдѣляющую миръ отъ войны, созрѣла въ эту минуту въ Берлинѣ. „Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“, писалъ канцлеръ. „Обязанность по возможности охранить Европу отъ всеобщей войны въ то же время побуждаетъ насъ поддерживать тѣ стремленія, которыя направлены на локализацию конфликта, въ соотвѣтствіи съ той линіей поведения, которой мы придерживались въ теченіе 44 лѣтъ въ интересахъ сохраненія европейскаго мира. Если однако противъ ожиданія вслѣдствіе выступления Россіи пожаръ распространится, то, вѣрные нашимъ союзнымъ обязанностямъ, мы поможемъ сосѣдней монархіи всѣми силами имперіи. Только вынужденные мы возьмемъ за мечъ, но тогда въ спокойномъ сознаніи, что мы не несемъ отвѣтственности за бѣдствіе, которое для народовъ Европы принесетъ война“. Когда обнажаешь мысль, лежащую въ основѣ этихъ, призванныхъ будить патриотизмъ, фразъ, то она совершенно ясна: или „локализация“ австро-сербскаго спора, или война съ Россіей. Мы знаемъ, что, когда писался циркуляръ, „локализация“ объективно была уже невозможна и вмѣшательство Россіи было совершившимся фактомъ. Поставленная такъ альтернатива означала рѣшимость идти на войну. При этихъ условіяхъ отказъ Германіи отъ всѣхъ попытокъ найти мирный исходъ изъ кризиса совершенно понятенъ. Съ 14/27-го на 15/28-ое въ Берлинѣ созрѣла готовность воевать, если Россія не капитулируетъ совершенно открыто и недвусмысленно: объ этомъ предупредили союзныя правительства, и это заявили въ Петербургѣ.

Чѣмъ была вызвана эта рѣшимость и почему она сложилась именно въ этотъ моментъ? Международное положеніе, созданное 11/24 июля, послѣ отвѣта Россіи на ультиматумъ Австріи, въ основѣ своей оставалось въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ дней неизмѣннымъ. Русское veto было съ самаго начала совершенно категоричнымъ и недвусмысленнымъ. Политически ничего новаго не могла внести въ это положеніе вызванная началомъ военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи частная мобилизация Россіи. Объ этой частной мобилизации Германія была заранее предупреждена съ такой же откровенностью, съ какой ей были объяснены мотивы вмѣшательства въ австро-сербскій конфликтъ: 14/27 июля, по просьбѣ С. Д. Сазонова, военный министръ В. А. Сухомлиновъ пригласилъ къ себѣ германскаго военнаго агента и сказалъ ему, что при переходѣ Австро-Венгріей сербской границы въ Россіи будутъ мобилизо-

ваны Киевский, Одесский, Московский и Казанский округа. Если при этих условиях в Берлине сложилась 14/27—15/28 июля решимость воевать, то причина, очевидно, лежала именно в самом Берлине. Единственное новое, что там произошло, было возвращение императора из норвежских фьордов. Помощник германского статъ-секретаря по иностранным дѣламъ, Циммерманъ, говорил сэру Э. Гошену за нѣсколько часовъ до прѣзда императора, что „министерство иностранныхъ дѣлъ сожалѣетъ объ этомъ шагѣ, рѣшенномъ по собственному почину его величества“; опытный чиновникъ чувствовалъ, что съ появленіемъ на сценѣ императора положеніе осложнится. И оно в самомъ дѣлѣ осложнилось. Канцлеръ и ф.-Яговъ ничего серьезнаго не сдѣлали для улаженія европейскаго конфликта, но они не отказывались плести дипломатическое кружево, дѣлая это грубовато и непріятно, но всетаки не рѣшаясь разорвать нитей мира. Императоръ взялъ дѣло въ свои руки и, со свойственной ему импульсивностью, круто повернулъ въ сторону войны.

Я не хочу утверждать, что эта рѣшимость не останавливаться передъ войной съ Россіей равнялась уже въ тотъ моментъ окончательному рѣшенію начать войну съ нею. По пзъ рѣшимости весьма быстро выросло рѣшеніе. Два-три дня, которые отдѣляютъ отправку циркуляра союзнымъ правительствамъ и инструкцій послу въ Петербургъ отъ ультиматума Россіи, были посвящены Германіей лихорадочной дипломатической работѣ, которая шла въ разныхъ направленіяхъ и преслѣдовала разные задачи; но каждый ея шагъ за эти дни совершается по той новой дорогѣ, которую выбралъ императоръ и которая неминуемо ведетъ къ войнѣ.

Основная забота этихъ дней—нейтралитетъ Англій. Для его обезпеченія прилагаются всѣ старанія. Другая забота—поставить дѣло съ виѣшней стороны такъ, чтобы въ странѣ могло сложиться впечатлѣніе, будто война начата Россіей. Эти два мотива легко сливаются: доказать миролюбіе Германіи кажется одинаково полезнымъ и тамъ, и тутъ. Рѣшивъ или заставить Россію капитулировать, или объявить ей войну, Германія отвергла предложеніе Грея, какъ не ведущее къ капитуляціи; но оставить на себѣ о ді и т разрушенія послѣднихъ надеждъ на мирный исходъ кризиса было крайне невыгодно; Англія настойчиво и много разъ выражала надежду на германскую помощь для охраны мира, и съ этимъ призывомъ король Георгъ V лично обратился къ принцу Генриху прусскому, который находился въ Лондонѣ въ началѣ кризиса. Поэтому 15/28-го имперскій канцлеръ позвалъ къ себѣ англійскаго посла и, извиняясь за отказъ принять предложеніе Грея, старался увѣрить его, что Германія дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы побудить Петербургъ и Вѣну дружески сговориться. На слѣдующее утро онъ снова

его вызвалъ и заявилъ, что, къ сожалѣнью, изъ его попытки ничего не вышло, но что онъ вновь телеграфируетъ въ Вѣну. Канцлеръ такъ излагалъ смыслъ этого новаго обращенія: „онъ заявилъ, что, хотя, по его мнѣнью, въ сербской нотѣ обнаруживается желаніе итти навстрѣчу требованіямъ Австріи, однако онъ понимаетъ, что безъ нѣкоторыхъ прочныхъ гарантій того, что Сербія исполнитъ предъявленныя къ ней требованія во всей ихъ полнотѣ, австро-венгерское правительство не можетъ оставаться удовлетвореннымъ въ виду своего стараго опыта. Онъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что враждебныя дѣйствія, которыя вскорѣ будутъ предприняты противъ Сербіи, завѣдомо имѣютъ своей задачей исключительно обезпеченіе такихъ гарантій, такъ какъ австрійское правительство уже завѣрило русское правительство въ отсутствіи видовъ на территоріальныя приобрѣтенія. Онъ посоветовалъ австро-венгерскому правительству, если такой взглядъ правиленъ, открыто высказаться въ этомъ смыслѣ. Такое заявленіе, какъ онъ надѣется, устранить всякія недоразумѣнія“.

Германское правительство, несмотря на свое стремленіе доказать, что оно исполняло съ рвеніемъ „посредническую роль“ между Россіей и Австро-Венгріей, не обнародовало этой телеграммы канцлера въ Вѣну. Возможно, что въ ней было сказано меньше или иначе, чѣмъ это выходило изъ изложенія ф.-Бетмаиъ-Гольвега сэру Э. Гошену. Телеграмма преслѣдовала совершенно опредѣленную цѣль—создать внѣшнее впечатлѣніе. Рассказывая о ней Гошену, канцлеръ съ нѣкоторой наивностью почти признался въ этомъ. „То обстоятельство“, пересказываетъ Гошень заключительныя слова канцлера въ своей телеграммѣ сэру Эдуарду Грею, „что онъ освѣдомляетъ васъ о своемъ сообщеніи, служить доказательствомъ довѣрія, которое онъ къ вамъ питаетъ, а равно и его заботы о томъ, чтобы вы знали, что онъ старался поддержать изо всѣхъ силъ ваши усилія въ интересахъ всеобщаго мира,—усилія, которыя онъ искренно цѣнитъ“. Германское правительство не удовольствовалось тѣмъ, что представило свою телеграмму въ качествѣ посредническаго акта въ Лондонѣ; оно пожелало ее использовать еще и съ другою цѣлью. Надо было въ виду предстоящей войны имѣть возможность доказывать, въ случаѣ надобности, что Германія не только угрожала въ Петербургѣ, но и указывала Россіи мирный выходъ изъ европейскаго конфликта. Въ этомъ, на мой взглядъ, ключъ къ телеграммамъ императора Вильгельма Государю. Починъ этихъ телеграммъ принадлежалъ императору. 15/28-го іюля, вѣроятно, одновременно съ телеграммой канцлера въ Вѣну, была отправлена первая. Ссылаясь на старинную дружбу, императоръ сообщалъ, что „употребляетъ все свое вліяніе, чтобы побудить Австро-Венгрію пойти на открытое и удовлетворительное соглашеніе съ Россіей“. Въ отвѣтъ 16/29-го іюля, который

я уже приводилъ выше, была выражена надежда, что императоръ сдѣлаетъ все, чтобы умѣрить Австрію. На это сейчасъ же была отправлена новая телеграмма, въ которой заявлялось, что, будто бы, вслѣдствіе обращенія Государя, императоръ бралъ на себя „посредничество“ въ австро-русскомъ спорѣ,—о посредничествѣ раньше ничего не говорилось,—и одновременно не только рѣзко и рѣшительно намѣчались основанія этого посредничества, которыя были, какъ мы увидимъ, для Россіи неприемлемы, но, сверхъ того, содержалась угроза —отказаться отъ посредничества, если Россіей будутъ приняты военныя мѣры, опасныя для Австро-Венгріи. Такимъ довольно грубымъ приемомъ должна была создаться слѣдующая обстановка: Россія просила посредничества Германіи, Германія на это посредничество согласилась, но Россія, не дожидаясь его результатовъ, ускорила свои военныя приготовления. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Германскій императоръ, въ стремленіи заранѣе перемѣстить отвѣтственность, по собственному почину заявилъ, что старается воздѣйствовать на Вѣну, не обозначая въ точности, въ чемъ будетъ заключаться воздѣйствіе,—онъ имѣлъ въ виду телеграмму канцлера въ Вѣну, но не изложилъ даже общаго ея смысла; Государь просилъ въ отвѣтъ дѣйствовать умѣряюще на австрійское правительство. Истинный смыслъ перваго обращенія къ Государю—желаніе подготовить внѣшній эффектъ обнаружилось сейчасъ же: въ своей второй телеграммѣ императоръ поспѣшилъ поставить такія условія, которыя оказались замаскированной угрозой. Телеграмма канцлера въ Вѣну, которой спѣшили воспользоваться и для внушенія ложнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ, и для несправедливаго переложенія общей отвѣтственности за рѣшешную въ принципѣ войну на Петербургъ, въ самомъ дѣлѣ представляла собой лишь новый пересказъ того, что Германія неустанно выдавала за свое примирительное предложеніе, пересказъ пресловутой „территориальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи: Сербія принимала весь ультиматумъ, давала гарантіи его исполненія, а зато Австрія объявляла своимъ намѣреніемъ не требовать ничего другого, кромѣ „гарантій“. Еще не получивъ никакого отвѣта изъ Вѣны, императоръ Вильгельмъ бралъ подъ свою защиту это будущее заявленіе австрійскаго правительства и повторялъ заявленіе, только что сдѣланное Пурталесомъ С. Д. Сазонову. „По моему мнѣнію“, говорилось въ телеграммѣ 16/29 июля, „на выступленіе Австро-Венгріи надо смотрѣть, какъ на попытку добиться полной гарантіи, что обѣщанія Сербіи будутъ превращены въ дѣйствія. Въ этомъ мнѣніи меня укрѣпляетъ объявленіе австрійскаго кабинета, что Австро-Венгрія не замышляетъ никакихъ территориальныхъ завоеваній за счетъ Сербіи. Я думаю поэтому, что Россія вполне можетъ сохранить роль зрителя въ австро-сербской войнѣ, не вовлекая Европу въ ужаснѣйшую войну, когда-либо ею пере-

живавшуюся. Я думаю, что прямое соглашеніе между Твоимъ правительствомъ и Вѣною возможно и желательно, соглашеніе, которое—какъ я уже Тебѣ телеграфировалъ,—мое правительство старается облегчить всѣми силами. Естественно военныя мѣры Россіи, въ которыхъ Австро-Венгерія могла бы усмотрѣть угрозу, ускорять несчастье, которое мы оба хотимъ избѣжать, и похоронять мое положеніе, какъ посредника, которое я,—въ виду Твоего призыва къ моей дружбѣ и помощи,—съ готовностью принялъ“. Та же альтернатива: война или капитуляція Россіи, но скрытая въ попыткѣ возложить отвѣтственность войны на послѣднюю.

Рѣшимость воевать, если Россія не помирится съ австрійской политикой, приводила германское правительство не только къ этимъ стараніямъ снять съ себя, съ внѣшней стороны, отвѣтственность за войну, но еще къ поспѣшному обезпеченію своихъ дипломатическихъ фланговъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что благопріятныя дипломатическія условія большой войны не могутъ быть созданы за два дня до ея объявленія, императоръ Вильгельмъ и имперскій канцлеръ, превратившійся въ простого исполнителя воли императора, безъ колебаній приняли за эту задачу. Она, конечно, оказалась имъ не по плечу: не только ничего не было достигнуто, но было проявлено такое отсутствіе политическаго чутья, такая грубость пріемовъ, что результатъ получился обратный.

Первая мысль была, естественно, обезпеченіе англійскаго нейтралитета. 16/29 іюля имперскій канцлеръ, вернувшись изъ Потсдама, вторично вызвалъ къ себѣ уже бывшаго у него въ этотъ день англійскаго посла и сказалъ ему, что, если Россія нападетъ на Австрію, то, онъ опасается, возникнетъ европейская война; канцлеръ твердо уповаетъ на британскій нейтралитетъ; насколько онъ понимаетъ, Англія не можетъ остаться равнодушной къ разгрому Франціи, но не такова цѣль Германіи; если Англія обѣщаетъ свой нейтралитетъ, то Германія готова дать обязательство британскому правительству не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи въ случаѣ удачной войны. Выслушавъ эти неожиданныя заявленія, сэръ Э. Гошенъ спросилъ о французскихъ колоніяхъ. Канцлеръ отвѣтилъ, что не въ состояніи дать въ этомъ отношеніи одинаковое обязательство. Но онъ поспѣшилъ прибавить, что голландскій нейтралитетъ нарушенъ не будетъ, и что если дѣйствія Франціи вызовутъ необходимость войти въ Бельгію, то неприкосновенность ея территоріи останется признанной, развѣ бы страна стала на сторону враговъ Германіи. Потомъ канцлеръ сталъ говорить, что онъ мечтаетъ объ общемъ соглашеніи относительно взаимнаго нейтралитета съ Германіей и видѣлъ бы въ предложенной имъ сдѣлкѣ первый шагъ на этомъ пути. Посолъ замѣтилъ, что едва ли сэръ Эдуардъ Грей пожелаетъ въ эту минуту связать свободу дѣйствій Англіи, но обѣщалъ передать заявленіе канцлера въ Лондонъ.

Въ тотъ самый день, когда эти предложенія дѣлались Гошену въ Берлинѣ, въ Лондонѣ сэръ Эдуардъ Грей разговаривалъ съ княземъ Лихновскимъ на ту же тему—о вѣроятности европейской борьбы и о роли въ ней Англии. Но какъ далекъ былъ этотъ разговоръ отъ того, что предлагалось въ Берлинѣ. „Положеніе очень серьезно“, говорилъ Грей. „Пока дѣло ограничивалось наличными спорами, мы и не думали въ нихъ вмѣшиваться. Но если Германія окажется въ нихъ вовлеченной, а за ней Франція, споръ станетъ такъ значителенъ, что онъ будетъ связанъ со всѣми европейскими интересами. Я не хочу, чтобы дружественный тонъ нашего разговора,—который, я надѣюсь, не измѣнится,—ввелъ въ заблужденіе, что мы останемся въ сторонѣ... Я не хочу прибѣгать къ чему-либо похожему на угрозу или пытаться оказать давленіе, заявляя, что если дѣла пойдутъ хуже, мы вмѣшаемся. Не можетъ быть и рѣчи о вмѣшательствѣ, если Германія не будетъ вовлечена, или даже если Франція не будетъ вовлечена въ борьбу. Но мы хорошо знаемъ, что, если положеніе будетъ таково, что мы будемъ считать вмѣшательство необходимымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, намъ придется вмѣшаться сразу же и наше рѣшеніе будетъ быстрымъ такъ же, какъ и рѣшенія другихъ державъ“.

Еще до полученія отвѣта Грея на предложенную ему сдѣлку имперскій канцлеръ узналъ изъ телеграммы Лихновскаго содержаніе этой бесѣды; увидѣвъ англійскаго посла, онъ сказалъ ему, что, если бы раньше имѣлъ эту телеграмму, то не говорилъ бы съ нимъ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Несмотря на полный недостатокъ чуткя, даже ф.-Бетманъ-Гольвегъ ионялъ, насколько неумѣстны и безцѣльны были его изліянія. Отвѣтъ Грея пришелъ уже тогда, когда война съ Россіей и Франціей была рѣшена; канцлеръ, слушая его, былъ въ такомъ волненіи, что, повидимому, плохо его понималъ; но одного этого отвѣта достаточно для характеристики политическаго пониманія руководителей судебъ Германіи, самодовольно мечтавшихъ вертѣть Европой, гдѣ угрозами, а гдѣ двусмысленными обѣщаніями.

Этотъ отвѣтъ Грея настолько интересенъ, онъ такъ великолѣпно выраженъ, такъ точно объясняетъ мотивы англійской политики, что его хочется привести цѣликомъ. „Правительство его величества ни на минуту не можетъ допустить объясненій относительно предложенія канцлера обязатья на указанныхъ условіяхъ соблюдать нейтралитетъ. То, что онъ намъ предлагаетъ, на дѣлѣ значитъ обязатья стоять въ сторонѣ, пока будутъ захватываться французскія колоніи, а Франція будетъ разбита, поскольку только Германія не присоединитъ къ себѣ французской территоріи, не считая притомъ колоній. По существу это предложеніе неприемлемо, такъ какъ Франція, даже если ея европейская территорія не будетъ отъ нея отнята, можетъ быть до того раз-

давлена, что потеряет свое положеніе великой державы и сдѣлается подвластной германской политикѣ. Помимо этого, вообще было бы позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи,—позоромъ, послѣ котораго доброе имя нашей страны никогда не было бы восстановлено. Канцлеръ предлагаетъ намъ также вступить въ торгъ относительно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи бельгійскаго нейтралитета. И на этотъ торгъ мы согласиться не можемъ. Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности разсматривать, представляетъ ли предположеніе будущаго соглашенія объ общемъ нейтралитетѣ между Англійей и Германіей какія-либо положительныя выгоды, достаточныя для насъ въ качествѣ вознагражденія за то, что мы теперь свяжемъ себѣ руки. Мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствовать такъ, какъ отъ насъ могутъ потребовать обстоятельства неблагоприятнаго и прискорбнаго развитія настоящаго кризиса, которое и имѣетъ въ виду канцлеръ. Объяснитесь въ этомъ смыслѣ съ канцлеромъ и прибавьте самымъ серьезнымъ образомъ, что единственный путь поддержать добрыя отношенія между Англійей и Германіей—это продолжать совмѣстно дѣйствовать для сохраненія европейскаго мира; если мы въ этомъ успѣемъ, то взаимныя отношенія Германіи и Англии будутъ, я увѣренъ, тѣмъ самымъ улучшены и закрѣплены. Ради этой цѣли правительство его величества будетъ дѣйствовать на этомъ пути съ полной искренностью и добросовѣстностью. И скажу еще слѣдующее: если миръ Европы будетъ сохраненъ и настоящий кризисъ благополучно минуетъ, я самъ буду искать созданія какого-либо соглашенія, въ которомъ Германія приняла бы участіе, гдѣ ей было бы обезпечено, что ни по отношенію къ ней, ни къ ея союзникамъ Франція, Россія и мы сами, ни совмѣстно, ни въ отдѣльности, не будемъ преслѣдовать агрессивной или враждебной политики. Я этого желалъ и работалъ для этого, какъ могъ, въ теченіе послѣдняго балканскаго кризиса, и такъ какъ Германія преслѣдовала ту же цѣль, то наши отношенія замѣтно улучшились. Эта мысль до сихъ поръ была слишкомъ утопической, чтобы сдѣлать ее предметомъ окончательныхъ предложеній, но если настоящий кризисъ, несравненно болѣе острый, чѣмъ все, что Европа переживала въ теченіе ряда поколѣній, благополучно минуетъ, то, надѣюсь, чувство облегченія и реакціи, которое за нимъ послѣдуетъ, можетъ сдѣлать возможнымъ болѣе опредѣленное сближеніе между державами, чѣмъ было мыслимо до сихъ поръ“.

Итакъ, 15/28-го въ Берлинѣ окончательно созрѣла рѣшимость воевать; день 16/29-го былъ посвященъ попыткамъ ввести въ заблужденіе Англию, переложить отвѣтственность за войну на Россію и вступить съ Греемъ въ торгъ, который показался тому позорнымъ. При этихъ условіяхъ, конечно, меньше всего думали о томъ, что выйдетъ изъ той

телеграммы, которую въ полномъ смыслѣ слова для отвода глазъ отъ правиль канцлеръ въ Вѣну. Въ Берлинѣ не могли не знать, что германскій посоль въ Вѣнѣ, который, по выраженію своего англійскаго товарища, „отождествилъ себя съ крайнимъ антирусскимъ и антисербскимъ настроеніемъ, господствующимъ въ Вѣнѣ“, не приложитъ особыхъ стараній, чтобы вложить въ телеграмму канцлера искренняго примирительнаго содержанія. И нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, что отвѣта изъ Вѣны ждали и придавали ему какое-нибудь значеніе. Въ день отправки телеграммы императоръ Вильгельмъ въ своемъ обращеніи къ Государю опредѣлилъ самъ, нисколько не стѣняясь тѣмъ, что могло прійти изъ Вѣны, условія мира, равнявшіяся, мы знаемъ, капитуляціи Россіи; 17/30-го іюля графъ Пурталесъ снова повторялъ С. Д. Сазонову вопросъ, удовольствуется ли Россія заявленіемъ о территориальной незаинтересованности Австро-Венгрии, слѣдовательно, не подвинулся съ той точки, на которой Германия стояла съ перваго дня кризиса.

Тѣмъ временемъ въ Вѣнѣ совершалась рѣшительная перемѣна. Тотъ день 15/28 іюля, который былъ въ Берлинѣ началомъ воинственной политики, былъ въ Вѣнѣ ея концомъ. Въ этотъ день, мы знаемъ, графъ Берхтольдъ, вернувшись изъ Ишля, рѣшительно отказалъ Н. Н. Шебеко въ обсужденіи въ Петербургѣ какихъ-либо измѣненій австрійскихъ требованій. 16/29-го началась война съ Сербіей и были получены извѣстія о русской мобилизаціи. Могло казаться, что положеніе стало безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе 17/30-го графъ Берхтольдъ обнаружилъ совершенно опредѣленные признаки отступленія. Предоставимъ рассказывать англійскому послу въ Вѣнѣ, спокойныя и продуманныя донесенія котораго особенно цѣнны. „Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ русскому послу, что, разъ Россія мобилизовала, Австрія, разумѣется, должна сдѣлать то же самое. Это не должно, однако, разсматриваться, какъ угроза, а лишь какъ принятіе предосторожностей, подобныхъ тѣмъ, кои были приняты по ту сторону границы. Онъ не имѣетъ возраженій противъ продолженія русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и графомъ Салари ихъ разговоровъ, хотя онъ и не сказалъ, что они могутъ быть возобновлены на основѣ сербскаго отвѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день 18/31 іюля графъ Салари заявилъ С. Д. Сазонову, что его правительство готово обсудить содержаніе австрійскаго ультиматума Сербіи. С. Д. Сазоновъ выразилъ свое удовольствіе и сказалъ, что обсужденіе лучше всего сосредоточить въ Лондонѣ съ участіемъ великихъ державъ. Графъ Берхтольдъ не удовольствовался посылкой инструкціи графу Салари и поспѣшилъ лично еще разъ повидать 18/31-го русскаго посла, чтобы просить его всячески постараться разсѣять „совершенно ошибочное“ впечатлѣніе въ Петербургѣ, будто Австро-Венгрія закрыла дверь для всякихъ дальнѣйшихъ

разговоръ; онъ сказалъ, что Австро-Венгрія не замышляетъ ни нарушенія суверенныхъ правъ Сербіи, ни присоединенія сербской территоріи. Въ тотъ же день совершенно одинаковое заявленіе о признаніи сербскаго суверенитета было предписано сдѣлать въ Парижѣ австро-венгерскому послу, и обо всѣхъ этихъ настойчивыхъ и торопливыхъ мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія англичанъ.

Отступленіе было полнымъ. Надо отмѣтить одну подробность, которая дѣлаетъ его особенно рѣзкимъ: извѣстіе о всеобщей мобилизаціи въ Россіи должно было дойти въ Вѣну 18/31-го утромъ, и оно ни малѣйшимъ образомъ не отразилось на готовности уступить Россіи.

Каковы были причины этого отступленія? Германское правительство заднимъ числомъ пыталось доказать, что оно было вызвано его примирительными совѣтами. Меморандумъ бѣлой книги прямо заявляетъ, что „16/29-го іюля графъ Салари, по германскому предложенію (auf unsere Anregung), получилъ предписаніе начать разговоръ съ г. Сазоновымъ“. Здѣсь прямое искаженіе: я уже не говорю о томъ, что не вполнѣ вѣроятно, чтобы посланная изъ Берлина 16/29-го, извѣстная намъ телеграмма канцлера могла такъ скоро послѣть превратиться въ инструкцію Салари, полученную въ тотъ же день; процедура шифрованія и расшифрованія въ трехъ мѣстахъ, разговоръ и телеграфной передачи дѣлали такую быстроту невѣроятной. У насъ есть гораздо болѣе вѣское доказательство: Германія настолько мало повліяла въ Вѣнѣ въ смыслѣ уступки Россіи, что наканунѣ того дня, когда графъ Берхтольдъ сказалъ Н. Н. Шебеко о готовности Австро-Венгріи уважать суверенныя права Сербіи, ф.-Яговъ въ Берлинѣ заявилъ русскому послу о непріемлемости для Австріи признанія этихъ правъ.

Въ Берлинѣ уже не считались съ Вѣной и принимали рѣшенія за австро-венгерское правительство, вопреки его волѣ и его пониманію европейскаго положенія. Телеграмма канцлера 16/29 іюля и другая телеграмма, передававшая въ Вѣну выдвинутое Греемъ наканунѣ войны предложеніе посредничества четырехъ державъ съ сохраненіемъ временной оккупации Бѣлграда и отправленная изъ Берлина 17/30-го, посылались только, чтобы имѣть возможность заявить объ этомъ английскому послу и сэру Э. Грею; на обѣ могъ прійти изъ Вѣны, гдѣ принято было рѣшеніе отступать, только удовлетворительный отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ, если онъ и попадалъ въ Берлинъ—настроеніе фонъ Чиршкаго намъ извѣстно, и онъ могъ быть тенденціознымъ даже въ донесеніяхъ своему правительству,—уже не мѣнялъ рѣшеній германскаго императора.

Эти рѣшенія принимались съ головокружительной быстротой. Напомню, что 16/29-го императоръ въ телеграммѣ Государю формулировалъ имъ самимъ составленныя и, оказывается, вовсе не согласованныя

съ намѣреніями союзника условия компромисса между Россіей и Австро-Венгріей; въ той же телеграммѣ онъ говорилъ, что военныя мѣропріятія Россіи вызовутъ несчастье. Мы знаемъ, какъ спокойно отнесся графъ Берхтольдъ къ частной мобилизаци въ Россіи, направленной противъ Австро-Венгрии. Но то, что не поколебало дипломатической выдержки австрійскаго министра,—въ этомъ качествѣ ему отказать невозможно, и онъ сохранилъ его до конца,—лишило императора Вильгельма всякаго равновѣсія духа. Его телеграмма Государю 17/30 іюля не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. „Мой посоль получилъ приказаніе“, сказано въ ней, „указать Твоему правительству на опасности и тяжелыя послѣдствія мобилизаци; то же я сказалъ Тебѣ въ моей вчерашней телеграммѣ. Австро-Венгрія мобилизовала только противъ Сербіи и только часть своей арміи. Если Россія, какъ явствуетъ изъ Твоего сообщенія и сообщенія Твоего правительства, мобилизуетъ противъ Австріи, то посредническая роль, которую Ты мнѣ дружественнымъ образомъ ввѣрилъ и которую я принялъ по Твоей прямой просьбѣ, ставится въ опасность, если не сдѣлается невозможной. Вся тяжесть рѣшенія лежитъ теперь на Твоихъ плечахъ, и Ты отвѣчаешь за войну или миръ“.

Эта телеграмма обличаетъ совершенно ясно, что въ глазахъ императора отступление Австро-Венгрии, о которомъ было въ ту минуту извѣстно въ Берлинѣ, не представляетъ болѣе никакого интереса и значенія. Онъ, императоръ, дѣлается центромъ, волю котораго должна творить Европа. Телеграмма вскрываетъ,—въ той обстановкѣ, въ которой она была отправлена,—ничѣмъ не сдерживаемую гордыню. Воля Германіи—высшій законъ; кто дерзаетъ ей не подчиниться, тотъ несетъ отвѣтственность за войну. Германіи завѣдомо никто не угрожаетъ: русское правительство откровенно и внимательно держитъ германскихъ представителей въ Петербургѣ въ извѣстности о томъ, какія военныя мѣры имъ приняты и какія нѣтъ. И тѣмъ не менѣе мобилизаци противъ Австріи объявлена покушеніемъ на Германію; пресловутое „посредничество“—только маска, подъ которой скрывается притязаніе на европейскую гегемонію.

Телеграмма 17/30-го объясняетъ то, что случилось ранѣе, и то, что произошло потомъ. Намъ понятна теперь рѣшимость воевать, къ которой пришли въ Берлинѣ по возвращеніи императора изъ Норвегіи: эта рѣшимость вызвана была предчувствіемъ, что воля Германіи еще не законъ для Россіи, и ослѣпленной гордостью, заставлявшей стремиться во что бы то ни стало доказать обратное. Изъ этой рѣшимости 17/30-го сложилось рѣшеніе, которое было приведено въ исполненіе на слѣдующій день. При томъ припадкѣ неуравновѣшенной разсудкомъ надменности, которую наблюдаешь въ Берлинѣ за эти дни, извѣстіе о всеоб-

щей мобилизации Россіи неминуемо вызывало катастрофу. Германское правительство старалось заднимъ числомъ представить это извѣстие, какъ неожиданное: эта попытка—лишнее свидѣтельство ослѣпленія Берлина. Германія 16/29-го и 17/30-го угрожала Россіи войной, если не будетъ отмѣнена частичная мобилизація. „Это требованіе получило отъ насъ“, говорилъ сару Э. Грею графъ Бенкендорфъ, „лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать великая держава“. Такимъ отвѣтомъ могла быть только всеобщая мобилизація. Английскій посоль въ Петербургѣ телеграфировалъ въ Лондонъ 17/30 июля: „Возбужденіе здѣсь достигло такого предѣла, что, если Австрія откажется сдѣлать уступку, Россія не можетъ остаться спокойной и, разъ она знаетъ теперь, что Германія вооружается, она едва ли можетъ отложить, по стратегическимъ соображеніямъ, превращеніе частной мобилизаціи во всеобщую“. Въ день всеобщей мобилизаціи утромъ Государь отправилъ императору Вильгельму слѣдующую телеграмму: „Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое позволяетъ сохранять слабую надежду, что все можетъ еще кончиться мирно. Технически невозможно остановить военныя приготовленія, необходимость которыхъ была вызвана австрійской мобилизаціей. Мы очень далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ продолжаться переговоры съ Австріей о Сербіи, Мои войска не предпримутъ наступательныхъ дѣйствій. Въ этомъ Я даю тебѣ торжественно Мое слово. Я всѣми силами надѣюсь на Милость Божию и надѣюсь на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ на благо Нашихъ странъ и мира Европы“.

Эта телеграмма пришла по назначенію послѣ того, какъ изъ Берлина было отправлено графу Пурталесу приказаніе передать ультиматумъ, требовавшій отъ Россіи отмѣны всѣхъ военныхъ мѣръ. Быть можетъ, неравновѣшенное и возбужденное настроеніе, переживавшееся Берлиномъ, позволяло надѣяться, что Россія приметъ ультиматумъ, но объективно это было, конечно, вѣдъ предѣловъ возможнаго. Началась война.

Надо думать, что она больше всего удивила Вѣну: первымъ, кто упразднилъ Австро-Венгрію, былъ германскій императоръ, въ эти послѣдніе дни европейскаго кризиса; когда австрійскій посоль въ Петербургѣ объявлялъ намъ войну черезъ пять дней послѣ Германіи и ссылался на то, что, „согласно сообщенію берлинскаго кабинета“, Россія сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи, онъ могъ бы прибавить, что и обо всемъ остальномъ, что случилось передъ войной, его правительство узнало только заднимъ числомъ, когда „берлинскій кабинетъ“ уже принялъ за него рѣшеніе. Надо прочесть любопытную картину того, что происходило въ Вѣнѣ послѣ германскаго объявленія войны, въ депешѣ англійскаго посла ди-Бунзена, чтобы видѣть, какъ медленно раскачивалось австрійское правительство, прежде чѣмъ

рѣшилось послѣдовательно признать, что воюетъ съ Россіей, Франціей, Англійей; но война была, конечно, для нея неизбежною, наступившей въ 7 час. 10 мин. вечера 19 юля/1 августа, въ тотъ моментъ, когда графъ Пурталесъ выходилъ изъ кабинета С. Д. Сазонова, передавъ ему ноту о войнѣ. Нѣтъ надобности слѣдить за процедурой формальнаго возникновенія всѣхъ этихъ австрійскихъ войнъ: это была бы уже не исторія, а канцелярская опись.

Для моралиста, изучающаго тѣ послѣдніе дни, когда неумѣренная гордыня нѣмцевъ и ихъ слѣпая вѣра въ силу угрозы вызвала европейскую войну, есть великое утѣшеніе. Войнственный паѳосъ этихъ дней былъ отравленъ императору страхомъ передъ Англійей. Въ Берлинѣ чувствовали, что англійскій нейтралитетъ не обезпеченъ; торгъ, предложенный Грею, не удался; Грей откровенно заявлялъ нѣсколько разъ за послѣдніе дни, что Германія не должна рассчитывать на его невмѣшательство. Несмотря на все это, въ Берлинѣ хранили надежду, что дѣло не проиграно. Равнодушіе, которое Англія обнаруживала къ сербскому вопросу въ началѣ кризиса, можно полагать, сбивало съ толку. Надо было во что бы то ни стало предотвратить опасность. Что только не было предпринято съ этою цѣлью, и всякій день и часъ она надвигалась все ближе и ближе. Прежде всего, надо было внушить въ Лондонѣ, что не Германія нарушила миръ. Въ день объявленія войны императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ Георгу V, не говоря ни о своемъ ультиматумѣ, ни объ объявленіи войны, что Государь Императоръ не дождался результатовъ его посредничества и „оставилъ его безъ всякихъ извѣстій“ (?) и что онъ, императоръ Вильгельмъ, принимаетъ мѣры къ „обезпеченію безопасности своихъ восточныхъ границъ“. Когда нельзя было больше скрывать, государственный секретарь ф.-Яговъ сказалъ сэру Э. Гошену, что, „такъ какъ нѣкоторыя русскія войска перешли границу, Германія и Россія находятся въ состояніи войны“. Къ этому совершенно дѣтскимъ уловкамъ и лжи прибѣгали въ то время, какъ Германія своими дѣйствіями ставила передъ Англійей грозную, непосредственно затрогивавшую ея основныя интересы, проблему политическаго равновѣсія—возможность разгрома Франціи. Когда императоръ объявлялъ войну Россіи, онъ зналъ, что шелъ на войну съ Франціей; но онъ не понималъ, что война съ Франціей значила войну съ Англійей. 19 юля/1 августа германскій посолъ князь Лихновскій, который, одинъ изъ многочисленныхъ германскихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ событіяхъ, отдавалъ себѣ, повидимому, въ этотъ моментъ отчетъ въ положеніи, настойчиво убѣждалъ Грея опредѣлить условія англійскаго нейтралитета; онъ взялъ на себя предложить гарантію неприкосновенности Франціи и ея колоній; въ этомъ предложеніи было больше такта, чѣмъ въ „торгѣ“ канцлера, но оно пришло слишкомъ поздно, и Грей его отклонилъ. Въ

тотъ же день императоръ и канцлеръ, на основаніи нѣскольکو неясной передачи Лихновскимъ обрывка своего разговора съ Греемъ о желательности предупредить военныя дѣйствія между Германіей и Франціей, телеграфировали въ Лондонъ, что отказываются даже отъ войны съ Франціей, если Англія гарантируетъ ея нейтралитетъ. Разговоръ съ Греемъ происходилъ тогда, когда послѣдній еще не зналъ о германской мобилизации; послѣ того какъ это извѣстіе было получено въ Лондонъ, самъ Лихновскій призналъ, что говорить о нейтралитетѣ Франціи „совершенно безнадежно“. Наканунѣ всѣхъ этихъ телеграммъ германскій ультиматумъ Франціи былъ уже отправленъ, а на слѣдующій день послѣ нихъ была объявлена война. Англійское правительство немедленно заняло новое положеніе: 20 іюля/2 августа оно письменно заявило французскому правительству, что, если германскій флотъ черезъ Сѣверное море или черезъ каналъ нападетъ на Францію, англійскій флотъ окажетъ ей помощь; на слѣдующій день сэръ Э. Грей объ этомъ заявилъ въ палатѣ общинъ въ томъ историческомъ засѣданіи, за каждымъ поворотомъ котораго съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ весь міръ. Германія немедленно заявила, что отказывается отъ морскихъ дѣйствій противъ сѣвера Франціи; 22 іюля/4 августа канцлеръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что „повторяетъ это обѣщаніе передъ лицомъ всего свѣта“.

Но и на этотъ разъ было слишкомъ поздно; готовность принимать англійскія требованія сочеталась въ Германіи съ рѣшимостью предъявлять ультиматумы всѣмъ своимъ сосѣдямъ: послѣдній изъ трехъ—ультиматумъ Бельгіи—далъ англійскому правительству возможность сказать странѣ, что время войны наступило. Было бы, конечно, неправильно думать, что Англія воюетъ только потому, что Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ; но всякій, кто читалъ рѣчь Грея въ палатѣ общинъ, знаетъ, что этимъ была создана одна изъ тѣхъ великихъ морально-политическихъ формулъ, которыми англійская внѣшняя политика живетъ на пространствѣ вѣковъ. Въ бельгійскомъ вопросѣ германская политика опредѣлялась генералами или, точнѣе говоря, политики совсѣмъ не было, а была только стратегія. Можно думать, что и стратегія не очень точная: ф.-Яговъ объяснялъ англійскому послу, что не идти черезъ Бельгію—значило терять время, а эта потеря времени есть „вопросъ жизни и смерти“, ибо дастъ Россіи возможность „подвести свои войска къ германской границѣ“. Всѣ усилія Германіи, немѣлныя, но настойчивыя, граничившія съ готовностью мириться даже съ немалымъ умаленіемъ своего достоинства великой державы, которыя прилагались, чтобы добиться англійскаго нейтралитета, потерпѣли крушеніе въ этомъ забвеніи политики и исторіи.

Бар. Б. Э. Нольде.

Судъ исторіи. ¹⁾

V.

Въ газетахъ установился какъ бы публицистическій трафаретъ, что современная Германия есть та самая милитарная и милитаристическая Пруссія, которая объединила германскія государства, что Вильгельмъ II—продолжатель политики Бисмарка и что въ этихъ традицияхъ ключъ къ пониманію великой европейской войны 1914 г.

Мы уже показали, въ какой мѣрѣ невѣрно это отождествленіе политики Бисмарка съ политикой Вильгельма II въ области русско-германскихъ отношеній. ²⁾ Но шаблонное трактованіе прусско-германскаго милитаризма, какъ чего-то единого и цѣлаго на пространствѣ всей его исторіи, невѣрно въ еще болѣе общемъ и глубокомъ смыслѣ. Политика, которая привела къ войнѣ 1914 г., есть нѣчто новое сравнительно съ той политикой, которая восторжествовала въ 1866, 1870—1871 гг., нѣчто кореннымъ образомъ отъ нея отличное. Въ этомъ—особенный характеръ событій, переживаемыхъ нами. Ни одна изъ странъ, участвующихъ въ великомъ конфликтѣ, ни Англія, ни Франція, ни даже Россія, не является въ настоящую минуту какъ великая держава со столь новымъ обликомъ, какъ Германия. Этимъ новымъ обликомъ Германіи отмѣчено все столкновеніе. Онъ придаетъ войнѣ ея грозный и рѣшающій характеръ.

Войну ведетъ новая Германія, и Вильгельмъ II не наследникъ Бисмарка, а протагонистъ этой новой Германіи, которая въ основѣ чужда поколѣнію Вильгельма I и Бисмарка. Отсюда—поразительное зрѣлище единодушія Германіи въ этой борьбѣ; вѣдь—что бы тамъ ни говорили—въ ней соціалъ-демократія и рабочіе подаютъ руку милитаризму и юнкерству. Конечно, въ новой Германіи есть черты и старой, и даже именно въ этомъ сочетаніи новаго и стараго заключается объясненіе того конкретнаго оборота, который приняли событія. Новая

¹⁾ Продолженіе. См. *Русская Мысль* 1914 г., кп. VIII-IX.

²⁾ См. августъ-сентябрь.

Германія является, конечно, недостаточно новой. Новымъ содержаніемъ жизни она пытается овладѣть при помощи старыхъ формъ. Но рѣшающее значеніе въ великомъ конфликтѣ принадлежитъ всетаки не этимъ старымъ формамъ, а влившемуся въ нихъ новому содержанію. Историческое разсмотрѣніе судебъ народовъ должно имѣть въ виду слова великаго нѣмецкаго историка, который писалъ, что „муза исторіи имѣетъ широчайшій духовный горизонтъ и съ полнымъ мужествомъ отстаиваетъ свои мнѣнія. Внесене интересовъ современности въ историческую работу приводитъ обычно къ тому, что свобода этой работы нарушается“. ¹⁾ Публицистикѣ сегодняшняго дня, быть можетъ, соблазнительно и выгодно видѣть въ новомъ только старое и какъ бы отжившее. Той публицистикѣ, которая осуществляетъ девизъ другого великаго историка: „Политика и исторія суть лишь двѣ стороны одной и той же науки“ ²⁾, и приличествуетъ различать, а не смѣшивать, не малевать дѣйствительность въ одну краску, а видѣть отѣнки и переходы.

VI.

Германія Бисмарка была „насыщена“, новая Германія, наоборотъ, ощущала неутолимую потребность въ расширеніи своего могущества. Именно вся Германія ощущала эту потребность, а вовсе не одно конкерство съ Вильгельмомъ во главѣ. Посмотримъ, какъ самые дальновидные, наиболѣе широко смотрящіе нѣмцы понимаютъ и формулируютъ „нѣмецкую идею“. ³⁾

„Нѣмецкая идея“ не состоитъ въ абсолютномъ міровомъ господствѣ. Но она требуетъ согосподства надъ міровой культурой, согосподства рядомъ съ англо-саксонствомъ. Другія силы представляются заранѣе исключенными изъ состязанія. Россія „внутренней некультурностью“ осуждена на неудачу своихъ замысловъ и упованій въ области міровой политики, а Франція, добровольно отказавшись отъ размноженія, тѣмъ обнаружила „моральный упадокъ“ и признала себя неспособной участвовать въ соперничествѣ міровыхъ народовъ. „Лишь нѣмецкая нація рядомъ съ англо-саксами такъ развилась, что является въ одно и то же время достаточно многочисленной и внутренне достаточно крѣпкой для того, чтобы для своей народной идеи притязать на участие въ судьбахъ наступающей міровой эпохи“. Но эту нѣмецкую идею можно правильно понять, лишь усвоивъ себѣ, что она

¹⁾ *Ranke* въ предисловіи къ „*Englische Geschichte vornehmlich im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert*“.

²⁾ *См.* Расширеніе Англи. Два курса лекцій. Спб., 1903 г., стр. 129.

³⁾ Въ дальнѣйшемъ и пользуюсь книгой *Рорбаха*: *Paul Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf-Leipzig, 1912.*

можетъ быть поддерживаема въ своей силѣ лишь непрерывнымъ ея распространениемъ. „Мы не можемъ остановиться или стоять на мѣстѣ, для насъ не можетъ быть даже временнаго отказа отъ расширения нашей жизненной сферы, у насъ выборъ только между тѣмъ, чтобы снова пасть на уровеньъ территориальныхъ народовъ или же завоевать себѣ мѣсто рядомъ съ англо-саксами. Мы подобны дереву, корни котораго въ расщелинѣ скалы. Либо мы раздвинемъ скалу и будемъ расти, или сопротивление нашему росту такъ велико, что мы засохнемъ отъ недостатка питанія. Немыслимо сказать: развивайте вашу культуру, умножайте ваше богатство, повышайте ваше научное, техническое, художественное умѣніе, но откажитесь отъ того, чтобы обрабатывать, въ качествѣ коммерсантовъ и фабрикантовъ, все новыя и новыя страны, откажитесь отъ того, чтобы строить новыя суда и бросать въ міровое хозяйство новыя капиталы, посылать вашихъ сыновей въ далекия страны и со всѣхъ концовъ земли собирать въ вашу землю плоды вашего труда“. Развѣ нѣмцы могутъ отказаться отъ этого, когда они растутъ такъ быстро, что въ три года увеличиваются на такое число людей, которое равняется всему населенію Швейцаріи, а въ шесть лѣтъ—на все населеніе Швеции или Голландіи. „Нашъ ростъ есть процессъ стихійной природной силы. Только истощеніе естественнаго и нравственнаго чувства, какое пережили французы, или ужасная внѣшняя катастрофа, которая сдѣлаетъ насъ такими бѣдняками, что мы не сможемъ больше растить дѣтей, рождающихся у насъ, способна была бы остановить наше размноженіе“.

„Мы растемъ и множимся, но не въ обширной по пространству землѣ, которая имѣетъ избытокъ всего нужнаго для жизни: средствъ питанія, матеріальныхъ богатствъ и сырья,—нѣтъ, мы втиснуты въ узкія и отнюдь не благоприятныя границы и изъ года въ годъ должны привозить издалека все больше и больше благъ для того, чтобы быть сытыми и поддерживать въ движеніи наши машины. Та часть нашего народа, которая можетъ существовать лишь при условіи ввоза матеріаловъ и вывоза фабрикатовъ, ежегодно возрастаетъ почти на миллионъ. Наше школьное знаніе и всякое прочее образованіе, нашу технику, нашъ даръ изобрѣтательности и искусство, нашу основательность и точность, иногда, пожалуй, даже немножко вкуса мы вкладываемъ въ тотъ процессъ превращенія, который преобразуетъ у насъ американское дерево и испанскій металлъ, египетскій хлопокъ и австралійскій могаиръ, каучукъ изъ Конго и бычачьи кожи съ Лаллаты въ фабрикаты для мірового рынка. Міровой рынокъ—мы въ немъ нуждаемся теперь для нашего существованія такъ же, какъ въ нашей собственной почвѣ, и неумолимо близится день, когда мы въ немъ будемъ нуждаться еще больше, чѣмъ въ ней. Но только въ томъ случаѣ, если съ нашимъ собственнымъ ростомъ увеличится также наша доля и нашъ избытокъ на мировомъ

рынкѣ и въ мировомъ хозяйствѣ, можемъ мы оставаться здоровыми; только въ такомъ случаѣ мы можемъ дать тѣмъ внутреннимъ цѣнностямъ, которыя вырастаютъ изъ нашей національной идеи, развиваться, расцвѣсть и дѣйствовать въ качествѣ образующихъ факторовъ мировой культуры. Прекращеніе роста было бы для насъ катастрофой какъ внутренней, такъ и внѣшней, ибо при нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ оно не могло бы никоимъ образомъ быть добровольнымъ или естественнымъ, но наступило бы лишь тогда, когда какой-либо другой народъ или соединеніе народовъ такъ повергло насъ во прахъ, что мы долгое время лишь влачили бы существованіе.

„Такимъ образомъ нѣмецкая идея можетъ оставаться живой и расти лишь въ томъ случаѣ, если ея матеріальная основа, т.-е. численность нѣмцевъ, благосостояніе Германіи, количество и величина поставленныхъ на службу германской идеѣ миро-хозяйственныхъ отношеній будутъ продолжать все расти и расти. Но именно это вынудитъ англо-саксовъ принять рѣшеніе—будутъ ли они со своими интересами въ мірѣ приспособляться въ то же время къ нашимъ и столкнутся ли они сообща съ нами о своей и нашей долѣ, или же они противъ насъ будутъ силою отстаивать свое единоладычество. Если они рѣшатся на поединокъ, то отъ нашей силы будетъ зависѣть, сумѣемъ ли мы побѣдить и утвердить себя, или же будемъ побѣждены.

„Въ Англии заключены, стало быть, судьбы Германіи. Для того, кто слѣдилъ за развитіемъ міра въ послѣднія сто лѣтъ и къ тому же изъ собственныхъ наблюденій знаетъ нѣчто о современномъ мірѣ,—для того изъ всѣхъ національно-политическихъ вопросовъ будущаго есть лишь одинъ, которому неоспоримо принадлежитъ значеніе, заслоняющее всѣ прочіе вопросы. Вопросъ этотъ гласитъ: предназначенъ ли англо-саксонскій типъ къ тому, чтобы онъ одинъ достигъ господства въ тѣхъ частяхъ земли, гдѣ отношенія еще не установились, а находятся въ текучемъ состояніи, или же, кромѣ того, и для нѣмецкаго останется достаточно простора для того, чтобы явиться въ качествѣ фактора, конституирующаго культурное цѣлое какъ по сю, такъ и по ту сторону океана?“

Задачи германской мировой политики поставлены тутъ съ необыкновенной ясностью. И врядъ ли можно сомнѣваться, что въ этихъ задачахъ солидарны были всѣ элементы германскаго народа, что тутъ формулирована программа національнаго характера, вытекающая изъ всего предшествующаго экономическаго и политическаго развитія Германіи.

Въ этомъ обоснованіи „нѣмецкой“ или „германской“ идеи лейтмотивъ: Англія есть рокъ Германіи. Отношеніями съ Англіей опредѣляется все положеніе и всѣ возможности Германіи. Рядомъ съ этимъ замѣчательно пренебрежительное отношеніе къ Россіи въ ея настоящемъ

состояніи. Россія теперь и въ ближайшемъ будущемъ не можетъ итти въ счетъ какъ дѣеспособная въ Европѣ великая держава. Это на разные лады повторялось въ отвѣтственной нѣмецкой публицистикѣ и вошло прочно въ сознание руководящихъ людей Германіи. Поскольку дѣло обстоитъ такъ, русско-японская война и русская революція сыграли съ Германіей дурную шутку. Картины цусимскаго разгрома и московскихъ баррикадъ загипнотизировали общественное мнѣніе Германіи. Въ Германіи просмотрѣли тотъ фактъ, что въ сущности и японская война и освободительное движеніе, принесшее народное представительство, не ослабили, а усилили,—по крайней мѣрѣ, абсолютно,—внѣшнее могущество Россіи.

VII.

Но какъ бы то ни было, современная Германія съ ея мировой политикой имѣла противъ себя и Россію, и Англию. Отсюда для германской политики возникала неотвратимая альтернатива, или дилемма. Необходимо было взвѣсить и рѣшить, съ какой изъ двухъ державъ Германіи выгоднѣе и легче вступить въ соглашеніе, по существу обезпечивающее нейтралитетъ на случай вооруженнаго столкновения съ другой изъ тѣхъ же двухъ державъ.

Дилемма была — нужно это признать прямо — чрезвычайно трудно разрѣшима. Тутъ необходимо было учесть самые различные факторы и оцѣнить самыя различныя отношенія.

Антагонизмъ Германіи съ Англійей носитъ всеобщій характеръ—онъ не пріуроченъ ни къ какому опредѣленному пункту въ особенности. Это—всеобщее экономическое и потому колониальное соперничество.

Иначе обстоитъ дѣло съ русско-германскимъ антагонизмомъ. Тутъ есть одинъ ясный пунктъ. Россія не можетъ ни въ какой формѣ допустить укрѣпленія Германіи на Босфорѣ, ибо не имѣя возможности имѣть очень сильный флотъ на всѣхъ моряхъ, Россія въ каждый данный моментъ должна быть сильнѣе всякой другой державы на Черномъ морѣ. Германія либо должна была прийти къ соглашенію съ Англійей относительно ограниченія морскихъ вооруженій, къ идеѣ контингентирования своего флота, либо она должна была, работая надъ непрерывнымъ увеличеніемъ своего флота, прийти къ соглашенію съ Россіей относительно турецкаго вопроса.

Вопросъ ставился ясно. Вѣрнѣе, только ясная постановка дилеммы и сознательное ея разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ могли обезпечить Германію отъ внезапной войны на два фронта съ цѣлой коалиціей державъ, секундирующихъ Англи и Россіи.

Германія Вильгельма II уклонилась отъ яснаго и окончательнаго разрѣшенія намѣченной дилеммы. Такое уклоненіе, конечно, само по себѣ

не приводило бы къ войнѣ, если бы налицо была твердая воля — не только воздерживаться отъ какихъ-либо агрессивныхъ дѣйствій, но до поры до времени, по крайней мѣрѣ, избѣгать и всякой постановки международныхъ вопросовъ, могущихъ угрожать войной. Именно со стороны Германіи—даже при отсрочкѣ разрѣшенія вопроса—съ кѣмъ же возможно и необходимо столкнуться: съ Англійей или съ Россіей?—необходима была величайшая сдержанность, доходящая до полного самообузданія. Между тѣмъ ростъ политическаго могущества и экономической мощи Германіи создалъ у нея не только сознаніе своей силы, но и глубокое чувство неудовлетворенности своимъ положеніемъ „подъ солнцемъ“. Это сознаніе и это чувство сгустились въ цѣлое агрессивное настроеніе или самочувствіе всей страны. У специалистовъ же военнаго дѣла и отчасти у специалистовъ-политиковъ это агрессивное настроеніе принимало опредѣленные очертанія программъ активнаго выступленія Германіи, подчасъ выливавшихся въ идею и замыселъ превентивной войны. Эта идея при разрѣшеніи той альтернативы, о которой я говорилъ выше, могла бы быть реально-политически оправдываема (хотя, нужно сказать, даже Бисмаркъ ее осудилъ самымъ суровымъ образомъ) тѣми аргументами, которыми вообще оправдываются подобныя вещи, и, наконецъ, она могла бы найти себѣ оправданіе—въ успѣхѣ.

VIII.

Здѣсь случилось нѣчто особенное. Агрессивное политическое мышленіе въ сущности перестало быть политическимъ. Политическія рѣшенія стали построяться по типу рѣшеній стратегическихъ. Политика пошла въ плѣнъ къ стратегіи. Когда знаменитый основатель научной стратегіи Клаузевицъ училъ, что война есть „продолженіе политики, дѣйствующее только иными средствами“, то онъ имѣлъ именно въ виду, что война есть средство для цѣли, которую указываетъ политика. Если таково соотношеніе стратегіи и политики, то послѣдняя должна управлять первой, а не наоборотъ.

Въ исторіи возникновенія войны 1914 г. самое замѣчательное, что политической задачѣ, подлежащей разрѣшенію политическими же средствами, было, по недомыслию или по легкомыслию, дано милитарное или стратегическое разрѣшеніе.

Это разрѣшеніе политической задачи приемами стратегіи есть, конечно, въ извѣстной мѣрѣ наслѣдіе милитарной психологіи предшествующей эпохи. Прусскій милитаризмъ, какъ вершитель мировой политики, потерялся въ ея сложныхъ сплетеніяхъ и проблемахъ. Но это—только частичное объясненіе.

Конфликтъ 1914 г., какъ онъ разыгрался фактически, лишь отчасти

можетъ быть сведенъ къ дѣйствию общихъ причинъ и мотивовъ безличнаго характера. Антагонизмъ германской міровой политики, всюду наталкивавшейся на британскія позиціи и британское владычество, стремившееся къ расширенію и пришедшее въ извѣстнаго рода равновѣсіе съ нѣкогда ему абсолютно враждебнымъ французскимъ; встрѣча германскаго проникновенія на Ближній Востокъ на проливахъ съ русскимъ въковымымъ движеніемъ въ томъ же направленіи; психологія прусскаго милитаризма, по наслѣдству перешедшая къ дѣятелямъ Великой Германіи— все это, конечно, могущественные факторы конфликта. Но безъ остатка къ этимъ безлично-необходимымъ, если угодно, массовымъ факторамъ нельзя свести индивидуально-конкретной смѣны событій, составившей содержание тѣхъ критическихъ 13 дней, рассказъ о которыхъ читатель найдетъ выше въ статьѣ Б. Э. Нольде „Начало войны“. „Ошибочно думать,—говоритъ Сили въ своей классической книгѣ,—что великія общественныя событія, въ силу своихъ грандіозныхъ размѣровъ, больше подчинены роковой необходимости, чѣмъ обычныя событія частной жизни; подобная ложная идея порабощаетъ сужденіе. Мы не можемъ ни составить себѣ понятія о великой національной политикѣ, ни оцѣнить ее, если отказываемся даже вообразить возможность какой-либо другой политики“. ¹⁾ Это совершенно вѣрное замѣчаніе вполне примѣнимо къ возникновенію великой европейской войны 1914 г.

Прусская военная психологія, конечно, сыграла роль въ событіяхъ. Идея, что политическая задача можетъ быть всего лучше разрѣшена быстрой концентраціей силъ на одномъ пунктѣ, согласно основному положенію стратегии, означала примѣненіе стратегии къ политикѣ. И эта идея, конечно, опредѣлила собой нарушеніе бельгійскаго нейтралитета, не только давшаго Англій нравственное право вмѣшаться, но прямо лишившаго ее возможности не вмѣшиваться. Но мы знаемъ, что эта военная психологія не владѣла вовсе основателемъ Германской имперіи: Бисмаркъ, наоборотъ, умѣлъ бороться и энергично боролся съ вторженіемъ этой психологіи въ политику. Лучшій тому примѣръ—роль Бисмарка при заключеніи никольбургскаго мира: условия послѣдняго, на которыхъ стоялъ Бисмаркъ и которыя для него диктовались сложными соображеніями политическаго предвидѣнія, военной психологіи Вильгельма I представлялись постыдными и неприемлемыми. Между тѣмъ, сравнительно съ Вильгельмомъ II, не говоря уже о Бетманъ-Гольвегѣ, Бисмаркъ стоялъ гораздо ближе къ корнямъ, а потому и къ психологіи классическаго прусскаго милитаризма. Вильгельмъ II и его сподвижники являются людьми новой Германіи и ея міровой политики. Нельзя также, однако, въ общей формѣ утверждать,

¹⁾ Ук. соч.

что представители новой Германии всё были настолько ослеплены, чтобы не видеть огромной опасности для Германии и Австро-Венгрии борьбы с русско-англо-французской коалицией. Напротив, опасность такой войны была до её наступления прочувствована и теоретически продумана германскими умами с такой глубиной и ясностью, которая в настоящее время производит на нас сильнейшее впечатление, а самим немцам должна была бы внушать прямо жуткие ощущения. Посмотрите, например, какую величайшую осторожность рекомендовал ради сохранения европейского мира Дельбрюк Австрии в её отношениях с Сербией в 1909 г. Дельбрюк в 1909 г. писал буквально так: *alle Hoffnung auf Erhaltung des Weltfriedens steht auf der Massigung Oesterreichs* ¹⁾, и не только не рекомендовал Австро-Венгрии объявить войну Сербии, но, наоборот, советовал первой, в случае открытия военных действий сербами, по возможности не переходить границы и лишь ловить и обезвреживать вторгающиеся в пределы Австро-Венгрии сербские и черногорские отряды ²⁾. Как эти мудрые советы Дельбрюка непохожи на ту роль, которую в великом современном конфликте 1914 г. действительно сыграли Австро-Венгрия и Германия, сами избравшие сербский дёла поводом и исходной точкой для инсценирования европейской войны! „Die Sache ist so ernst wie nur möglich... Die Aussichten auf einen schliesslichen glücklichen Ausgang liegen in der Politik“—говорит Дельбрюк и выражает уверенность, что европейская коалиция против соединённых Германии и Австро-Венгрии совершенно не осуществится.

Но Дельбрюк не предвидел, что сама Германия и по существу, и формально возьмёт инициативу борьбы на себя, что она будет нападающей стороной. Никакими софизмами нельзя отвести этого истинного соотношения фактов. А оно определило для Германии характер и исход всего столкновения, т.-е. всю ту политическую и военную обстановку, в которой происходит и будет протекать конфликт. Ни задачи мировой политики новой Германии, ни традиционная психология пруссака милитаризма не могут, как безличные факторы, исчерпывающим образом объяснить конкретного сцепления событий, приведших к войне 1914 г. При надлежащей проницательности политический ум, осуществляя задачи германской мировой политики, должен был создать совершенно иную обстановку для возможных политических и военных конфликтов между Германией и находящимися в противоположном лагере державами, чем та, которая создалась в июль 1914 г.

¹⁾ „Вся надежда на сохранение европейского мира покоится на умеренности Австрии“

²⁾ См. ниже „Дельбрюк об опасности европейской войны в 1908—1909 гг.“.

Такимъ образомъ, и тотъ конкретный анализъ дипломатической исторіи войны 1914 г., который даетъ въ своей статьѣ Б. Э. Нольде ¹⁾, и общія соображенія, нами развитыя, одинаково приводятъ къ мысли, что возникновеніе войны должно быть вмѣнено опредѣленнымъ лицамъ, оно явилось выраженіемъ личныхъ свойствъ и формулировкой личнаго рѣшенія.

Чьего же рѣшенія?

Историческое сужденіе въ этомъ вопросѣ пока не можетъ быть произнесено съ полной категоричностью. Однако, весьма вѣроятно, почти несомнѣнно, что главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за событія является самъ императоръ Вильгельмъ II. Я весьма далекъ отъ мысли видѣть въ германскомъ императорѣ какого-то изверга. Извергъ всегда выдается изъ ряду вонъ. Несчастье Вильгельма II, наоборотъ, заключается именно въ томъ, что онъ ординарный человѣкъ, на котораго легли чрезвычайныя отвѣтственности и который не сумѣлъ въ своемъ положеніи сохранить ни сознанія своихъ силъ, ни надлежащаго равновѣсія. Быстрота, съ которой было принято безповоротное и роковое рѣшеніе вести войну, съ полной ясностью свидѣтельствуетъ объ утратѣ душевнаго равновѣсія. Въ такое короткое время нельзя было—и это фактически обнаружилось на неожиданности для германскихъ государственныхъ дѣятелей естественнаго и даже неизбежнаго рѣшенія Англи—просто обозрѣть ту сложную политическую обстановку, которая создавалась приближеніемъ державъ къ войнѣ. Изъ хода войны къ тому же теперь совершенно ясно, что для Германіи не было объективной надобности форсировать веденіе дѣла: ни Россія, ни Франція не были даже хотя бы приблизительно готовы къ быстрому нападенію на Германію.

Вопросъ о роли Вильгельма II въ возникновеніи войны и объ его отвѣтственности имѣетъ для русскихъ, англичанъ и французовъ чисто-теоретическій интересъ. Но для Германіи и для нѣмецкаго народа этотъ вопросъ имѣетъ совсѣмъ иной, практический и въ то же время интимный, интересъ и смыслъ. Судъ, который творится теперь исторіей, въ Германіи и для нѣмцевъ долженъ превратиться въ судъ не только надъ цѣлыми общественными теченіями и силами, но и надъ опредѣленными лицами. Глубокій трагизмъ положенія, въ который попали теперь германцы, и состоитъ въ томъ, что отъ такого суда они не смогутъ уйти. Несчастье Германіи въ 1914 г. (такъ же, какъ несчастье Франціи въ 1870 г., когда она принадлежала Франціи)—именно потому, что инициатива войны принадлежитъ теперь Германіи—поставить передъ нѣмецкимъ народомъ вопросъ объ отвѣтственности за войну. Въ патриотическомъ порывѣ сопротивленія нѣмцы могутъ забывать или намѣ-

¹⁾ См. выше статью „Начало войны“.

режно не задумываться надъ этимъ вопросомъ. Но наступитъ моментъ, когда и непосредственное патріотическое чувство и патріотическое сознание вынудятъ у нѣмцевъ категорическую постановку этого вопроса.

Для огромной части нѣмецкаго народа это будетъ цѣлый морально-политическій кризисъ, весь грозный характеръ котораго трудно преувеличить. Вина и отвѣтственность за войну 1914 г., лежащая на тѣхъ, кто ввергъ миръ въ эту катастрофу, столь громадна, сознание нѣмецкаго народа еще такъ мало освоилось съ мыслью о томъ, что вину эту слѣдуетъ искать на германской сторонѣ, это сознание еще такъ усыплено той фальшивой перспективой, въ которую германское правительство съ самаго начала старалось вдвинуть процессъ возникновенія войны, что пробужденіе отъ злого сна будетъ для Германіи прямо ужасно.

Вѣдь, когда война придетъ къ своему неизбежному концу, который не можетъ быть благопріятенъ для Германіи, то для нѣмцевъ отпадетъ возможность и смыслъ—обвинять своихъ противниковъ въ чемъ-либо. Вопросъ будетъ ставиться такъ: кто же съ германской стороны виновенъ въ томъ, что не предохранилъ страну отъ военнаго столкновенія, которое не могло привести ни къ чему, кромѣ пораженія, матеріальнаго умаленія и моральнаго униженія Германіи? И тогда для всякаго нѣмца станетъ ясно то, что ясно теперь всѣмъ намъ, а именно, что преступная инициатива этой войны принадлежитъ отвѣтственнымъ руководителямъ германской политики. Тогда нѣмцы поймутъ, что ихъ не только ввергли въ войну, но что въ вопросѣ о смыслѣ и реальныхъ двигателяхъ событій ихъ прямо обманывали.

Есть что-то роковое и зловѣщее въ томъ упорствѣ, съ которымъ Германія ведетъ теперь эту войну. Конечно, упорство это совершенно неизбежно, но чѣмъ больше оно будетъ, тѣмъ полнѣе и безповоротнѣе будетъ и окончательное крушеніе германскаго могущества и тѣмъ глубже будетъ тотъ морально-политическій кризисъ, которымъ будетъ отвѣчать душа Германіи на это крушеніе.

Вѣдь еще никогда съ такимъ отсутствіемъ предусмотрительности не ставилось на карту такое огромное реальное могущество, сберечь которое было такъ легко. Гордыня всегда преступна, но она вдвойнѣ преступна тогда, когда она губитъ нѣчто дѣйствительно большое и сильное. Это и случилось съ германской политикой въ 1914 г.

Петръ Струве.

Дельбрюкъ объ опасности европейской войны въ 1908—1909 гг. ¹⁾

1. ²⁾

Для того, чтобы понять стремление сербскаго народа, необходимо имѣть въ виду, что этотъ народъ не можетъ оставаться спокойнымъ, пока онъ, окруженный съ двухъ сторонъ Австро-Венгріей и отрѣзанный отъ моря, видитъ передъ собою въ перспективѣ неизбежность попасть въ полную зависимость отъ этой державы, въ то время когда ему русскій народъ обѣщаетъ свою поддержку и у него являются шансы приобрести Боснию, Далмацию и побережье Адриатическаго моря, можетъ быть, и Кроацію. Такимъ образомъ передъ нимъ встаетъ идеалъ создать Великую Сербію, причемъ тотъ же русскій народъ обѣщаетъ удовлетворить соперниковъ сербовъ,—болгаръ, предоставленнымъ имъ возможности расширить ихъ территорию по направленію къ Эгейскому морю.

Сербскіе идеалы покажутся еще болѣе реалистическими, если разсматривать ихъ въ связи съ итальянской и англійской политикой.

Итальянцы проникнуты крайней враждой къ балканской политикѣ Австро-Венгрии. Уже въ средніе вѣка Венеція и Венгрія постоянно боролись между собою изъ-за господства на восточномъ побережьи Адриатическаго моря. Австрія владѣетъ теперь Далмацией потому, что эта область является послѣдней частью венеціанскаго наслѣдства, доставшагося Австріи въ 1797 году. Это традиционное соперничество теперь еще усиливается итальянскимъ ирредентизмомъ, стремленіемъ итальянцевъ присоединить къ Итали итальянскія области Австріи,—Триестъ и Триентъ. Эти тренія между Австріей и Италией такъ сильны, что князь Бюловъ могъ недавно повторить со словъ итальянскаго дипломата Нигра, что эти два государства могутъ быть только либо союзницами, либо врагами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что итальянскій народъ съ нетерпѣніемъ рвется въ бой съ Австріей. Еще важнѣе однако отношеніе Англии. Въ сущности Англія могла бы на Балканскомъ полуостровѣ итти скорѣе рука-объ-руку съ Австріей, чѣмъ съ Россіей. Но Англія считаетъ въ настоящее время своимъ главнымъ врагомъ и соперникомъ германскую имперію и въ Англии существуетъ партія, которая считаетъ необходимымъ вызвать уже теперь, во избѣжаніе опасности въ будущемъ, военный конфликтъ съ Германіей. Подобно тому, какъ Семилѣтняя война воз-

¹⁾ Ср. выше статью П. Б. Струве „Судъ исторіи“, стр. 171—172.

²⁾ *Preussische Jahrbücher*, т. 134, стр. 163—182 (январь 1909 г.). Разсужденія Дельбрюка являются отвѣтомъ на статью, появившуюся въ *Русскомъ Инвалидѣ* послѣ аннексии Боснии и Герцеговины.

никла не только на почвѣ противорѣчій между Пруссіей и Австріей въ предѣлахъ Германіи, но изъ осложненія австро-прусскаго конфликта борьбой между англичанами и французами за обладаніе Сѣверной Америкой, балканскій вопросъ въ настоящее время приобретаетъ свой нынѣшній образъ только въ силу того, что онъ оказался связаннымъ съ соперничествомъ между Англійей и Германіей на морѣ, которое само по себѣ не находится въ прямой зависимости отъ балканскихъ дѣлъ. Уже годы подъ рядъ король Эдуардъ ищетъ союзниковъ противъ Германіи. Въ этомъ стремленіи окружить Германію онъ уже добился очень многого, но все-таки онъ еще не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы въ дѣйствительности начать противъ нея войну. Балканскія событія послѣдняго времени вдругъ сильно мѣняютъ положеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что русское правительство не имѣетъ никакого желанія начать войну съ Германіей, но что будетъ, если его заставятъ это сдѣлать? Если сербы и черногорцы объявятъ Австріи войну и, чего слѣдуетъ ожидать, будутъ раздавлены превосходствомъ австрійскихъ силъ, развѣ не поднимутся подобно разъяренному бурей морю волны національныхъ инстинктовъ въ Италиі и Россіи? Развѣ могутъ Италия и Россія допустить, чтобы Австрія все глубже вторгалась въ Балканскій полуостровъ? Вѣдь и Александръ II былъ вовлеченъ въ турецкую войну, вопреки своей волѣ, славянофильскимъ теченіемъ, приобретавшимъ все большую силу... Но Германія не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы Австрія подверглась нападенію Россіи и Италиі и была ими раздавлена. Это недопустимо ни съ точки зрѣнія нашей вѣрности союзу, ни съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ и національныхъ интересовъ. Это было бы равносильно окончательному уничтоженію нѣмецкаго вліянія на Востокѣ, такъ какъ несмотря на то, что въ Австро-Венгріи большинство составляютъ славяне, мадьяры и румыны, нѣмецкій элементъ въ ней все же является самымъ сильнымъ и пораженіе Австріи въ борьбѣ съ Россіей или Италией было бы поэтому въ то же время также и пораженіемъ германизма. Для германской политики нѣтъ большаго обязательства, чѣмъ соблюденіе вѣрности Австріи. Именно потому, что судьба заставила насъ исключить въ 1866 году нашихъ братьевъ въ Австріи изъ Германіи, мы тѣмъ болѣе обязаны быть на ихъ сторонѣ въ международной борьбѣ. Наше собственное національное будущее тѣсно связано съ Австріей и ея нѣмцами. Слѣдовательно, если Россія и Италия стануть на сторону Сербіи противъ Австріи, мы будемъ рядомъ съ Австріей. Но въ этотъ моментъ, по выраженію Бисмарка, во Франціи ружья начнутъ сами собою разряжаться, а Англія сейчасъ же блокируетъ наши берега и этимъ достигаетъ своей цѣли. Тогда окажется налицо желанный ей союзъ противъ Германіи: четыре великія державы будутъ объединены противъ двухъ.

Указавъ затѣмъ на рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, что Англія оказываетъ Сербіи поддержку противъ Австріи, въ надеждѣ вовлечь такимъ образомъ Германію въ войну, Дельбрюкъ говоритъ, что проницательное отношеніе къ маленькой Сербіи, осмѣливающейся вести себя такъ вызывающе по отношенію къ Австріи, совершенно исчезаетъ, когда болѣе пристально всматриваешься въ структуру международныхъ отношеній въ Европѣ. Затѣмъ онъ переходитъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію опасностей, которыя угрожаютъ Германіи.

Анализируя положеніе, онъ высказываетъ мнѣніе, что только союзъ четырехъ государствъ: Россіи, Англии, Франціи и Италиі, въ состояніи начать войну съ Германіей, но что если одно изъ этихъ государствъ, на примѣръ, Италия, въ этой коалиціи участвовать не будетъ, три остальныхъ недостаточно сильны для того, чтобы раздавить Германію.

Что касается Франціи,—говорить онъ, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство французскаго народа не желаетъ войны съ Германіей. Идея реванша уже утратила значительную часть своей силы, такъ что лѣтъ десять тому назадъ во Франціи даже были склонны итти съ Германіей противъ Англии. Къ тому же Франція является банкиромъ Европы: благосостояніе французскаго народа основано на правильномъ поступленіи процентныхъ платежей по русскимъ, австрійскимъ, турецкимъ и т. д. займамъ. Всеобщая европейская война могла бы имѣть послѣдствіемъ приостановку этихъ платежей, что было бы огромнымъ ударомъ для Франціи. Разногласіе въ Марокко слишкомъ незначительно, чтобы толкнуть на войну двѣ такія большія націи, какъ французская и германская. Но тѣмъ не менѣе Франція не устоитъ противъ искушенія вступить въ войну съ Германіей, если представится ей возможность сдѣлать это въ качествѣ участницы въ коалиціи, на видъ достаточно сильной для того, чтобы сломить навсегда могущество Германіи, вернуть Франціи Эльзасъ и такимъ образомъ сдѣлать ее опять равной Германіи.

Интересы Россіи нигдѣ съ интересами Германіи прямо не сталкиваются, но въ русскомъ народѣ крѣпка воистину фанатическая вражда къ нѣмцамъ. Нѣмцевъ ненавидятъ за ихъ духовное и экономическое превосходство, отъ котораго русскіе желаютъ эмансипироваться, и за то, что они союзники Австріи, которая стоитъ на пути къ подчиненію всѣхъ славянъ гегемоніи Россіи. Этихъ мотивовъ недостаточно для того, чтобы непосредственно привести къ войнѣ. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что русская армія все еще довольно сильно дезорганизована и что революціонное настроеніе въ странѣ, успокоенное лишь внѣшнимъ образомъ, продолжаетъ бурлить въ подпольѣ. Но, если Англія дастъ необходимыя средства, Россія все еще въ состояніи двинуть огромныя арміи. Недостатокъ въ орудіяхъ, оружій, военныхъ припасахъ и т. д. можетъ быть восполненъ въ самое короткое время англійскими заводами. Турція и турецкая армія въ 1876 году, Франція въ 1792—1794 гг. были еще въ гораздо большей степени дезорганизованы и расшатаны революціоннымъ броженіемъ, а между тѣмъ эти государства очень много сдѣлали въ военное время. Не слѣдуетъ также забывать, что введеніе конституціи въ Россіи сильно увеличило склонность къ войнѣ. Въ Петербургѣ теперь засѣдаетъ Дума, въ которой господствуетъ и задаетъ тонъ націоналистическое направленіе. Если уже въ 1876 г. панславизмъ одной лишь своей агитаціей такъ сильно содѣйствовалъ объявленію войны, то онъ теперь располагаетъ въ лицѣ Думы органомъ, гораздо болѣе внушительнымъ. Очень можетъ быть, что большинство русскаго народа настроено такъ же мирно, какъ большинство германскаго или французскаго народовъ, но это не является обезпеченіемъ сохраненія мира.

Несомнѣнно, что и большинство англійскаго народа не желаетъ войны, но оно проникнуто страхомъ передъ Германіей и нелюбовью къ ней, а большинство великихъ кризисовъ мировой исторіи своимъ происхожденіемъ обязано именно страху. Этотъ страхъ въ дѣйствительности лишень основанія. Англія вполне можетъ быть спокойна, благодаря количеству ея кораблей, равно какъ благодаря возможности строить ихъ быстрѣе чѣмъ германцы. Однако патріотическая фантазія англичанъ все обезпечена представленіемъ о комбинаціяхъ и случаяхъ, которые все же могутъ когда-нибудь свести па нѣтъ превосходство Англии, а кромѣ того англійскій плательщикъ налоговъ осязаетъ наше соперничество очень реально на своемъ карманѣ. Если-бъ Германія не строила военныхъ кораблей, Англія могла бы ограничиться сохраненіемъ состава флота, который у нея есть и не должна была бы затрачивать огромныя средства, которыхъ требуетъ увели-

чение флота. Нѣмцы тоже начинаютъ понимать, во что обходится содержание флота и имъ достаточно поставить себя на мѣсто англичанъ, отъ которыхъ теперь постоянно требуются новые налоги, обусловленные морскими вооружениями Германіи, чтобы уяснить себѣ настроеніе англичанъ. Поэтому, если составится европейская комбинація, которая, какъ это будетъ казаться, дастъ Англи возможность съ увѣренностью и безъ чрезмѣрно большихъ затратъ уничтожить морскія силы Германіи, тогда слѣдуетъ опасаться, что и англійскій народъ увлечется такой политикой. Правда, что Англія въ такомъ случаѣ причинила бы существенный ущербъ своей собственной торговлѣ, такъ какъ, если включить и колоніи, шестая часть вывоза Англи (болѣе 1,800 мил. марокъ) направляется въ Германію. Но эта потеря была бы возмѣщена тѣмъ, что значительная часть германскаго вывоза продуктовъ обрабатывающей промышленности перешла бы къ Англи. Наконецъ, положеніе въ Индіи тоже можетъ побудить Англию воевать съ Германіей. Настроеніе въ Индіи таково, что англичанамъ становится все труднѣе въ ней удержаться. Подобно тому, какъ въ Ломбардіи и Венеціи при австрійскомъ владычествѣ населеніе не желало вовсе, чтобы Австрія имъ лучше управляла, а хотѣла, чтобы Австрія совсѣмъ ушла, точно также и въ Индіи населеніе желаетъ удаленія англичанъ. Поэтому у Англи можетъ появиться желаніе поспѣшить покончить съ европейскимъ конфликтомъ для того, чтобы обезпечить себѣ затѣмъ свободу дѣйствій въ случаѣ возстанія въ Индіи.

Новѣйшіе труды по исторіи Наполеона доказываютъ, что онъ вступилъ на путь завоевательной міровой политики не по собственному желанію, а потому, что его толкнула на этотъ путь Англія, замѣтившая, что Наполеонъ стремится продолжать старую французскую морскую и колоніальную политику. Правда, что Германія въ настоящее время отнюдь не является такой могущественной, какъ Франція 1803 г. и что у нея нѣтъ такихъ завоевательныхъ плановъ, какъ у Наполеона, но не слѣдуетъ закрывать глазъ на то, что намъ такіе плапы приписываются. Въ Даніи, Голландіи и Бельгіи то и дѣло раздаются голоса, предостерегающіе Европу отъ грозящей ей отъ насъ опасности. Такія настроенія всегда являются самой благоприятной питательной средой для возникновенія войны.

Что же касается до Италіи, то несомнѣнно, что склонность къ войнѣ у итальянскаго народа сильнѣе, чѣмъ у какого бы то ни было другого народа. Италія воздерживается отъ войны отчасти сознаниемъ собственной слабости, отчасти политическими соображеніями, которыя вызываютъ у нея сомнѣнія, въ какой изъ политическихъ конфигурацій Европы она можетъ больше выиграть.

Въ этихъ политическихъ расчетахъ,—продолжаетъ Дельбрюкъ,—для Германіи заключается лучшее обезпеченіе мира. Политическое стремленіе государствъ, которыя охотно образовали бы четверной союзъ для того, чтобы раздавить Германію и Австрію, слишкомъ различны по своему содержанию для того, чтобы легко приступить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Для англичанъ важнѣе всего уничтожить силы нѣмцевъ на морѣ, но французы и русскіе, наоборотъ, должны были бы желать, чтобы Германія сохранила свое морское могущество противъ Англи. Россія охотно вытѣснила бы Австрію, а заодно съ ней также и германское влияние, съ Балканскаго полуострова. Но для Англи нѣтъ ничего менѣе желательнаго, чѣмъ замѣна роли Германіи и Австріи Россіей. Въ вопросѣ о проходѣ черезъ Дарданеллы Германія и Австрія могутъ пойти гораздо дальше навстрѣчу Россіи, чѣмъ Англія. Германскіе интересы требуютъ только того, чтобы Константинополь не подвергался никакой опасности. Но они нисколько не страдали бы, если-бъ, напримѣръ, русскимъ военнымъ кораблямъ, которымъ сейчасъ нельзя

совсѣмъ проходить черезъ проливы, было разрѣшено плаваніе по нимъ съ той оговоркой, чтобы въ пространствѣ между Босфоромъ и Дарданеллами одновременно находилось не больше одного корабля, т.-е. чтобы при проходѣ русской эскадры, русскій военный корабль могъ входить въ Босфоръ только тогда, когда прошедшій раньше корабль уже выходитъ изъ Дарданеллъ и наоборотъ. Вообще въ Турціи интересы каждой европейской державы находятся въ противорѣчьи съ интересами всѣхъ остальныхъ и на почвѣ возникающихъ тамъ проблемъ всегда возможно распадение коалиціи между Франціей, Англіей, Италіей и Россіей. Союзники никогда не дѣйствуютъ вполнѣ солидарно и гармонія между ними тѣмъ труднѣе осуществима, чѣмъ ихъ больше. Даже во время всеобщей борьбы съ французами при Наполеонѣ солидарность русскихъ, пруссаковъ, австрийцевъ и англичанъ страдала отъ постоянного взаимнаго недовѣрія и внутреннихъ разногласій. Если сложить военныя силы четверного союза, о которомъ мы говоримъ, то ясно, что онѣ значительно превосходятъ силы Германии и Австріи. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы намъ удалось быстрымъ натискомъ раздавить Францію. Для этого намъ нужно было бы превосходство, которое у насъ вообще едва ли есть, менѣе же всего въ томъ случаѣ, если намъ понадобится послать половину армии противъ Россіи. Къ тому же Франція защищена почти непроходимой системой фортовъ, крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, простирающихся отъ Сѣвернаго моря до Альпъ. Завоеваніе каждаго отдѣльнаго форта артиллеріей требуетъ большой работы и даже, когда эта работа сдѣлана, французская полевая армія найдетъ время принять мѣры къ тому, чтобы помѣшать германскому проходу или обходу. Даже въ случаѣ удачныхъ проходовъ, когда нѣмецкая армія добивалась бы рѣшительнаго боя въ открытомъ полѣ, прошло бы много времени. Еще больше времени пройдетъ, когда армія послѣ первой побѣды должна будетъ остановиться для осады крѣпостей. Тѣмъ временемъ приблизятся огромныя массы русскихъ и потребуютъ съ нашей стороны большихъ армій, такъ что французы окажутся въ большемъ численномъ превосходствѣ надъ нами. Въ наилучшемъ случаѣ намъ едва ли удастся больше, чѣмъ защита нашихъ собственныхъ границъ, развѣ, что мы, можетъ быть, успѣемъ въ началѣ одержать побѣду надъ русскими въ Польшѣ, прежде чѣмъ они закончатъ свою мобилизацію. Было бы до крайности опасно предаваться въ національномъ самоослѣпленіи какимъ бы то ни было иллюзіямъ насчетъ этого соотношенія силъ. Положеніе до крайности серьезно. Бояться намъ нечего: при призывѣ ландштурма мы достаточно сильны для того, чтобы довести борьбу до конца. Но шансы на благоприятный исходъ лежатъ въ области политики, они заключаются въ томъ, что и мы можемъ имѣть увѣренность, что четверной союзъ не сохранится до конца или что онъ даже не возникнетъ. Франція, Россія и Италия могли бы добиться своей цѣли только въ томъ случаѣ, если-бъ имъ удалось совершенно сокрушить Германию и Австрію. Если же дѣло кончится такъ, какъ кончилась Семилѣтняя война, т.-е. что воюющія стороны, ослабленные войной, заключать миръ при сохраненіи старыхъ границъ, въ выигрышѣ останется только одна Англія. Мало того, для Англіи было бы совершенно бесполезно продолжать войну послѣ того момента, когда морская торговля и благосостояніе Германии будутъ достаточно ослаблены. Надо полагать, что въ Парижѣ и Петербургѣ это понимаютъ и что тамъ нѣтъ охоты принести огромныя жертвы на пользу Англіи. Если-бъ политика зависѣла только отъ дипломатовъ, мы, слѣдовательно, могли бы спокойно спать, но надо имѣть въ виду страсти и настроенія народовъ, которыя могутъ опрокинуть всѣ расчеты. Если сербы начнутъ войну съ Австріей, то вся надежда на сохраненіе мира будетъ покоиться

на умѣренности Австріи. Уже теперь не малое дѣло, что такая великая держава, какъ австро-венгерская монархія, спокойно смотритъ, какъ на ея границѣ сербскій народецъ грозно вооружается и производитъ травлю. Если сербы съ черногорцами дѣйствительно перейдутъ къ нападенію, то слѣдовало бы въ интересахъ европейскаго мира потребовать отъ Австріи, чтобы она по возможности совсѣмъ не переступала границу, а, наоборотъ, довольствовалась тѣмъ, что излавливала отряды, которые переходили бы границу и обезвреживала бы ихъ, или, если это по военнымъ соображеніямъ невыполнимо, чтобы они, по выполненіи военной цѣли, тотчасъ ушли изъ страны. Это дважды дѣлали французы, когда они вмѣшивались въ дѣла Бельгии и изгоняли голландцевъ, въ 1831 и въ 1832 г. и находились въ подозрѣніи, что они желаютъ удержать страну для себя. Правда, въ отношеніяхъ между Сербіей и Австріей дѣло обстоитъ бы нѣсколько иначе. Австрія была бы той стороною, на которую нападаютъ и къ ней предъявили бы очень тяжелое требованіе, какъ къ великой державѣ, если бы потребовали отъ нея претерпѣть нападеніе отъ маленькой державы и лишь отразить такое нападеніе, не пресѣкая на будущее всякую возможность повторенія подобныхъ дѣйствій. Но за Сербіей и Черногоріей стоятъ Россія и Италия, за Россіей и Италией стоитъ Англія, а за Англіей тянется Франція. Опасность велика, будемъ надѣяться, что у государственныхъ людей хватить мудрости ее разсѣять.

II. 1)

Въ мировой политикѣ болѣе мелкие вопросы разрѣшаются не столько непосредственно, сколько въ зависимости отъ крупныхъ антагонизмовъ. О сербско-австрийскихъ треніяхъ поэтому надо судить въ конечномъ итогѣ по антагонизму между Англіей и Германіей. И ясно, что рѣшеніе зависитъ отъ Англіи. Если Англія желаетъ мира, миръ будетъ сохраненъ, такъ какъ безъ Англіи Россія недостаточно сильна для того, чтобы вести съ нами войну, даже при содѣйствіи Франціи, а безъ расчетовъ на помощь Россіи, сербы также останутся спокойными. Но если правда, что въ Англіи существуетъ партія, которая стремится раздуть всеобщій европейскій пожаръ, чтобы раздавить Германію, маленький сербскій очагъ пламени можетъ оказаться до крайности опаснымъ. Что въ Англіи существуетъ партія, желающая войны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ и то, что эта партія въ Англіи гораздо сильнѣе и имѣетъ своихъ представителей въ болѣе вліятельныхъ кругахъ, чѣмъ „всенѣмцы“ въ Германіи. Но отсюда еще очень далекій путь до дѣйствительно воинственной политики. Дѣло англійскаго народа принять тѣ мѣры, которыя ему покажутся подходящими для сохраненія политическаго положенія Англіи. Но надо указать на слѣдующее соображеніе. Князь Бисмаркъ въ своихъ „Gedanken und Empfindungen“²⁾ говоритъ, что новая война съ Франціей даже въ случаѣ ея побѣдоноснаго исхода была бы для Германіи до крайности опасна, такъ какъ она объединила бы противъ нея всѣ прочія великія державы. Германская имперія вступила бы тогда на путь, „который привелъ къ гибели первую и вторую французскія имперіи, вслѣдствіе ихъ политики войны и престижа“. Это мудрое изреченіе Бисмарка слѣдовало бы помнить какъ въ Германіи, такъ и внѣ ея, и оно примѣнимо теперь также къ Англіи, какъ и къ Франціи. Самое могущественное государство въ

¹⁾ *Preussische Jahrbücher*, т. 134 (октябрь—декабрь 1908 г., стр. 368—377).

²⁾ В. II, стр. 175.

Европѣ будетъ слабѣе всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ и они всѣ непременно объединятся противъ него. Это уже испыталъ на себѣ Карлъ V, когда противъ него объединились самыя разнородныя силы: германскіе протестанты, турки, римскій папа и французскій король. Германскій протестантизмъ даже прямо обязанъ своимъ существованіемъ тому обстоятельству, что въ его защиту временно объединились папа, турки и французы. То же случилось позднѣе съ Людовикомъ XIV, когда англичане устроили революцію и прогнали своего законнаго монарха для того, чтобы присоединиться къ союзу европейскихъ народовъ, защищавшихъ свою свободу противъ „короля-солнца“. Испыталъ это и Наполеонъ I, побѣдившій одну страну за другой, чтобы въ концѣ-концовъ пасть отъ союза всѣхъ ихъ противъ него. Если допустить случай, что Германіи съ ея огромной силой на сушѣ удалось бы также побѣдить и британское морское могущество и подчинить себѣ на время Англию,—то несомнѣнно, что Германія не могла бы удержаться на такой высотѣ. Европа не можетъ допустить безусловнаго господства одного изъ своихъ государствъ надъ всѣми. Даже наша вѣрная союзница,—Австро-Венгрія,—должна была бы разойтись съ нами. Ибо великая держава можетъ существовать только въ атмосферѣ самостоятельности, а гарантій самостоятельности является только равновѣсіе между державами. Громадные успѣхи, достигнутые Германіей, уже теперь вызвали извѣстное недружелюбное къ ней отношеніе остальныхъ народовъ. Если бы мы побѣдили еще одну великую державу, то инстинкты самолюбія, стремленія къ господству и заносчивости, присущіе германскому народу въ такой же мѣрѣ, какъ и всякому другому, стали бы совершенно безудержными и вызывали бы постоянные новые конфликты, которые въ концѣ-концовъ должны были бы завершиться нашею гибелью. Поэтому германская политика должна быть болѣе осторожной, чѣмъ политика другихъ державъ. Умѣренность у насъ должна вызываться не только чувствомъ гуманности, но и правильно понятыми политическими интересами Германіи. Мы не можемъ больше вернуться къ скромной континентальной политикѣ Бисмарка. Для этого германскій народъ сталъ слишкомъ великимъ. Его населеніе, торговля, его связи со всѣмъ міромъ требуютъ участія Германіи въ мировой политикѣ. Мы должны мириться съ тѣмъ, что это вызываетъ вражду къ намъ, но должны въ то же время доказать, что мы отнюдь не желаемъ быть нарушителями мира и не хотимъ злоупотреблять нашей силой.

Обзоръ военныхъ дѣйствій.

Морская война.

Военныя дѣйствія на Сѣверномъ морѣ.

Юль мѣсяцъ текущаго года явился гранью, рѣзко раздѣлившей военно-морскую дѣятельность великихъ державъ на двѣ совершенно различныя по своему характеру и значенію части: мирную и военную.

Съ началомъ второй, т.-е. послѣ открытія военныхъ дѣйствій между европейскими государствами, всѣ отдѣльные факты и предположенія перваго мирнаго періода жизни флотовъ, которыя обычно сообщались въ нашихъ морскихъ замѣткахъ, естественно утратили всякій самостоятельный интересъ и могутъ теперь имѣть значеніе лишь постольку, поскольку они способствовали боевой готовности державъ къ опредѣленному моменту, именно къ срединѣ юля нынѣшняго года, когда для вооруженныхъ силъ великихъ державъ неожиданно началось испытаніе, долженствующее опредѣлить, кѣмъ изъ нихъ мирное время было использовано болѣе производительно и цѣлесообразно.

Военное время предъявляетъ къ военно-морскимъ силамъ требованія, существенно отличныя отъ тѣхъ, которыми руководится ихъ дѣятельность въ теченіе мирнаго періода ихъ развитія. И теперь старыя мѣропріятія и предположенія въ военно-морской области необходимо должны получить совершенно иную, нежели раньше, до войны, оцѣнку. Если въ обычное время правильно поставленныя конечныя цѣли и планомерность, систематичность и настойчивость въ ихъ достиженіи играли первенствующую роль, а элементъ времени отходилъ до извѣстной степени на второй планъ, то, наоборотъ, во время войны все то, что возможно использовать въ данный военный періодъ, становится вдругъ неизмѣримо важнѣе, можно сказать, единственно важнымъ, все же остальное временно теряетъ почти всякое значеніе.

И здѣсь мы подходимъ къ той связи, въ которой находятся стратегія съ политикой. Естественно, тѣ государства, которыя не только счи-

тались съ извѣстной вѣроятностью войны, но заранѣе рѣшили начать ее въ опредѣленный моментъ и сообразно съ этимъ подготавливали свой флотъ, конечно, должны были оказаться при всѣхъ иныхъ равныхъ условіяхъ въ болѣе благоприятномъ положеніи, нежели ихъ противники.

Окончательно выяснить этотъ вопросъ по отношенію къ нынѣ воюющимъ державамъ въ настоящее время еще довольно трудно. Правда, въ печати появился рядъ свѣдѣній, указывающихъ, что какъ будто Германія заранѣе рѣшила воевать съ нами именно текущимъ лѣтомъ. Такъ, указываютъ на посланныя до убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда нѣмецкимъ правительствомъ приказанія резервистамъ въ отдаленныхъ колоніяхъ явиться въ метрополию; затѣмъ выяснилось, что нѣмецкіе крейсера, находившіеся на заграничныхъ станціяхъ, также весьма задолго до объявленія войны получили точныя инструкціи о своей будущей дѣятельности по уничтоженію торговаго флота противника вплоть до указаній пунктовъ и пароходовъ, отъ которыхъ они могутъ получать необходимые имъ запасы. Однако, всего этого, конечно, недостаточно для категорическаго утвержденія, что Германія установила срокъ начала военныхъ дѣйствій *ранне*, чѣмъ возникли рѣзкія политическія осложненія. Поэтому чрезвычайно значительнымъ является тотъ фактъ, что война была объявлена Германіей намъ и нашимъ союзникамъ французамъ безъ опредѣленнаго прямого повода. Вѣдь такъ поступить возможно лишь въ томъ случаѣ, если данный моментъ считается наиболѣе подходящимъ и удобнымъ для достиженія насильственнымъ путемъ своихъ завѣтныхъ цѣлей.

Указывая на отсутствіе повода къ войнѣ между нами и Германіей утромъ 19 іюля, когда война намъ была объявлена нѣмцами, мы, конечно, чрезвычайно далеки отъ мысли, что война эта является случайной, не вызванной глубокими и, вѣроятно, непреодолимыми причинами.

Если мы разсмотримъ судостроительныя программы послѣдняго времени главнѣйшихъ державъ, то совершенно ясно увидимъ, что у большинства онѣ не были рассчитаны такимъ образомъ, чтобы именно къ срединѣ 1914 года флотъ оказался въ наиболѣе цѣльномъ и законченномъ видѣ. Наоборотъ, у большинства державъ сроки окончанія программъ развитія военно-морскихъ силъ были отодвинуты на нѣсколько лѣтъ впередъ, и, такимъ образомъ, іюль текущаго года, съ точки зрѣнія морской боевой готовности, являлся далеко не наиболѣе удобнымъ моментомъ начала военныхъ дѣйствій.

Положеніе военнаго судостроенія въ Англіи въ началѣ текущаго года всего рельефнѣе было охарактеризовано англійскимъ морскимъ министромъ въ одной изъ его рѣчей въ парламентѣ лѣтомъ прошлаго года: „Получивъ послѣднія донесенія отъ судостроительныхъ заводовъ,—сказалъ Черчилль,—я могу доложить парламенту, что въ продолженіе двѣ-

надцати мѣсяцевъ мы будемъ получать въ среднемъ по одному крейсера каждые 30 дней и въ продолженіе 18 мѣсяцевъ нашъ флотъ будетъ усиливаться черезъ каждые 45 дней въ среднемъ на одинъ сверхдредноутъ новѣйшаго, могущественнѣйшаго и самаго дорогого по стоимости типа“.

Говоря такъ, англійскій морской министръ, очевидно, имѣлъ въ виду корабли, строившіеся по программамъ 10—11 гг., 11—12 гг. и 12—13 гг. плюсъ два крейсера „Queen Mary“ и „Tiger“. Но суда программы 12—13 гг. типа „Queen Elisabeth“—первыя англійскія суда, обладающія 15-дюйм. сверхъ-артиллеріей, дающей имъ огромное преимущество надъ ихъ предшественниками,—могутъ быть готовы не ранѣе 1915 года, полную же эскадру судовъ съ этимъ калибромъ англичане могутъ имѣть только еще черезъ годъ или два. Благодаря этому, при открытіи военныхъ дѣйствій англійскій флотъ первой линіи (I флотъ) имѣлъ изъ четырехъ эскадръ, входящихъ въ его составъ только двѣ полныя эскадры вполнѣ современныхъ судовъ, третья же (по № вторая) эскадра перваго флота состояла изъ судовъ переходнаго къ дредноутамъ типа „King Edward“, а четвертая была или не вполнѣ сформирована, или состояла изъ судовъ трехъ различныхъ типовъ, что совершенно противорѣчитъ основному принципу формировація эскадръ по 8 одинаковыхъ судовъ. Что же касается флотовъ второй линіи (II флота изъ 5 и 6 эскадръ и III флота изъ 7 и 8 эскадръ), то они состояли изъ судовъ сильно устарѣлыхъ. Во Франціи дѣло обстояло еще значительно хуже. Какъ извѣстно, только въ самое послѣднее время французамъ удалось выработать планомѣрную программу возсозданія флота, состоящаго изъ эскадръ однотипныхъ судовъ. Плавающій же въ срединѣ дѣла составъ французскаго флота былъ настолько разнокалиберенъ, что французамъ не удалось составить ни одной полной эскадры изъ 8 судовъ одного типа. Изъ дредноутовъ имъ удалось изготовить лишь четыре, т.-е. одну бригаду. Затѣмъ идутъ шесть переходныхъ кораблей—„Danton“ и пять устарѣвшихъ—„Patrie“.

Точно такъ же не закончили своихъ судостроительныхъ программъ и Италия и Австрія, Россія же лишь приступила къ созданію крупныхъ судовъ на Балтійскомъ морѣ.

Германія тоже не вполнѣ точно приурочила свою программу къ июлю текущаго года. Ея послѣднее дополненіе (1912 г.) морского закона предусматриваетъ усиленіе флота 3-мя кораблями послѣ 1916 г. Однако, все же можно замѣтить, что частично сроки готовности нѣмецкихъ крупныхъ кораблей были приурочены именно къ текущему лѣту. Именно въ августъ мѣсяцъ должны были вступить въ строй послѣдніе дредноуты съ 12-дюйм. артиллеріей типа „Konig“, что давало нѣмцамъ двѣ полныя эскадры дредноутовъ по 8 кораблей каждая, не

считая бригады линейныхъ крейсеровъ-дредноутовъ. Затѣмъ къ этому же сроку было приурочено другое событіе, имѣющее чрезвычайное значеніе для операцій германскаго флота. Лишь 24 юня настоящаго года были закончены работы по углубленію Кильскаго канала такимъ образомъ, чтобы по нему могли бы проходить новѣйшія военныя суда, что давало нѣмцамъ возможность по желанію въ весьма короткій срокъ сосредоточивать какъ въ Сѣверномъ, такъ и въ Балтійскомъ моряхъ.

Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе плановъ развитія военно-морскихъ силъ великихъ европейскихъ державъ убѣждаетъ, что лишь въ одной Германіи эти планы имѣли связь съ лѣтомъ нынѣшняго года, другія же государства хотя и продолжали усиленно вооружаться, но дѣлали это, имѣя въ виду болѣе дальніе сроки.

При этихъ условіяхъ отмѣченный нами фактъ, что война была объявлена намъ Германіей безъ прямого повода, приобретаетъ особое значеніе, а что повода дѣйствительно не было, на нашъ взглядъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ моментъ предъявленія намъ ультиматума не было ни формальнаго, ни реальнаго повода, *принуждавшаго* Германію начать противъ насъ военныя дѣйствія. Нѣсколько дней она имѣла возможность сохранять выжидательное положеніе, приводя свои силы въ боевую готовность, но не дѣлая шага, послѣ котораго уже не было возврата. И если она поступила иначе, то это указываетъ, что были причины, *почему* она не *желала* ожидать, и рѣшилась начать войну въ моментъ, когда еще надежда на мирный исходъ не была окончательно потеряна. И если вспомнить, что въ данномъ случаѣ отъ этого рѣшенія зависѣло быть или не быть всеевропейской войнѣ, разрушенію и уничтоженію того, что было достигнуто цѣною многолѣтнихъ усилій, то отвѣтъ на это „почему“ можетъ быть только одинъ. Война была объявлена раньше необходимости въ ней потому, что моментъ ея начала уже давно былъ предрѣшенъ и признанъ наиболѣе подходящимъ и выгоднымъ, потому что Германія считала себя уже вполне готовой. Всѣ эти соображенія приводятъ къ выводу, что въ отношеніи подготовки къ войнѣ германскій флотъ, зная заранѣе, когда ему придется воевать, находился въ болѣе легкомъ положеніи, нежели флоты его противниковъ, и это необходимо учесть при изслѣдованіи дѣйствій на морѣ.

Чтобы правильно оцѣнить послѣдовавшія послѣ объявленія войны событія на морѣ, необходимо также дать себѣ ясный отчетъ о тѣхъ силахъ, которыми располагали обѣ стороны къ началу военныхъ дѣйствій. Ибо въ зависимости отъ этого соотношенія, а также и расположенія силъ должны были избираться тѣ или иные пути для достиженія конечныхъ военныхъ цѣлей.

Какъ неоднократно указывалось уже нами въ предыдущихъ замѣткахъ, еще два года назадъ, въ связи съ состоявшимся между Англій

и Франціей соглашеніемъ, англійскія линейныя суда сосредоточились въ Сѣверномъ морѣ для дѣйствій противъ германскаго флота, а французскія—въ Средиземномъ. Такимъ образомъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій война на морѣ естественно распадалась на двѣ совершенно отдѣльныхъ части: сѣверную англо-германскую и южную франко-австрійскую. Кромѣ того, въ виду легкости закрытія проливовъ, ведущихъ въ Балтійское море (Скагеракъ, Категатъ, Бельты и Зундъ), этотъ театръ являлся совершенно обособленнымъ, гдѣ нѣмецкій флотъ могъ безъ помѣхи со стороны англичанъ оперировать противъ нашего флота Балтійскаго моря.

На сѣверномъ театрѣ главную массу военно-морскихъ силъ союзниковъ составлялъ такъ называемый Home fleet Англии. ¹⁾ Флотъ этотъ распадается на три отдѣльныхъ части, носящихъ названія перваго, второго и третьяго флота. Первый флотъ состоитъ изъ 4-хъ эскадръ линейныхъ судовъ (1-й, 2-й, 3-й и 4-ой), второй и третій—каждый изъ 2-хъ линейныхъ эскадръ (5-й, 6-й, 7-й и 8-й). Къ линейнымъ эскадрамъ приданы отряды крейсеровъ, миноносцевъ, подводныхъ лодокъ и вспомогательныхъ судовъ. Кромѣ того, имѣются самостоятельные минные отряды.

Первый флотъ является дѣйствующей частью Home fleet'a. Онъ состоитъ изъ новѣйшихъ судовъ и въ мирное время всегда укомплектованъ полностью. Второй и третій представляютъ собою резервъ и въ мирное время имѣютъ лишь часть команды. Второй флотъ при приведеніи его въ боевое состояніе пополняется командами, обслуживающими различнаго рода школы и учебныя отряды, что даетъ ему возможность начать военныя дѣйствія безъ объявленія мобилизации. Третій флотъ для своего укомплектованія требуетъ призыва запасныхъ (въ Англии два класса—А и В), и, такимъ образомъ, приведеніе его въ полную готовность къ бою требуетъ нѣкотораго времени.

Составъ линейныхъ эскадръ перваго флота нѣсколько разъ мѣнялся, и до самаго послѣдняго времени формированіе ихъ не вполне закончено, такъ какъ англичане еще не закончили постройку достаточнаго количества судовъ новѣйшаго типа для образованія всѣхъ 9-ти эскадръ по 8-ми кораблей каждая. Послѣ окончанія постройки послѣднихъ сверхдредноутовъ серіи „King George“ въ концѣ прошлаго года судовой составъ 1-й, 2-й и 3-й эскадръ опредѣлился слѣдующимъ образомъ: 1-я эскадра—8 почти совершенно однотипныхъ дредноутовъ: „Hercules“, „Colossus“, „St. Vincent“, „Collingwood“, „Vanguard“, „Bellerophon“, „Temeraire“ и „Su-

¹⁾ У французовъ здѣсь имѣются лишь совершенно устарѣвшіе крейсера: „Marseillaise“, „Condé“ и „Amiral Aube“, три отряда истребителей, двѣ флотилии подводныхъ лодокъ, учебныя суда и старые миноносцы.

регъ“ съ ходомъ около 21 узла и артиллеріей по X—12-дюйм. пушекъ и 4-дюйм. противоминной. Это даетъ восемьдесятъ двѣнадцатидюймовыхъ орудій. 2-я эскадра является въ настоящее время сильнѣйшей эскадрой въ мірѣ и состоитъ изъ 8-ми также однотипныхъ сверхдредноутовъ: „Ajax“, „Audacious“, „Centurion“, „King George“, „Orion“, „Thunderer“, „Conqueror“ и „Monarch“ съ ходомъ тоже около 21 узла и вооруженіемъ X—13¹/₂-дюйм. орудій; противоминная артиллерія также 4-дюйм., всего 80 тринадцати съ половиной дюймовыхъ орудій; въ такомъ видѣ, какъ мы уже указывали, эскадра существуетъ пока менѣе года. Затѣмъ третья эскадра состоитъ изъ 8-ми кораблей додредноутовскаго типа: „Africane“, „Britannia“, „Hibernia“, „Zealandia“, „Hindustan“, „Dominion“, „Commonwealth“ и „King Edward VII“ съ разнокалиберной крупной артиллеріей (IV—12-дюйм.; IV—9-дюйм. и X—6-дюйм.) и ходомъ 18¹/₂ узловъ. Зато преимуществомъ этой эскадры является то обстоятельство, что сформирована она весьма давно и потому представляетъ собою сплоченную и сплавашуюся единицу. Наконецъ, составъ 4-й эскадры въ точности установить трудно. Послѣ сформированія 2-й въ ея настоящемъ видѣ англичане нѣсколько самобытный „Neptune“ оставили внѣ эскадры для главнокомандующаго флотомъ, а 4-ю эскадру образовали изъ четырехъ разнотипныхъ кораблей: одного „Dreadnought“, двухъ переходныхъ—„Lord Nelson“ и „Agamemnon“ (IV—12-дюймов. и X—9-дюймов.) и одного сильно устарѣвшаго, но съ прекраснымъ ходомъ—„Russel“ ¹⁾ (IV—12-дюйм. и XII—6-дюйм.). Въ текущемъ году были закончены постройкой суда программы 1911—1912 г. „Marlborough“, „Iron Duke“, „Emperog of India“ и „Benbow“. Это типичные сверхдредноуты съ X—13¹/₂-дюйм. пушками и 21 узломъ хода. Однако, вошли ли они уже въ 4-ю эскадру (2-й бригадой), или еще продолжаютъ плавать отдѣльными соединеніями, и произошло ли какое-нибудь переформированіе этой эскадры въ связи съ ихъ вступленіемъ въ строй, съ увѣренностью сказать нельзя. При началѣ войны въ газетахъ появилось извѣстіе, что первый флотъ въ составѣ 28-ми броненосцевъ вышелъ въ море. Это косвенно подтверждаетъ, что къ началу войны 4-я эскадра была еще въ половинномъ составѣ. При каждой эскадрѣ состоитъ для защиты отъ миноносцевъ по мелкому легкому быстроходному крейсеру („Bellona“, „Boadicea“, „Blanche“ и „Blonde“), а въ 1-й и 2-й эскадрахъ еще по одному вспомогательному судну—„Cyclops“, „Assistance“. Кромѣ того, въ составѣ эскадры 1-го флота входятъ по бригадѣ крупныхъ крейсеровъ. У первой эскадры это бригада линейныхъ крейсеровъ-дредноутовъ, гостившихъ у насъ въ Петербургѣ подъ командою отличившагося подъ Гельголандомъ адмирала Beatty.

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, „Cornwallis“

Въ нее входятъ крейсера „Queen Mary“, „Lion“, „Australia“ и „New Zealand“ съ ходомъ до 29 узловъ и вооруженіемъ (кромѣ послѣдняго) VIII—13 $\frac{1}{2}$ -дюйм. пушекъ. При второй и третьей эскадрахъ крейсерскія бригады составлены изъ крупныхъ судовъ нѣсколько устарѣлаго типа („Shannon“, „Achilles“, „Cochrane“, „Natal“, „Atrium“, „Argyll“, „Devonshir“ и „Roxburg“), которыхъ у Англіи весьма большое количество. Затѣмъ при каждой эскадрѣ состоитъ по флотилии миноносцевъ (въ составѣ 20 миноносцевъ, 1 легкаго крейсера и 1 вспомогательнаго судна).

Къ первому же флоту причисленъ отрядъ легкихъ крейсеровъ— „Southampton“, „Active“, „Amphion“ (погибшій) и „Fearless“—и отрядъ тралящихъ и другихъ вспомогательныхъ судовъ.

Таковъ составъ англійскаго флота первой линіи, находившагося въ сѣверныхъ водахъ къ срединѣ іюля мѣсяца. Во второй линіи состояла 5-я линейная эскадра (II флотъ) („Queen“, „Prince of Wales“, „London“, „Bulwark“, „Venerable“, „Implacable“, „Irresistible“ и „Formidable“) броненосцевъ постройки 1900 года (X—12-дюйм., XII—6-дюйм.; ходъ 18 узловъ) и не вполне сформированная 6-я („Albemarle“, „Duncan“, „Exmouth“ и „Vengeance“), съ крейсерскою 5-й бригадою устарѣлыхъ крейсеровъ („Carnarvon“ и „Donegal“) и 7-я и 8-я броненосныя эскадры третьяго флота („Caesar“, „Hannibal“, „Illustrions“, „Majestic“, „Mars“, „Prince George“, „Victorius“, „Jupiter“, „Albion“, „Caporus“, „Glory“, „Goliath“, „Ocean“ и „Magnificent“), съ легкими крейсерами („Falmouth“, „Bristol“, „Liverpool“ и „Weismouth“, и 6 и 7—бригадою старыхъ крейсеровъ („Good Hope“, „Drake“ и „King“ Alfred“, „Aboukir“, „Baechante“, „Euryalus“, „Sutley“ и „Hogue“. Сюда не была причислена эскадра изъ 11-ти бронепалубныхъ крейсеровъ.²⁾ Отдѣльно имѣлись 5, 6, 7, 8 и 9 миноносныя флотилии (по 20 миноносцевъ) и 3, 4, 5, 6, 7 и 8 флотилии подводныхъ лодокъ, приписанныхъ къ береговымъ станціямъ. Кромѣ того, имѣлось еще значительное число устарѣвшихъ миноносцевъ и судовъ вспомогательнаго значенія.

Выясненіе тѣхъ задачъ, которыя ставились и ставятся англійскому флоту націй, не представляетъ большихъ затрудненій. Послѣдній періодъ созданія линейнаго флота Англіи, начало котораго можно отнести примѣрно къ 1885 г., когда былъ установленъ такъ называемый Two powers Standard, только недавно смѣненный 60% превышеніемъ надъ германскимъ флотомъ, явился также періодомъ совмѣстной работы не только флота, парламента и общества, но и массъ народа надъ выра-

²⁾ „Spartiate“, „Europa“, „Terrible“, „Challenger“, „Diana“, „Doris“, „Eclipse“, „Tallot“, „Venus“, „Charubdis“ и „Topaze“; сюда же причислена часть учебныхъ судовъ.

боткой основныхъ понятій и нормъ, касающихся военной силы Англии. И въ настоящее время Англія имѣетъ ясно выработанную идею о своемъ флотѣ, извѣстную каждому: главное назначеніе флота—уничтожить морскія силы непріятеля, такъ какъ этимъ онъ обезпечиваетъ какъ безопасность метрополи и колоній отъ вторженія, такъ и свободу морской торговли—этой жизненной артеріи страны.

Такимъ возможнымъ непріятеlemъ уже довольно значительное время тому назадъ опредѣлилась на сѣверѣ Германія. И вотъ постепенно мы видимъ, какъ стягиваются ранѣе разбросанныя по всему свѣту англійскія эскадры въ Сѣверное море, гдѣ выросъ этотъ новый и грозный противникъ; постепенно укрѣпляется восточный берегъ Великобритани, обращенный къ Сѣверному морю (раньше все вниманіе обращалось на южный берегъ противъ Франціи), и здѣсь одна за другой создаются базы, на которыя стягиваемыя эскадры могли бы опираться; затѣмъ, по мѣрѣ обостренія отношеній съ Германіей, увеличивается боевая готовность флота, усиливается дѣйствующій флотъ и уменьшается резервъ. Въ такомъ положеніи застаетъ Англію война. Но, какъ мы видѣли, послѣдняя работа еще не была закончена, и часть флота для своей мобилизаціи требовала призыва около 15,000 резервистовъ, что отражалось на быстротѣ его боевой готовности.

Несомнѣнное морское соревнованіе Германіи съ Англійей, ея усилія создать флотъ, могущій бороться съ англійскимъ, естественно вызывали появленіе работъ, гдѣ разсматривается предстоящая борьба на морѣ. Эти работы даютъ возможность до извѣстной степени установить, что ожидали сами англичане и ихъ противники отъ своего флота. При этомъ учитывалась и привходящая дополнительная задача, которая имѣла мѣсто и въ дѣйствительности,—необходимость обезпечить высадку на помощь Франціи на материкъ экспедиціоннаго корпуса. Не входя въ отдѣльныя детали, въ общемъ приходится установить, что большинство предсказаній были довольно пессимистичны, и значеніе англійскаго флота переоцѣнивалось въ худую для него сторону. Многие изслѣдователи указывали, что достигнуть господства на морѣ англійскому флоту удастся лишь послѣ долгихъ усилій, и что до этого времени перевозить войска на континентъ было бы крайне опасно; нѣкоторые даже полагали, что близкая блокада германскихъ береговъ окажется невозможной, и придется довольствоваться такъ называемой дальней блокадой, т.-е. запереть выходъ изъ Сѣвернаго моря въ Ламаншъ и у береговъ Шотландіи. Большія опасенія высказывались также и по поводу возможности обезопасить морскую торговлю отъ набѣговъ германскихъ крейсеровъ, и настойчиво указывалось на необходимость обезпечить метрополи крупными запасами пищевыхъ продуктовъ, чтобы не оказаться въ опасномъ положеніи.

Въ Германіи также предстоящая морская борьба тщательно обсуждалась. И флоту также были намѣчены опредѣленные задания, сообразно которымъ былъ выработанъ планъ развитія морской силы и ея организаци. Идеаломъ, конечно, намѣчалось такое положеніе, что германскій флотъ достигаетъ достаточной силы, чтобы быть въ состоянн сразиться съ англійскимъ въ открытомъ бою. Но для всѣхъ было ясно, что достигнуть этого въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ невозможно, и потому были приняты мѣры, чтобы парализовать вредное влияние этой относительной слабости линейнаго флота.

Прежде всего было тщательно укрѣплено логовище, гдѣ бы германскій флотъ могъ безопасно скрываться отъ англійскаго въ случаяхъ, когда онъ почему-либо желалъ уклониться отъ боя. Эта база должна была быть абсолютно безопасна съ моря и обладать многими выходами и достаточнымъ воднымъ пространствомъ для развертыванія линейнаго флота.

Такое мѣсто было найдено недалеко отъ устья р. Эльбы, гдѣ и былъ устроенъ портъ Вильгельмсгафенъ. Портъ этотъ былъ защищенъ укрѣпленіями въ устьѣ рѣки, и, кромѣ того, все водное пространство передъ входомъ защищалось батареями, построенными на островахъ Гельголандѣ и восточныхъ, и сѣверныхъ Фрисландскихъ. Помимо этого двойнаго ряда укрѣпленій, подходъ къ порту защищался отрядами миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, для которыхъ на островахъ были устроены базы.

Затѣмъ Германія обратила особое вниманіе на развитіе второстепенныхъ орудій морской войны—минный (подводный и надводный) и воздушный флоты. Съ свойственной нѣмцамъ методичностью была выработана стройная организаци миннаго флота, причемъ, повидимому, имъ принадлежитъ идея дѣйствія минныхъ отрядовъ совмѣстно съ главными силами въ дневномъ артиллерійскомъ бою.

Сообразно съ этимъ, обычно, въ предположенія о будущихъ дѣйствіяхъ нѣмецкаго флота противъ англійскаго входило временное уклоненіе линейныхъ эскадръ отъ открытаго столкновения, пока англійскія *главныя* силы не будутъ нѣсколько ослаблены. Ослабленіе это могло быть достигнуто прежде всего неожиданной атакой до объявленія войны, какъ это имѣло мѣсто въ П.-Артурѣ (интересно отмѣтить, что и англичане считались съ вѣроятностью такого рода дѣйствій), дѣйствіями во время мобилизаци англійскаго флота и затѣмъ длительной минной войной противъ блокирующей англійской эскадры. Наконецъ, нѣкоторую роль должны были здѣсь сыграть и воздушные корабли.

Къ началу открытія военныхъ дѣйствій, т.-е. іюлю мѣсяцу, германскій флотъ на сѣверномъ театрѣ находился въ слѣдующемъ составѣ: флотъ открытаго моря (дѣйствующій флотъ постоянно исполнѣ укомплек-

тованный) состоялъ изъ полныхъ 3-хъ эскадръ по восьми кораблей каждая. 1-ая эскадра дредноутовъ „Ostfriesland“, „Thüringen“, „Helgoland“, „Oldenburg“, „Nassau“, „Rheinland“, „Posen“ и „Westfalen“, вооруженные первые четыре XII—12-дюймовыми пушками, а вторые XII—11-дюймовыми съ 6-дюймовой противоминной артиллеріей и ходомъ 20 узловъ; 3-ья эскадра, только что передъ войной сформированная, также дредноутовъ „Kaiser“, „Friedrich d. Grosse“, „Kaiserin“, „Prinzreg. Luitpold“, „König Albert“, „Markgraf“, „Gross. Kurfürst“ и „König“ съ вооруженіемъ X—12-дюймовыхъ орудій, 6-дюймовой противоминной артиллеріей и свыше 20-узловымъ ходомъ, и 2-ая эскадра изъ броненосцевъ „Preussen“, „Schleswig Holstein“, „Pommern“, „Hannover“, „Hessen“, „Schlesien“, „Lothringen“ и „Deutschland“ додредноутовскаго типа съ IV—11-дюймовыми орудіями, XIV—7-дюймовыми и ходомъ 18 узловъ. При каждой эскадрѣ состояло вспомогательное судно. Затѣмъ въ составъ флота входилъ развѣдочный отрядъ изъ четырехъ крейсеровъ-дредноутовъ: „Derflinger“, „Seldlitz“, „V. d. Tann“ и „Moltke“, съ ходомъ до 28 узловъ и 11-дюймовой артиллеріей (за исключеніемъ перваго) и восьми легкихъ крейсеровъ—„Coln“, „Strassburg“, „Sttetin“, „Dresden“, „Kolberg“, „Mainz“, „Stralsund“ и восьмой неизвѣстный на мѣсто отправленнаго въ Средиземное море „Breslau“. Тутъ же находились шесть флотилій миноносцевъ по десять миноносцевъ каждая. Затѣмъ имѣлась бригада резервныхъ броненосцевъ (старыхъ)—„Wittelsbach“, „Zährengen“, „Braunschweig“ и „Elsass“—и два учебныхъ отряда, въ общей суммѣ два старыхъ броненосца и восемь крейсеровъ и нѣсколько совершенно устарѣлыхъ броненосцевъ съ 8-дюймовой артиллеріей, однако продолжавшихъ числиться въ спискахъ флота, чтобы дать флоту необходимый по закону составъ изъ 39 броненосцевъ (корабли такъ наз. типа „Kaiser'овъ“).

Флотъ открытаго моря, базировавшійся въ мирное время частью на Киль (2-ая и 3-ья эскадры), вѣроятно, съ началомъ дѣйствій перешелъ по Кильскому каналу и сосредоточился въ Вильгельмсгафенѣ.

Таковы были наличныя силы и предположенія противниковъ истекшимъ лѣтомъ.

19 іюля началась борьба этихъ величайшихъ въ мірѣ военно-морскихъ силъ,—борьба, длящаяся и по настоящее время. Протекшіе два съ половиной мѣсяца даютъ уже значительный матеріалъ для оцѣнки дѣйствій обоихъ флотовъ, по которымъ есть нѣкоторая возможность предвидѣть и наиболѣе вѣроятное будущее.

Съ внѣшней стороны эти два мѣсяца какъ будто не вплели новыхъ лавровъ въ вѣнки англійскаго флота, и въ обществѣ замѣтно разочарованіе его недостаточной активностью. Несмотря на огромное численное превосходство, ему не удалось нанести существеннаго вреда глав-

нымъ нѣмецкимъ силамъ, онѣ находятся до сихъ поръ въ цѣлости и попрежнему угрожаютъ Англии.

Однако, ближайшее разсмотрѣнiе военныхъ событiй въ Сѣверномъ морѣ, на нашъ взглядъ, не оправдываетъ такой пессимистической оцѣнки дѣйствiй нашей союзницы, и невольно напрашивается сравненiе съ тѣмъ, что имѣло мѣсто на Дальнемъ Востокѣ въ русско-японскую войну. Дѣйствительно, положенiе въ первые мѣсяцы войны довольно схоже. И тамъ послѣ ночной атаки нашъ флотъ былъ значительно слабѣе японскаго и мы были принуждены скрыть флотъ за укрѣпленiями Портъ-Артура, какъ теперь нѣмцы за Гельголандомъ. И тамъ японцы поддерживали тѣсную блокаду этого порта, какъ теперь дѣлаютъ это англичане. Однако, дѣйствiя англичанъ гораздо рѣшительнѣе дѣйствiй японцевъ и тѣмъ не менѣе они увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Нужно вѣдь еще принять во вниманiе, что въ Артурѣ не было подводныхъ лодокъ, этого новаго оружiя, дѣйствительность котораго такъ очевидно доказана потопленiемъ англiйскихъ крейсеровъ „Hawke“, „Cressy“, „Hogue“, „Abouckir“ и „Pathfinder’a“, нашего—„Паллады“ и нѣмецкаго—„Hela“. И между тѣмъ англичане не побоялись установить тѣсную блокаду нѣмецкаго флота, столь тѣсную, что *они вполне уверены, что главныя нѣмецкiя силы не могутъ оттуда выйти.* Это то, чего не надѣялись достигнуть японцы, откуда ихъ стремленiя механически, путемъ затопленiя пароходовъ, закупорить нашъ флотъ въ Артурѣ. И пока попытки ихъ были неудачны, до гибели „Петропавловска“ имъ и въ голову не приходило рѣшиться перевозить войска на Квантунскiй полуостровъ. А англичане, увѣренные въ дѣйствительности своей блокады, спокойно перевозятъ огромную армию совсѣмъ уже не такъ далеко отъ германской базы во Францiи. И перевозятъ вполне благополучно. Два раза нѣмцы пытаются выйти за предѣлы своихъ укрѣпленiй. И результаты для нихъ гораздо печальнѣе, чѣмъ выходы нашихъ миноносцевъ и крейсеровъ въ Артурѣ. Первый разъ 15 августа вышедшiе, повидимому, съ цѣлью развѣдки за Гельголандъ нѣмецкiе миноносцы и легкiе крейсера, подверглись нападению англiйскихъ крейсеровъ и миноносцевъ. Въ результатѣ потоплены три германскихъ крейсера (по сообщенiямъ газетъ, потоплены всѣ вышедшiе крейсера)—„Mainz“, „Köln“ и „Ariadna“—и два миноносца, а остальные сильно повреждены. Второй разъ вышли четыре нѣмецкихъ миноносца 4 октября и всѣ утоплены англичанами у береговъ Бельгiи.

Такимъ образомъ, блокада является чрезвычайно дѣйствительной, что указываетъ на то, что англичане не боятся держать свои эскадры вблизи нѣмецкихъ береговъ. Это обрекаетъ нѣмецкiй флотъ на полное бездѣйствiе, а это въ свою очередь чревато весьма большими послѣдствiями. Вспомнимъ, какъ мы оцѣнивали дѣйствiе нашего флота въ П.-Артурѣ и что вышло въ результатѣ его пребыванiя въ гавани. Вспо-

нимъ, въ какое состояніе приходили въ болѣе отдаленныя времена флоты Франціи, заблокированныя надолго въ своихъ гаваняхъ англичанами. Такое пребываніе дѣйствуетъ на флотъ въ высшей степени угнетающе и даже деморализующе. Флотъ начинаетъ забывать свое истинное назначеніе. Начинаютъ появляться идеи о томъ, что онъ могъ бы оказать большую пользу на берегу (есть уже свѣдѣнія, что нѣмецкія морскія части участвуютъ въ сухопутныхъ сраженіяхъ). Постепенно день за днемъ вынужденнаго бездѣйствія въ портѣ теряется привычка къ морю. Флотъ, полгода не выходявшій въ море, уже далеко не можетъ маневрировать съ тѣмъ искусствомъ, которое приобретается лишь постояннымъ упражненіемъ. Постоянное уклоненіе отъ боя съ противникомъ подтачиваетъ вѣру въ свои силы. Полное бездѣйствіе вліяетъ разлагающе и на личный составъ, и мало-по-малу, но неуклонно падаетъ самое драгоцѣнное, самое важное, то, что обезпечиваетъ побѣду, — *духъ эскадры*. Англичане не нанесли еще нѣмецкому флоту пораженія, но они уже подготовили для него почву, и каждый день ихъ тѣсной блокады приближаетъ ихъ къ этой желанной цѣли. Ихъ дѣятельность не блестяща внѣшне, но она весьма трудна, требуетъ величайшаго искусства, и если имъ удастся продержатъ нѣмецкій флотъ взаперти еще годъ, то можно будетъ смѣло сказать, что всякая надежда на морскую побѣду будетъ Германіей утеряна.

Наружно нѣмцы достигли какъ будто бы большихъ успѣховъ. Потопили шесть крейсеровъ („Amphion“—на минѣ, „Hawke“, „Pathfinder“, „Aboukir“, „Hogue“, и „Cressy“—подводными лодками), можетъ быть, нѣсколько миноносцевъ. Говорятъ, что это должно было поднять духъ ихъ флота, особенно послѣднее дѣло, гдѣ одна (повидимому) подводная лодка 9 сентября взорвала и потопила три большихъ крейсера, причемъ погибло $\frac{2}{3}$ команды. Мы держимся совершенно иного мнѣнія. *Были потоплены тѣ корабли, обязанность которыхъ заключалась въ охранѣ главныхъ силъ.* Для всякаго ясно, что охранять, быть постоянно подъ ударами непріятеля и не имѣть потерь—немыслимо. И то, что такія потери есть, это отнюдь не указываетъ на плохую организацію. Конечно, можетъ быть, можно было бы вмѣсто этихъ крейсеровъ возложить охрану на миноносцы; но нужно помнить, что для эскадреннаго боя эти погибшіе крейсера не представляютъ абсолютно никакого значенія, ихъ коэффициентъ равенъ нулю или величинѣ, весьма близкой къ нему. Всего вѣроятнѣе, что въ бою они совсѣмъ не принимали бы участія. Поэтому къ уравненію главныхъ силъ, къ возможности вступить въ борьбу за обладаніе моремъ этимъ потопленіемъ германцы не приблизились ни на шагъ. Крейсера погибли, но они исполнили свое назначеніе—защитить главныя силы. И нужно, наоборотъ, удивляться, до какой степени малы, прямо совершенно ничтожны до сихъ поръ потери

английскаго флота. Два съ половиной мѣсяца ведется борьба за обладаніе моремъ, борьба съ весьма сильнымъ противникомъ—и потеря пяти совершенно ничтожныхъ крейсеровъ. Да, вѣроятно, о лучшихъ результатахъ англичане и не мечтали, такъ какъ они прекрасно сознаютъ, какой вредъ они наносятъ безъ всякаго сраженія германскому флоту, держа его взаперти въ порту; оцѣнить все значеніе этого факта они могутъ лучше кого другого, ибо эта тактика внушена имъ еще со времени адмирала Джервиса, величайшаго английскаго адмирала, во многомъ подготовившаго побѣды Нельсона.

Совсѣмъ не на это рассчитывали германцы въ своихъ планахъ. Они думали держаться нѣкоторое время оборонительной тактики. Но это имѣло смыслъ лишь какъ *временное* положеніе, на время, пока шла бы работа по уравненію силъ. И только наличие такого уравненія оправдывало бы это само по себѣ, несомнѣнно, вредное временное бездѣйствіе. Но прошло 75 дней, а ни одно судно линейной эскадры не потоплено и не выведено изъ строя. Наоборотъ, эскадра усилилась двумя предназначавшимися для Турціи кораблями—дредноутомъ и сверхдредноутомъ. На заводахъ идетъ усиленная работа по окончанію новыхъ морскихъ гигантовъ типа „Queen Elisabeth“ съ 25-узловымъ ходомъ и 15-дюймовой артиллеріей. Завѣтная цѣль—возможность открыто оспаривать владѣніе моремъ, единственная цѣль военнаго флота, правильно понимающаго свои задачи,—не приближается, а удаляется отъ нѣмецкаго флота. Это не могутъ не сознавать нѣмецкіе моряки, и это сознаніе своего полнаго безсилія, своей полной бесполезности для своего отечества въ тотъ моментъ, когда все способное къ ношенію оружія населеніе отчаянно сражается за существованіе своего государства, не можетъ не отражаться на состояніи ихъ духа. Удачное дѣйствіе подводной лодки можетъ поразить народныя массы и вызвать ихъ ликовавіе. Но для тѣхъ, кто ближе стоитъ къ дѣлу и можетъ оцѣнить истинное относительное значеніе происходящихъ военныхъ событій, это плохое утѣшеніе. И нѣмцамъ два истекшихъ первыхъ мѣсяца войны должны внушить горькое сознаніе, что если не произойдетъ чего-нибудь необыкновеннаго, то нѣмецкій флотъ можетъ геройски погибнуть, но вырвать у англичанъ обладаніе моремъ на сѣверномъ театрѣ въ настоящую войну у него нѣтъ надежды. Какъ ни готовился нѣмецкій флотъ къ состязанію, усилія его оказались тщетны. Они разбились объ англискую организацію и искусство, выработанныя традиціей и многолѣтней привычкой бороться за владычество надъ морскими путями.

Н. Нордовъ.

Петроградъ,
6 октября 1914 г.

Предвѣстники возрожденія.

Послѣ начала войны сошли въ могилу два француза, которыхъ имена войдутъ въ исторію творимаго и грядущаго духовнаго возрожденія Франціи.

Одинъ изъ нихъ—основатель новѣйшаго французскаго католическаго социализма, вдохновитель папы Льва XIII въ его социально-политической энцикликѣ *Regum novarum*, графъ Альберъ де Менъ. Съ юношескимъ жаромъ онъ до послѣднихъ дней писалъ вдохновенныя статьи, въ которыхъ чувствовалось, какъ въ великой міровой бурѣ гаснетъ мелкая политика партійныхъ счетовъ и возстаетъ духовно единая, примиренная въ себѣ Франція.

А. де Менъ уже однажды совершилъ актъ примиренія, когда онъ „присоединился“ къ республикѣ. Въ 1914 г. этотъ актъ представляется въ сущности такимъ естественнымъ и необходимымъ, но въ свое время многимъ онъ казался возмутительнымъ отступничествомъ и невыносимымъ приспособленіемъ.

Теперь это *gallienent* готовится съ другой стороны. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что война сыграетъ огромную роль въ морально-политическомъ развитіи Франціи—она поглотитъ недавно торжествовавшую во Франціи интеллигентско-буржуазную антирелигиозность.

Эта великая перемѣна готовилась до войны, и въ ней огромную руководящую роль сыгралъ убитый на войнѣ Шарль Пегги (*Charles Peguy*). Ходъ развитія Пегги чрезвычайно своеобразенъ. Онъ былъ ученикомъ Жореса, застрѣльщикомъ дрейфусарской молодежи. Дѣло Дрейфуса подняло и возмутило своей явной несправедливостью чуткую совѣсть молодежи *Quartier Latin*. Въ *Cahiers de la Quinzaine* созданъ органъ этой социалистически настроенной молодежи, вступившей въ борьбу за правду.

Но борьбой за „права человѣка“ эта молодежь въ лицѣ Пегги не удовлетворилась. Въ ней родилась религиозная жажда и тяга къ землѣ. Пегги сталъ католикомъ и „опростился“. Въ этой своей фазѣ онъ, переставъ быть только литераторомъ, сдѣлался первокласснымъ писателемъ, ставъ въ рядъ величайшихъ французскихъ мистиковъ.